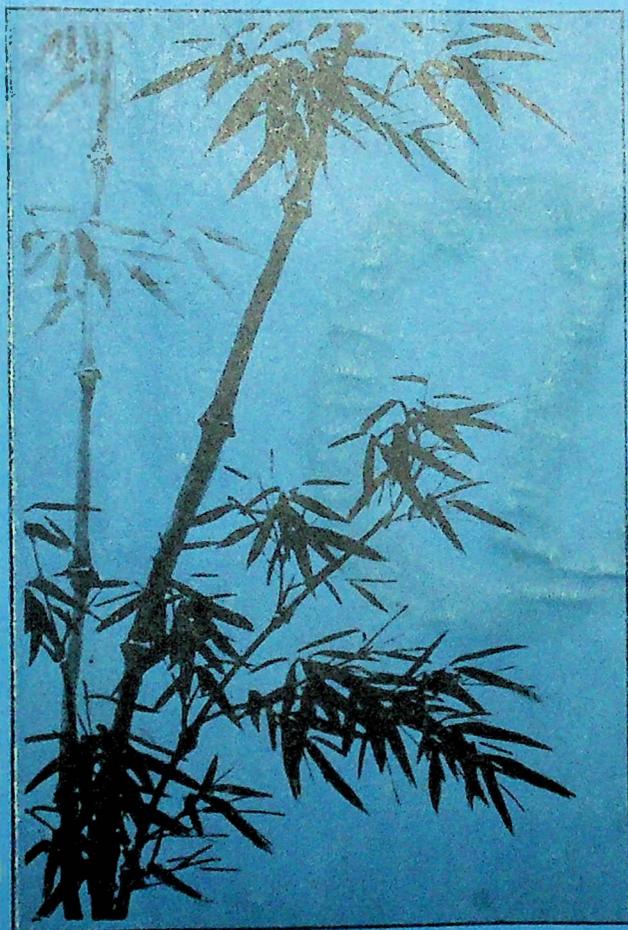

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131 — 2812

1/95

Приморье: перспективы
развития

*

Экономическая зона Японского
моря

*

Права собственности и
китайская реформа

*

Новые документы о советской
политике в Китае (1925 г.)

*

"Бостонское конфуцианство"

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/95

Учредители: Российская академия наук
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и
английском языках

Издается с марта 1972 года

РЕГИОН

- Перспективы развития Приморского края в контексте геостратегических и экономических интересов России 3
Л. Забровская. Проект "Туманган": взгляд из Приморья 30
А. Родионов. Перспективы создания экономической зоны Японского моря 34
Ю. Цыганов. Южная Корея и Китай: использование режима ГАТТ в движении к открытой экономике 40
А. Семин. Региональный аспект отношений Японии с Китаем 49

ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМЫ

- О. Борох*. Теория прав собственности и китайская реформа 55
Бао Юнцзян. Особый путь экономического развития Китая и его влияние на мировое экономическое развитие 72
В. Андрианов. Роль государства в формировании механизмов устойчивого динамичного развития в Южной Корее 80

ОБЩЕСТВО

- Л. Гудошников*. Третий этап конституционной реформы и становление современного парламентаризма на Тайване 92

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Ю. Иванов*. Патронимия в истории Востока 102
В. Кузнецов. Пятой колонны не получилось 112

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

- Новые архивные документы о северном тактическом маневре советской политики в Китае (1925 г.) (Публикация В.И.Глунина)..... 119

РУССКИЕ В КИТАЕ

- М.Кротова.* Торгово-промышленная жизнь Харбина в 1906-1914 гг..... 126

КЛУБ КОНФУЦИЯ

- Р.Невилл* (США). "Бостонское конфуцианство" - корни восточной культуры на западной почве (Перевод и комментарий А.Ломанова)..... 136

КУЛЬТУРА

- С.Торопцев.* На пути к "Истории тайваньского кино"..... 150

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Хуан Чжилян.* От Рах Сипа к стратегии развития по модели "f"..... 154

РЕЦЕНЗИИ

- И.Балюк.* И.Н.Наумов. Проблемы формирования и подъема уровня жизни населения КНР..... 166
Ю.Овчинников. Michael Sweine. The Military & Political Succession in China..... 171
-

Редакционная коллегия

А.М.Григорьев (главный редактор), Я.М.Бергер (зам.главного редактора), Ю.М.Гарушянц, В.И.Глунин, Л.М.Гудошников, П.М.Иванов, В.Н.Кашин, В.В.Малявин, С.А.Манежев, П.А.Минакир, В.С.Мясников, Л.С.Переломов, А.А.Писарев, В.Я.Портяков, Б.Л.Рифтин, Б.Н.Славинский (зам.главного редактора), Н.Н.Соловьев, В.Ф.Сорокин, Ю.С.Столяров, Г.Д.Сухарчук, М.Л.Титаренко, Н.С.Тихонов (отв. секретарь), В.П.Ткаченко

© Российская академия наук
Институт Дальнего Востока РАН

Москва, 117218, ул. Красикова, 27, тел. 124-09-02

От редакции

Проблемы и варианты регионального развития России, особенно Восточной Сибири и Дальнего Востока, заслуживают самого активного внимания не только практических ведомств, но и нашей научной общественности. Редакция журнала приглашает к обсуждению этих проблем все заинтересованные учреждения и ученых. Предлагаем читателям ознакомиться с точкой зрения на перспективы развития Приморского края Института народнохозяйственного прогнозирования РАН

Перспективы развития Приморского края в контексте геостратегических и экономических интересов России

В первой половине 1994 г. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН по заказу Государственного комитета РФ по промышленной политике подготовил научный доклад “Перспективы развития Приморского края в условиях перехода к рынку в свете геостратегических и экономических интересов России”.

В мае 1994 г. состоялось обсуждение доклада на заседании правительства РФ. По итогам обсуждения было принято решение организовать межведомственную комиссию по подготовке специального постановления по данному вопросу.

Редакция журнала предлагает читателям краткое изложение доклада.

В написании доклада участвовали сотрудники Института: к.э.н. А.Н.Арянин, к.э.н. Т.Д.Белкина, д.г.н. Г.А.Гольц, к.э.н. А.С.Зелтынь, к.э.н. Т.Л.Клячко, к.э.н. Ю.С.Кретицина, д.э.н. А.С.Некрасов, к.э.н. Н.Н.Ноздрина, к.э.н. Т.М.Полянская, к.э.н. О.С.Пчелинцев, к.э.н. Г.В.Солнцев, к.э.н. А.В.Суворов, к.э.н. Н.В.Суворов, д.э.н. В.С.Сутягин, к.э.н. М.Н.Узьяков, к.э.н. Е.М.Щербакова, академик Ю.В.Яременко.

При подготовке доклада использовались материалы Тихоокеанского центра экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, статистические и аналитические материалы, предоставленные Администрацией края, материалы, подготовленные к.э.н.Бойко В.И.

Концептуальные подходы к обоснованию перспектив Приморского края

Возрастающая роль Азиатско-Тихоокеанского региона в современном мире и геополитические интересы России. Интересы России как евразийской державы, безусловно, обращены не только на Запад, но и на Восток. Причем возрастающая роль Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в мировой экономике увеличивает в перспективе значимость Приморского края как контактной с ним зоны.

В то же время специфика современных геостратегических и экономических устремлений России определяется действием целого ряда факторов не только внешнего, но и внутреннего характера. К важнейшим из них относятся:

- распад Советского Союза и изменение расстановки сил в мире в результате окончания холодной войны;
- геополитические и экономические притязания сопредельных государств и их военно-политических и экономических образований;
- сдвиги в региональном распределении мировой экономической мощи;
- проблемы становления новой российской государственности;
- трудности формирования рыночной экономики в России.

Анализ этих и других факторов и вероятных последствий их воздействия является необходимым условием осознания возможностей и роли России в будущем мировом сообществе, понимания особенностей ее интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Вместе с тем на фоне кризиса в экономике, углубляющегося в Российской Федерации, и близкого к критическому состояния в Приморье, динамичное развитие АТР, а также намечающееся изменение в соотношении сил внутри региона создают серьезные угрозы долгосрочным интересам России. Применительно к региону Дальнего Востока вообще и Приморскому краю, в частности, эти угрозы состоят в следующем.

Недостаточный учет особенностей мирового развития, игнорирование объективных тенденций возрастания роли АТР, снижение темпов развития Дальнего Востока и Приморского края могут либо привести к *утрате экономикой России потенциальных возможностей азиатско-тихоокеанского рынка*, либо потребуют существенно больших финансовых, экономических и политических усилий, хотя бы для сохранения нынешних позиций России в этом важнейшем регионе мира.

Несмотря на чрезвычайную стратегическую важность дальневосточного региона и, в особенности Приморья, для будущего России непродуманный характер реформ, отсутствие ясной региональной политики способствуют *постепенному нарастанию тенденции экономического отторжения Дальнего Востока от России*.

Существует опасность использования России странами АТР исключительно в качестве источника сырья и рынка сбыта продукции в лучшем случае среднего технического уровня.

Реальна угроза *демографического давления со стороны многомиллионного Китая*. Уже сейчас, по оценкам регионального управления ФСК, границы При-

морья ежегодно пересекают около 200 тыс. китайцев. Стремительно возрастает также численность китайского населения, осевшего на территории края.

Потенциальные угрозы России со стороны КНР не ограничиваются происходящей демографической экспансией. Быстрое наращивание экономической мощи КНР, реальные признаки образования в конце текущего - начале будущего века мощного экономического центра в АТР под эгидой КНР с использованием крупного финансового потенциала Гонконга, Сингапура и Тайваня могут привести к усилению экономического и иного давления на Россию со стороны КНР. Нельзя не учитывать, в частности, сильную заинтересованность Китая в использовании природных российских ресурсов на территории Сибири и Дальнего Востока.

В конечном счете игнорирование реальных социально-экономических проблем Приморья, а по сути проблем самой России на Дальнем Востоке, чревато политической дезинтеграцией Российской Федерации, отторжением от нее Дальнего Востока и, как следствие, потерей значительных территорий, запасов сырьевых ресурсов, возможных выгодных связей со странами динамично развивающегося Азиатско-Тихоокеанского региона.

Вместе с тем АТР в принципе открывает перед Россией существенные благоприятные возможности, связанные прежде всего с емкостью и диверсифицированностью его рынков, мощным финансовым потенциалом, огромным управленческим опытом и опытом внешнеэкономических связей, накопленным передовыми фирмами. Кроме того, если Западную Европу от России отделяет группа восточноевропейских стран, активно стремящихся интегрироваться в Европейский Союз, то между Россией и АТР такого рода "кордона" не существует.

В результате Россия в настоящее время оказывается перед выбором одного из следующих вариантов геостратегического курса: активно включиться и в западноевропейский и Азиатско-Тихоокеанский регионы, стремясь в перспективе к достижению равнозначной взаимозависимости экономик России и этих регионов; сосредоточиться на развитии связей с одним из этих регионов; сделать ставку на экономическую интеграцию в рамках СНГ по аналогии с существовавшей до распада СССР.

Представляется, что долгосрочным интересам России как евразийской страны в наибольшей мере отвечает первый вариант. К тому же он в принципе не исключает углубления экономических отношений со странами СНГ. Напротив, последние могут получить определенный импульс в случае активного подключения России к экономике АТР.

Концепция современной региональной политики как основа организации экономического взаимодействия краевого и федерального уровней. Серьезным препятствием на пути нормализации экономического положения в Приморье является нерешенность принципиальных вопросов экономического взаимодействия субъектов Федерации и Центра. В связи с этим возникает актуальная задача выработки основ региональной политики в рыночной экономике.

Самая трудная ее проблема - учет предшествующего развития. Отраслевая структура и специализация российских регионов формировались на протяжении многих десятилетий на неэкономической основе. Сейчас место идеологии и политики заняли экономические критерии. Однако в процессе этой замены не была учтена устойчивость отраслевой и региональной структур. В результате, по-

литика, ставившая цель ликвидировать прежние диспропорции, на деле лишь усилила их, породив ряд новых проблем, а именно:

- несоответствие новой структуры цен структуре издержек и технологическому уровню большинства предприятий и отраслей;
- неадекватность отраслевой структуры производства конечному спросу;
- несоответствие сформировавшейся в прошлые годы региональной специализации новым критериям эффективности;
- неразвитость механизмов согласования экономических интересов между региональными и федеральными властями.

Результатом прежней политики концентрации и специализации стал рост регионального монополизма одновременно при острой зависимости каждого региона от остальных практически по всему спектру потребностей. Сейчас эта взаимозависимость оборачивается взаимным шантажом и ценовой гонкой. Ряд регионов, терпящих в этой гонке поражение, начинает требовать государственной поддержки.

Чрезвычайно широкая дифференциация регионов по техническому уровню производства, финансовому состоянию, степени самообеспеченности вынуждает федеральное правительство усиливать государственное вмешательство в их экономику, тяжесть налогообложения.

Экономическое положение Приморского края определяется чрезвычайно высоким удельным весом выполняемых им функций общероссийского значения. Это оборонная функция, связанная, в частности, с базированием в крае Тихоокеанского флота, транзитная по-жизнеобеспечению районов Крайнего Севера (восточного сектора Арктики) и внешнеэкономическая функция, от реализации которой зависит взаимодействие России со странами АТР.

В этих условиях должны быть по-новому определены принципы экономического взаимодействия края с федеральным уровнем. Анализ проблем Приморья позволяет выдвинуть в качестве таких принципов: договорный характер отношений с четкой фиксацией взаимных обязательств и ответственности за их невыполнение; неременное согласование финансового и материального аспектов всех направлений федеральной политики в отношении края; комплексную оценку последствий принимаемых решений с соответствующим разделением прибылей и убытков.

Договорное содержание не обязательно предполагает форму договора. Поэтому предлагается закрепить выполнение функций общероссийского значения в Уставе края, предусмотрев финансирование обеспечивающей их инфраструктуры за счет федерального бюджета. Вопрос о разделении функций и ответственности между различными уровнями государственной власти должен согласовываться в процессе переговоров. Сейчас круг федеральных интересов и связанных с ними обязательств выявлен достаточно четко, и база для таких переговоров и разработки Устава в этой части создана.

Концептуальные проблемы долгосрочного экономического развития Приморья. Географическое положение Приморского края, являющееся основой реализации геополитических и экономических интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, обеспечивает ему ряд преимуществ. Наряду с имеющимся ресурсным и экономическим потенциалом, именно положение Приморского края как контактной с рынками АТР зоны позволяет рассчитывать в долгосрочном

плане на превращение его в один из основных центров притяжения и распространения в России современных технологий и стандартов образа жизни.

По удаленности от столицы страны территория Дальнего Востока, и Приморья в том числе, далеко превосходит все аналогичные показатели. Бытуют представления, что подобные регионы могут развиваться только за счет обеспечения "метрополии" редкими или дорогими видами сырья, а также как военный плацдарм.

Разумеется, высокая степень удаленности Приморья от основных густонаселенных центров России понижает конкурентоспособность развития в крае неспецифических, нейтральных отраслей производства. Однако было бы упрощением заранее прогнозировать низкую конкурентоспособность "нейтральных" отраслей Приморья как результат удаленности региона от центра. В какой-то степени это было бы равносильно, например, заключению о низкой конкурентоспособности машиностроительного производства, скажем, в Калифорнии, и, конечно, в соседней Японии.

Опыт развития подобных, сравнительно изолированных с точки зрения мировых рынков территорий показывает, что при наличии квалифицированной рабочей силы, развитой научно-технической среды, современного транспорта удаленность не является препятствием успешной конкуренции в области сложной машиностроительной продукции.

Небезынтересно, что при определении с помощью межрайонной межотраслевой модели оптимальной специализации регионов СССР, на 1990 г. при условии рассмотрения его территории как изолированного рынка, южная часть Дальнего Востока выступала в качестве региона, специализирующегося в основном на приборостроении и электронике. При этом достигалась относительная минимизация не только затрат на поставки готовой продукции, но и потребления энерго-ресурсов, что остается насущно важным вопросом и в перспективе.

Эти результаты вполне закономерны, поскольку Дальний Восток по отношению к Европейской России занимает положение, аналогичное, например, положению Японии к американскому и европейскому рынкам. Естественно их надо учитывать при определении перспективной специализации Приморья. Вместе с тем появление условий для налаживания широких рыночных связей со странами АТР значительно расширяет возможности рациональной специализации машиностроения и других "нейтральных" отраслей региона.

Поэтому кризис развития "нейтральных" отраслей в Приморье и намечающийся в связи с этим отток населения из региона не является с точки зрения чисто рыночных условий органичным, определенным имманентной неэффективностью региона, он обусловлен наличием своего рода инвестиционного барьера. Для преодоления этого барьера необходимы специальные усилия со стороны государства. В случае успеха регион принесет значительные доходы в федеральный бюджет.

Таким образом, для определения долгосрочных перспектив развития хозяйства Приморья необходимо решение задач его структурной перестройки и рациональной специализации.

Проблемы структурной перестройки хозяйства Приморья

Современная структура хозяйства Приморья и тенденции ее развития. Анализ структуры хозяйственной деятельности края позволяет выделить главные отрасли его специализации: рыбная промышленность (занято 16,9%, по России - 1%), цветная металлургия (соответственно 3,8 и 1,3), лесная (9 и 2,7) и оборонная промышленность (19,9 и 15,9).

В машиностроении Приморского края занято сегодня около 90 тыс.чел., в том числе примерно 56 тыс. в оборонных производствах (судо-, приборо- и авиастроение) и 16 тыс. в судоремонте. Отрасль переживает глубокий спад: за три года (с 1990 по 1993) ее доля в общем объеме промышленного производства края снизилась с 24,1 до 10,2%. Можно предположить, что машиностроению грозит участь легкой промышленности, где число занятых уже уменьшилось более чем в два раза (с 20 тыс.чел. в 1987 г. до 9,4 тыс.чел. в 1992 г.). И все же именно в этих двух отраслях - машиностроении и легкой промышленности - до сих пор сосредоточено больше занятых (37%), чем в сырьевом комплексе (33%). И именно от них (в первую очередь) зависит общая динамика занятости.

Анализ эффективности функционирования отдельных отраслей промышленности в крае показывает, что, по существу, и бюджет края и относительная социальная стабильность держатся на сырьевых отраслях. В крупнейшей из отраслей обрабатывающей промышленности - машиностроении - валовая выработка (выручка от продажи продукции в расчете на одного занятого) составляет 18% средней по краю, т.е. в 8 раз меньше, чем в цветной металлургии и в 7, чем в рыбной промышленности. Им примерно соответствуют разрывы в прибыли - соответственно 16%, 13,7 раза и 7,5 раза. Очевидно, что сохранение этой ситуации, отказ от структурной политики приведут к деиндустриализации края и массовому оттоку населения.

Итак, самый важный вывод из анализа ситуации в крае (как и в России): либерализация и обвальное открытие экономики оказались несовместимыми со структурной перестройкой. Само предположение о том, что структурные сдвиги такого масштаба осуществимы на основе рыночного саморегулирования, было утопией. Особенно для такого района, как Приморье, основу экономики которого составляют капиталоемкие отрасли промышленности и магистральный транспорт.

Тенденции технологического упадка должна противостоять активная структурная политика, основанная на принципе преемственности хозяйственного профиля. Изменение экономической структуры Приморья должно идти не путем ликвидации существующих отраслей, а наоборот, ее достройки, рациональной диверсификации производства.

О рациональных направлениях развития Приморья. С позиций России главным преимуществом Приморья является его уникальное экономико-географическое положение в центре Азиатско-Тихоокеанского региона, на стыке Китая, Кореи и Японии. Приморье - ворота в АТР для всей страны. Этим в решающей степени определяется народнохозяйственная перспектива края как инициатора и организатора экономических и технологических связей между странами АТР, регионами России и другими странами СНГ.

Связанные с этим возможности не могли быть использованы в прежней системе. Приморье развивалось как дальняя периферия отраслевых министерств, в отрыве от мировых рынков сбыта. В условиях перехода к рыночной экономике искусственная привязка региона к сверхотдаленным потребителям привела к неконкурентоспособности большинства производимых в крае товаров. Возник разрыв между значительным потенциалом Приморья и фактическим положением его как одного из беднейших районов России.

Чтобы закрепить население края, необходима стратегия социально-экономической стабилизации - выравнивания параметров эффективности производства и уровня жизни населения в Приморье и в Европейской России. Стержнем такой стабилизации могло бы стать создание в крае набора пусковых комплексов импортозамещающих и экспортосемких производств, обеспечивающих валютные поступления и обновление технологий.

На первых этапах роль таких пусковых комплексов могут выполнить:

- конверсия оборонных предприятий;
- модернизация рыбной промышленности;
- комплексная переработка рудного сырья;
- переработка лекарственного сырья растительного и животного происхождения, в том числе на мелких предприятиях;
- модернизация транзитных перевозок и фрахта морских судов.

Под конверсией имеется в виду создание принципиально новых экспортных производств с привлечением высвобождаемого персонала оборонных предприятий. Главным препятствием на этом пути сегодня является недостаточное знание рынка. Преодолеть его призваны, в частности, рассматриваемые сейчас в крае проекты перевода некоторых оборонных предприятий на производство гражданской продукции из импортного сырья и комплектующих.

Другими конкретными проектами могли бы послужить:

- диверсификация судостроения с изготовлением, в частности, металлических конструкций;
- организация сборки электрических и дизельных погрузчиков и кранов;
- производство медицинского оборудования;
- увеличение выпуска цемента;
- производство сборной мебели из ценных пород древесины;
- создание малых и средних трикотажных и швейных предприятий;
- производство моющих средств, косметических изделий, медикаментов.

Анализ различных сценариев развития края показывает: Приморье в отличие от районов Севера не может специализироваться только на добыче и первичной обработке редкого сырья. Оно нуждается в существенно более широкой специализации прежде всего вследствие гораздо большей плотности населения и необходимости расширения сферы занятости.

Разумеется, удаленность края снижает возможности развития отраслей, производящих малотранспортабельную продукцию. Однако близость Приморья к рынкам АТР позволяет смягчить действие этого фактора.

Несомненно, очень многое зависит от позиции стран АТР, прежде всего Китая. Возможны разные сценарии экономического и демографического взаимодействия Приморья с Китаем - от превращения края в сырьевой придаток Маньчжурии до совместного развития научно-технического комплекса и отраслей машиностроения. Что касается Японии и Южной Кореи, то на современном этапе

наибольшую ценность для них могут представлять наличие свободных земель и ресурсы Приморья.

Для достижения главной цели федеральной политики - закрепления населения края - недостаточно (при всей их важности) традиционных мероприятий социальной политики: повышения районных коэффициентов, компенсации транспортных расходов или льготного кредитования строительства жилья и др. Необходимо коренная перестройка хозяйственной структуры края в пользу несырьевого сектора, обуславливающего в перспективе его экономический рост. Проведенный анализ показал, что исходным пунктом такой перестройки должна стать конверсия оборонного сектора.

Конверсия оборонных предприятий края. Предприятия края имеют мощный, в ряде случаев уникальный конструкторский, производственный и трудовой потенциал. Сложившаяся экономическая конъюнктура в мире, АТР и СНГ позволяет использовать этот потенциал по профилю основной деятельности в судостроительной, судоремонтной и авиационной промышленности без значительных дополнительных затрат. Дополнительные затраты возникают, как правило, с расширением некоторых производств в связи с утратой их аналогов при распаде СССР или реконструкцией предприятий для решения ими задач, которые выполнялись заводами, расположенными теперь за рубежом.

Оборонная промышленность края находится в катастрофическом финансовом положении, которое связано не столько с сокращением военного госзаказа, сколько, главным образом, с невыполнением государством своих финансовых обязательств по выполненному госзаказу. В связи с этим может быть не возвратно потеряны целый ряд очень перспективных направлений конверсии, в том числе и в наиболее трудной для конверсии области приборостроения.

Предприятия приборостроения должны радикально изменить профиль своей основной деятельности путем создания новых производств при консервации оборудования, необходимого для выпуска профильной продукции, что требует дополнительного финансирования.

Необходимо срочное и полное погашение задолженностей потребителями военной продукции. В основном это относится к Тихоокеанскому флоту как наиболее крупному должнику. Кроме того, государством должны быть погашены всевозможные пени и штрафы, а также повышенные проценты по просроченным кредитам, так как нарушение сроков платежей было допущено не по вине предприятий.

В силу особо крупного размера задолженности требует отдельного государственного (судебное уже имеется) решения вопрос о задолженности МВЭС заводу "Изумруд" в размере более 580 тыс.долл.

В связи с освоением рядом предприятий полнокомплектной экспортной военной продукции, не имеющей аналогов за рубежом, необходимо решить вопросы ее экспорта, который позволит финансировать завершение создания гражданских производств.

Должны быть значительно снижены (или вообще отменены) не только ставки налога на добавленную стоимость (НДС) на ввозимые комплектующие для выпуска имеющей экспортные возможности гражданской продукции, но и снижены ставки таможенных пошлин. В данном случае это оправданно, так как отече-

ственных аналогов ввозимых изделий не существует, а установленные тарифы лишают программу экономической целесообразности.

Вопросом национального престижа России является разработка и реализация программы развития судостроения на Дальнем Востоке, включающая в качестве основного элемента создание Дальневосточной судостроительной финансово-промышленной группы.

В целях сохранения мобилизационных мощностей при практически полном акционировании предприятий оборонной промышленности необходимо немедленное решение вопроса о финансировании их содержания. В связи с этим правительству РФ следует:

- подготовить и утвердить мобилизационные планы с указанием объемов мобилизационных мощностей предприятий Приморского края;
- компенсировать убытки предприятий Приморского края за 1993 г. по содержанию незагруженных мобилизационных мощностей и запасов;
- разработать долговременную программу военных заказов для заводов Госкомпрома и Минобороны РФ в Приморском крае и на Дальнем Востоке;
- определить судьбу незагруженных или частично загруженных мощностей (специализированного и испытательного оборудования), компенсировать убытки предприятий по их содержанию за 1993 г. и далее, до момента принятия окончательного решения.

Перспективы развития энергетики. Оценки перспектив потребления энергии в Приморском крае характеризуются неопределенностью. В настоящее время сформировались две точки зрения, одна из которых традиционно ориентирована на постоянный рост энергопотребления, в первую очередь электроэнергетики, другая - лишь на восстановление к 2000-2005 гг. уровня энергопотребления 1991 г.

Эти различия во взглядах отражают отсутствие в настоящее время единства в определении сроков преодоления экономического кризиса и его последствий и связанного с ним уровня спроса на электроэнергию. В то же время общим является утверждение о необходимости создания условий для стабилизации и дальнейшего развития угольной промышленности Приморья, прежде всего за счет увеличения мощности разрезов на Бикинском и Павловском бурогольных месторождениях.

Имеющиеся запасы угля при соответствующем наращивании геолого-разведочных работ позволяют считать возможным ориентацию на собственные ресурсы края. Обеспечение добычи угля в размере 1720 млн.т (по разным источникам) может быть достаточным в рассматриваемой перспективе для удовлетворения спроса электростанций и котельных Приморья. При ожидаемых низких уровнях потребления электроэнергии в ближайшие годы задача состоит в создании условий для укрепления топливной базы края и ее последующего развития по мере роста спроса. Ориентация на дальнепривозные сибирские угли как стратегическая линия обеспечения края топливом представляется малооправданной с точки зрения экономичности и надежности топливоснабжения.

В то же время дальнейшее продолжение использования углей как базы электроэнергетики края должно быть связано с техническим перевооружением электростанций, оснащением их энергетическими котлами с кипящим слоем. Это направление мирового технического прогресса, позволяющее расширить допустимый диапазон характеристик эффективного сжигания углей низкого качества и

нестабильного состава, может обеспечить устойчивую работу электростанций в условиях меняющейся топливной базы. Имея в виду, что на электростанциях АО "Дальэнерго" установлены в основном котлы Барнаульского котельного завода, являющегося в России лидером в создании крупных котлов с кипящим слюем, целесообразно рассмотреть совместно с заводом перспективную программу реконструкции котельного хозяйства электростанций и определить источники ее финансирования.

Вариантом решения проблемы энергетики Приморья может быть развитие здесь атомной энергетики. Предпосылками для этого являются как сложные условия обеспечения края традиционными топливно-энергетическими ресурсами, так и новые возможности в развитии атомной энергетики, вытекающие из Постановления Правительства Российской Федерации от 28 декабря 1992 г. © 1026 "Вопросы строительства атомных станций на территории Российской Федерации".

Выделим два направления развития атомной энергетики в крае.

Первое базируется на использовании существующих и модифицированных реакторов корабельного типа с тепловой мощностью блока 200-400 МВт. Сооружение на их основе атомных электростанций малой и средней мощности предполагает возможность наземного или подземного размещения. В последнем случае заметно повышается безопасность как эксплуатации АЭС, так и хранения и захоронения радиоактивных отходов, не выводимых на земную поверхность. В то же время, по имеющимся оценкам, киловатт установленной мощности подземной АЭС примерно на 30% дороже, чем наземной.

К числу преимуществ сооружения в крае АЭС с реакторами корабельного типа следует отнести возможность использования имеющихся на Дальнем Востоке и в Приморье конверсируемых заводов по производству атомных кораблей и инфраструктуры Тихоокеанского флота по подготовке эксплуатационного и ремонтного персонала, ремонту и сервисному обслуживанию таких электростанций. Необходимо также учитывать, что создание подземных АЭС с компактными реакторами корабельного типа позволяет применять освоенные технологии тоннелестроительства.

Второе возможное направление - сооружение АЭС с реакторами средней мощности 400-600 МВт, проекты которых находятся в стадии разработки. Однако, как и в первом случае, пока отсутствуют точные технико-экономические показатели этих АЭС, экспертные оценки их действительной безопасности и надежности, возможные сроки ввода. Очевидно, что необходимость сооружения АЭС в Приморье прямо зависит от перспективных темпов роста спроса на электроэнергию, которые сегодня достоверно не определены, а также от сравнительной эффективности затрат на атомную и угольную электроэнергетику края. Имея в виду жизнеобеспечивающее значение этой отрасли, большие инвестиционные затраты и длительные сроки сооружения объектов энергетики, необходимо выполнить сравнительный анализ возможных вариантов электроснабжения Приморского края при разных условиях финансирования проектов, экономического и социального риска, возникающего в зависимости от принимаемых решений.

В Приморском крае имеются разнообразные возможности использования нетрадиционных возобновляемых источников энергии (солнце, ветер и т.д.). Их

применение существенно зависит от ресурсов в локальных зонах, направления использования, экономичности и эффективности новых конструктивных решений и т.п. Использование нетрадиционных видов энергии может быть значительным в отдельных зонах энергоснабжения, но относительно невелико в общем энергообеспечении края. В этих условиях играет роль целевая направленность их применения.

В процессе формирования рыночных отношений достаточно очевидно выявилась устойчивая тенденция перехода к использованию местных топливных ресурсов и энергетических установок пониженной мощности, предназначенных для энергообеспечения своего региона. Это связано с изменением условий финансирования сооружения энергетических объектов, стремлением к сокращению технического и экономического риска при топливо- и энергоснабжении удаленных потребителей. Такие тенденции должны быть учтены при определении политики энергообеспечения Приморского края и условий развития его топливно-энергетической базы.

О финансовых и организационных проблемах перестройки экономики Приморья. Развитие новых производств приведет к необходимости существенного увеличения инвестиций в экономику края. Для 1994 г. спонтанные капиталовложения могут быть оценены исходя из уровня 1988 г. примерно в 1,5 млрд.долл. Эти объемы в принципе, если абстрагироваться от инфляционной ситуации, могли бы быть уже сейчас сформированы за счет прибылей предприятий края. Для сооружения 60-70 тыс. новых рабочих мест за пятилетний период (видимо, минимально возможный срок) потребуется около 5 млрд.долл., или 1 млрд.долл. ежегодно.

• Таким образом, необходимо и достаточно ежегодное привлечение в ближайшей перспективе 4,0-4,5 трлн.руб. (в ценах 1994 г.) при финансировании за счет собственных прибылей примерно 2,5-3,0 трлн.руб., т.е. помощь из федерального бюджета составит 1-2 трлн.руб.

Фактически структурная перестройка хозяйства края потребует сочетания финансирования из централизованных, федеральных и местных источников (в частности, прибылей сырьевых отраслей), привлечения инвесторов из других регионов, заинтересованных в транзите грузов и т.п. Организация новых производств, совмещающих высокую производительность с успешной маркетинговой деятельностью, приведет в будущем к росту чистой продукции на занятого. По имеющимся прогнозам (ЕСФА), можно рассчитывать к 2010 г. на рост выработки на занятого в 1,7-2,6 раза по сравнению с 1989 г. (в сопоставимых ценах). При этом возникает возможность значительного укрепления источников накопления средств внутри края и повышения доли самофинансирования региона. Такими источниками будут растущие прибыли и налоговые отчисления при увеличении объема чистой продукции и сбережения населения, используемые в качестве банковских ресурсов для кредитования. В связи с ростом совокупного спроса каждая возможность увеличения рыночно эффективной продукции на каком-либо предприятии приведет к оживлению хозяйственной деятельности и в других (преимущественно вспомогательных) отраслях (региональный мультипликатор доходов).

Привлечение значительных иностранных инвестиций в ближайшем будущем мало вероятно в связи с общей рецессией мировой экономики и нестабильности

отношений со странами АТР. В более же отдаленной перспективе вполне возможны такие инвестиции в совместные с фирмами стран АТР объекты как промышленные, так и туристские.

Следует отметить, что хотя в общих чертах понятна целесообразность направлений развития хозяйственной структуры региона, их реализация потребует создания новых хозяйственных механизмов активизации инвестиционной деятельности. Такая активизация невозможна только за счет усилий администрации края, нацеленных и на эффективное использование средств своего бюджета. Мало надежды на активную инвестиционную деятельность отдельных предприятий в ближайшем будущем.

Выход состоит в интеграции инвестиционной деятельности. При создании интегрированных индустриально-финансовых структур на федеральном уровне важно, чтобы при формировании соответствующих федеральных инвестиционных программ Приморскому краю уделялось повышенное внимание в связи с его специфическими федеральными функциями.

Необходимой мерой для активизации использования регионального инвестиционного и научно-технического потенциала представляется создание Приморской финансово-промышленной группы (ФПГ) с диверсифицированными промышленными и финансовыми функциями на базе акционерного общества открытого типа. Объединение промышленного, ресурсного и кадрового потенциалов в рамках Приморской ФПГ позволит приступить к выработке единой политики структурных преобразований, анализу финансово-экономической эффективности и технологического цикла имеющихся проектов и разработок, а также отрегулировать механизм развития кооперационных связей и концентрации инвестиционных ресурсов на приоритетных направлениях.

Проблемы выполнения специфических федеральных функций Приморья

Основные специфические федеральные функции Приморского края. Экономическое положение Приморского края определяется (наряду с удаленностью от центра страны) чрезвычайно высоким удельным весом выполняемых им функций общероссийского значения.

Фактически Приморский край выполняет целый ряд общегосударственных функций, от реализации которых зависят военная и экономическая безопасность страны, степень вовлечения экономики России в мировое хозяйство, благосостояние населения страны. Эти функции можно определить следующим образом:

- оборонная функция связана с дислокацией на территории края и содержанием инфраструктуры Вооруженных сил России (в первую очередь Тихоокеанского флота);
- внешнеэкономическая функция региона состоит в транспортном и таможенном обслуживании экспортируемых и импортируемых товаров;
- транзитная функция обеспечивает, в частности, сезонные поставки в районы Крайнего Севера.

К числу крупных народнохозяйственных функций края следует также отнести обеспечение населения России рыбной продукцией.

Необходимость для России реализации и даже расширения перечисленных функций не вызывает сомнения. В перспективе в связи с развитием мировой торговли Приморский край может превратиться в гигантский перевалочный пункт на транзитном пути: АТР - Западная Европа и АТР - Центральная Азия.

Несомненно также, что реализация этих функций невозможна без участия государства. Все эти функции ориентированы на федеральные нужды и полностью зависят от федеральных источников обеспечения ресурсами. Поэтому крупные перемены в политике, связанные с распадом СССР и изменением геостратегического положения России, сказываются на ситуации в Приморье гораздо тяжелее, чем в других регионах, и не поддаются регулированию с помощью его собственных ресурсов.

Обеспечение достаточной обороноспособности России на Дальнем Востоке. Роль и задачи Приморского края. Реализация оборонной функции, в том числе в Приморском крае, определяется изменением геополитической ситуации в мире, формированием новых приоритетов во внешней политике России и возможностями ее экономики. Содержание задач в оборонной сфере обусловлено следующими факторами.

Первый. Кардинальным образом трансформировались военная доктрина и представления о национальных интересах в области обороны. В настоящей международной и внутриэкономической ситуации, в условиях деидеологизации российского общества главной задачей в области обороны становится сохранение политического и экономического суверенитета России.

Второй. Переход к концепции сохранения политического и экономического суверенитета существенно меняет характер боевых задач Вооруженных сил и снижает потребность как в численности Вооруженных сил, так и в парке боевой техники. Встает задача изменения структуры вооружений и, в частности военноморских сил. Одновременно возрастают требования к качеству новых образцов военной техники.

Третий. В связи с изменением границ России, обострением межнациональных конфликтов, усилением демографического и экономического давления приграничных государств резко возрастает роль пограничных войск и приграничных военных формирований.

Четвертый. С геополитической точки зрения Приморье является одним из наиболее критических районов России, где Российские Вооруженные силы должны использоваться в качестве фактора решения спорных вопросов. Это диктуется целым рядом обстоятельств.

Во-первых, быстрое экономическое развитие Китая в условиях неопределенности военных интересов этой страны из-за неустойчивости политического курса может в будущем представлять опасность для России.

Во-вторых, Россия не имеет союзников в регионе, давление же, основанное на капитале и технологии, со стороны Японии и Южной Кореи усиливается.

В-третьих, существует сильное противодействие вступлению России в региональные политико-экономические структуры.

Закрытость данных в области вооружений и Вооруженных сил не позволяет выполнить расчеты и количественные оценки необходимого военного присутствия России на Дальнем Востоке. В то же время из приведенных выше соображений следует, что при общем сокращении Вооруженных сил и конверсии обо-

ронной промышленности эти элементы обеспечения обороноспособности должны сокращаться в Приморском крае в относительно меньшей пропорции, чем, например, в Смоленской области, граничащей с дружественной Белоруссией, либо в такой же пропорции, как и в других районах страны, но при условии привлечения альтернативных средств обеспечения обороноспособности (например, казачества) и проведения активной политики обновления Вооруженных сил и их взаимоотношений с субъектом Федерации.

Вместе с тем многие вопросы размещения, обеспечения, развития армии, флота и погранвойск регулируются правовыми актами 30-50-х годов. Этими актами, с одной стороны, Вооруженным силам позволено использовать обширные территории и акватории, возможно, в ущерб потребностям развития экономики, социальной и производственной инфраструктуры, экологии и безопасности гражданского населения, а с другой - многие насущные вопросы армии остаются без решения. Так, показатели обеспеченности военных городков, гарнизонов и других территорий и поселений жильем и объектами социальной сферы значительно отстают от нормативных.

Расположение ряда складов, арсеналов и других объектов армии, флота и погранвойск представляет реальную угрозу безопасности населения городов и других населенных пунктов края. Из проведенного анализа обеспечения оборонительных функций Приморского края вытекают следующие выводы и предложения.

1. Необходима разработка законодательной инициативы по изменению характера взаимоотношений субъектов Федерации и Вооруженных сил на территории края. Эти взаимоотношения могли бы опираться на следующие основные принципы:

а) все земли и акватории, используемые для нужд обороны, арендуются (на определенных условиях) Вооруженными силами у субъекта Федерации;

б) любая деятельность Вооруженных сил вне арендованной территории и акватории может иметь место только с согласия органов власти субъекта Федерации;

в) в бюджеты городов и поселков, в которых живут военнослужащие, в том числе вышедшие на пенсию, и их семьи, Вооруженные силы должны вносить средства в размере не ниже социальных нормативов;

г) Вооруженные силы должны нести расходы по содержанию инфраструктуры, обслуживающей оборонные объекты.

2. Необходима разработка и реализация взаимосвязанного комплекса программ: "Ликвидация последствий ядерной аварии в бухте Чажма", по утилизации радиоактивных отходов, выносу взрывоопасных арсеналов из населенных пунктов и городов края.

3. Целесообразна разработка и реализация программы скорейшей реконструкции существующих складов ЖРВ и ТРВ, строительства новых, а также создания производств по утилизации радиоактивных отходов, обеспечивающей радиационную и экологическую безопасность населения края.

4. Важна разработка и осуществление программы использования атомных судовых энергетических установок для нормализации энергобаланса Приморского края. По предварительным данным, для восполнения дефицита электроэнергии требуется около 60 таких установок.

5. Необходима разработка и утверждение ряда документов по возрождению уссурийского казачества.

Внешнеэкономическая функция Приморского края. Экономическая деятельность Приморского края теснейшим образом связана с внешнеторговыми операциями. При этом большую часть во внешнеторговом обороте, проходящем через территорию региона, традиционно занимали экспортно-импортные поставки по линии контрактов, заключаемых центральными внешнеторговыми организациями. Однако в последние годы в структуре внешнеторговых потоков произошли значительные изменения, повлекшие в целом повышение роли собственно регионального, местного фактора во внешней торговле:

	1992 г.	1993 г.
Экспорт через Приморье, млн.долл.		
всего	1470,0	1039,0
в том числе централизованный	1208,0	581,0
Доля централизованного экспорта, %	82,2	55,9
Импорт через Приморье, млн.долл.		
всего	1161,0	794,0
в том числе централизованный	714,0	556,0
Доля централизованного импорта, %	61,5	70,1

Как следует из приведенных данных, на фоне сокращения общего оборота внешней торговли, осуществляемой через Приморский край, происходил значительный рост экспортных поставок по линии прямых связей; сокращение различных компонент импорта происходило при этом параллельно. Также снизилась доля Приморья в общем объеме внешнеторговой деятельности РФ (экспорт в целом по России составил в 1993 г. 43 млрд.долл., или 101,4% к уровню 1992 г., импорт соответственно - 27 млрд.долл., или 83%).

Данные за последние пять лет указывают на устойчивый рост экспортных операций предприятий и организаций края (данные за 1989-1991 гг. приведены во внутренних ценах):

1989 г.	-	279 млн.руб.
1990 г.	-	445 - " -
1991 г.	-	772 - " -
1992 г.	-	273 млн.долл.
1993 г.	-	458 - " -

Очевидно, что даже с поправкой на рост уровня цен в конце 80-х - начале 90-х годов отмеченное увеличение экспорта было весьма значительным; при этом более 95% указанных экспортных поставок составляет экспорт по линии прямых связей.

В части импорта (по прямым связям) эти же годы, наоборот, характеризовались понижающейся тенденцией:

1989 г.	-	-
1990 г.	-	480 млн.руб.
1991 г.	-	440 - " -
1992 г.	-	447 млн.долл.
1993 г.	-	237 - " -

Специфика внешнеторговой деятельности, осуществляемой предприятиями и организациями Приморья, состоит в том, что из общей суммы экспортных поставок по линии прямых связей в 1993 г. около 60% приходилось на товары, произведенные непосредственно на предприятиях, находящихся на территории края, в то время как вся импортируемая (по прямым связям) продукция использовалась на нужды края. Таким образом, правомерен вывод: в условиях либерализации внешнеэкономической деятельности хозяйственные субъекты, находящиеся на территории края, выступают в значительной мере как посредники в продвижении на внешние рынки товаров, производимых в других регионах России. Развитие в Приморье специализированных промышленно-производственных зон, скорее всего, будет носить импортозамещающий характер, что в первую очередь отвечает интересам стран АТР (использование емкого рынка России при сохранении ее как экспортера сырья). Создание небольших специализированных зон высокотехнологичного производства в принципе организационно достаточно легко осуществимо. В России накоплен огромный опыт создания таких зон и привлечения туда квалифицированных кадров. Это закрытые малые города типа Арзамас-16 или Красноярск-26. В Приморье - это Арсеньев и др. Именно сюда - после оформления и стабилизации инфраструктурных зон - могут привлекаться иностранные инвестиции. Но такой подход требует быстрых, рассчитанных на долгосрочную перспективу политических решений на федеральном и региональном уровнях.

Транзитная функция Приморского края. Протяженная береговая линия Приморья с множеством естественных бухт является идеальным условием для выхода на мировой рынок континентальной части Дальнего Востока и остальной России. Возможность в этой связи освоения Сибири не только с запада, но и с востока в корне меняет направление транспортных магистралей и соотношение их с местной разводящей сетью. Порты и приграничные станции становятся начальными пунктами движения с востока на запад, способными привлечь (особенно в режиме СЭЗ) значительные иностранные капиталы. Последнее, однако, вряд ли возможно без разумного ограничения военно-стратегической нагрузки на регион.

Географическое положение Приморского края предполагает многопрофильное развитие его экономики, но не противоречит в принципе и дальнейшему развитию сырьевого экспорта. Потеря Россией большинства черноморских и балтийских портов ведет к переориентации ее внешнеэкономических связей на восток. Уже сейчас виден устойчивый рост доли края во внешнеэкономических связях России. В дальнейшем роль Приморского края во внешней торговле России возрастет в еще большей мере. В связи с этим стоит задача адекватного развития всей внешнеторговой инфраструктуры.

В перспективе транспортный комплекс края должен обеспечить межрайонные экономические связи (с учетом вовлечения в хозяйственный оборот природных

ресурсов территорий, тяготеющих к Транссибу и БАМу), а также экспортно-импортные и международные транзитные перевозки.

Транспортные тарифы, ставшие сегодня главным сдерживающим фактором развития производства и сбыта в отдаленных районах, стимулируют экономическое обособление Дальнего Востока от других районов России. Либерализация тарифов на всех видах транспорта, кроме железнодорожного, ослабила связи между районами. Одновременно снижаются скорости, а ухудшающееся транспортное обслуживание ставит под угрозу безопасность пассажиров и сохранность грузов.

В этой ситуации процесс тарифообразования должен быть вновь централизован. При этом, однако, нужна реформа прежней системы тарифообразования с учетом региональных приоритетов.

Основные положения реформы должны предусматривать:
на междугороднем пассажирском транспорте

- для поездок на расстояния до 5000 км использование обычного поясного тарифа;
- для поездок на расстояние свыше 5000 км (Приморье, как и другие отдаленные районы Дальнего Востока и Сибири, попадает именно в эту группу) специальные дотации из федерального бюджета на оплату пассажирских сообщений;

на грузовом транспорте

- при формировании поясных тарифов на грузовые перевозки учет прежде всего той части транспортной работы, которая жестко детерминирована системой сформировавшихся производственно-технических связей, специализации и территориального разделения труда;
- регионализацию тарифов, исходя, однако, не столько из местных интересов, сколько из общенациональной заинтересованности в сохранении межрайонных связей;
- дифференциацию тарифов по видам грузов, скорости и способам перевозок.

Место Приморского края в обеспечении жизнедеятельности и экономического развития Крайнего Севера и Дальнего Востока России. Приморье играет решающую роль в транспортном (морем) обеспечении сезонных поставок продукции в районы Магаданской и Камчатской областей, Чукотского автономного округа и арктической зоны Якутии. Общие поставки грузов в 1993 г. в эти регионы через порты Приморья составили 2,4 млн.т, в том числе более 80% приходится на нефтепродукты. Эти поставки составляют более 13% суммарного грузооборота портов Приморья.

Несмотря на сокращение за последние два года из-за падения промышленного производства на 30-35% и уменьшения численности населения на 15-20% завоза грузов в районы Крайнего Севера значение края в обеспечении жизнедеятельности Севера, Дальнего Востока и Северо-Востока России может существенно возрасти, в частности, в связи с резким ростом тарифов на перевозки по железной дороге. Следует учитывать, что в период 1995-2005 гг. можно рассчитывать на реализацию ряда крупных проектов по освоению природных ресурсов Крайнего Севера, связанных с привлечением иностранного капитала, а именно: углеводородного сырья на шельфе о.Сахалин, разведанных рудных месторождений золота и серебра в Амурской (Покровское), Магаданской (Кубака, Северо-Эвенское) и Иркутской (Сухой Лог) областях, Хабаровском крае (Многовершинное, Хаканджа).

Обеспечение поставок грузов, связанных с освоением указанных проектов, потребует финансовой поддержки федерального правительства и соответствующего развития портов Приморья.

В Приморье должна в максимальной степени повыситься эффективность производства разнообразной сельскохозяйственной и промышленной продукции (молоко, овощи, стройматериалы, полуфабрикаты и др.) для районов крайнего Севера.

Юг Приморского края (район Владивостока и Находки) отвечает всем требованиям (медико-биологическим, геополитическим, социально-экономическим и др.), предъявляемым к местам поселения ремигрантов с Севера, и рассматривается в разрабатываемой Госкомсевером России Государственной программе строительства на территории Российской Федерации жилья для граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера, в качестве одного из наиболее вероятных мест для формирования стратегических узлов связи и зон с высокой плотностью населения и степенью развития инфраструктуры.

Предполагается, что реализация Программы будет обеспечиваться предоставлением таким территориям права пользования особо благоприятным режимом хозяйствования и государственной поддержкой в целях развития стройиндустрии, социальной инфраструктуры и создания новых рабочих мест.

Современный хозяйственный кризис в Приморском крае и пути выхода из него

Анализ текущей экономической конъюнктуры. Существует прямая связь между социально-экономическим положением Приморского края и возможностями реализации этим регионом возложенных на него функций по обеспечению и поддержке геостратегических и экономических интересов России.

В последние три года в связи с общим кризисом российской экономики ситуация в Приморье резко ухудшилась. В 1993 г. валовой региональный продукт снизился на 19,1%, промышленное производство - на 16, капитальные вложения - на 35% (по России соответственно на 12%, 16 и 16%).

Растет скрытая безработица: при снижении промышленного производства за последние два года на 38% численность персонала предприятий сократилась только на 15%.

С большими трудностями выполняются Постановление © 1001 Правительства Российской Федерации от 8 октября 1993 г. "О неотложных мерах по государственной поддержке экономики края в 1993-1995 годах" и программа конверсии.

Резко ухудшились условия жизни населения. Приморье лидирует по темпам роста потребительских цен. Доходы 39% семей (по сравнению с 30% в среднем по России) не обеспечивают даже минимума потребления. Рождаемость в крае упала за 1993 г. на 15%, а смертность выросла на 25%. Население края уменьшилось на 15 тыс.чел. - на 2/3 за счет естественной убыли, на 1/3 - в результате миграционного оттока.

В топливно-энергетическом комплексе падение добычи энергетических углей привело к росту их ввоза и резкому удорожанию электро- и теплоэнергии. В 1993 г. в край ввезено 2,5 млн.т угля. Это обеспечивает лишь 17% потребности

в нем, в себестоимости же электро- и теплоэнергии доля ввозимого угля составила (из-за высоких тарифов) 41%.

Износ оборудования на электрических и тепловых станциях (47% в 1993 г.) и кризис платежей создали критическую ситуацию для энергосистем края. Во Владивостоке тепло, горячая вода и электроэнергия подавались почти всю зиму с перебоями.

Производство рыбной промышленности сократилось с 4,9 млн.т (1989 г.) до 3 млн.т (1992 г.). В 1993 г. она упала еще на 13%. Основные фонды отрасли изношены на 50%. Требуют списания суда: 64% - добывающие, 95 - обрабатывающие, 56% - транспортные. На предприятиях рыбообработки 41% персонала трудится вручную.

В цветной металлургии нарастают трудности со сбытом бора, плавикового шпата и вольфрама (с декабря 1993 г. - свинца и цинка). Снижается содержание металла в оловянной руде. Уход от решения этих проблем грозит социальным взрывом. Ведь на горно-рудных предприятиях, как правило, заняты десятки тысяч человек. Поэтому необходимы новые геолого-разведочные работы, реконструкция рудников, углубление переработки добываемых руд.

С 1987 г. идет снижение производства, а с 1990 г. и экспорта лесной промышленности. Парк трелевочных тракторов и механических пил изношен на 70-95%. Экспорт на 75-78% состоит из круглого леса. Нет оборудования для переработки широколиственных пород дерева и производства мебели. По-прежнему не обеспечивается лесовосстановление.

Тяжелое положение сложилось в промышленности строительных материалов: выпуск цемента за 1993 г. упал на 47%, кирпича - на 24%.

В два раза и более по сравнению с 1990 г. упало производство мукомольно-крупяной, микробиологической, полиграфической и медицинской промышленности.

Доля машиностроения в промышленности края снизилась с 24,1% в 1990 г. до 10,2% в 1993 г. (при спаде общего производства на 34,5%). Наиболее тяжелое положение сложилось в оборонной промышленности, особенно в моногородах отрасли - Арсеньеве и Большом Камне.

На грани остановки заводы морского приборостроения ("Аскольд", "Варяг", "Дальприбор", "Изумруд" и "Радиоприбор"). Попытка перевести их на "отверточную технологию" не решает проблемы: остаются неиспользованными стендовое и испытательное оборудование, уникальные металлорежущие станки.

В рамках конверсии намечалось строительство малых рыболовных судов на судоремонтных предприятиях края. Однако сейчас даже ремонт на них растягивается на срок по меньшей мере в 10 раз больший по сравнению с зарубежными заводами. В результате, значительная часть рыбного флота, располагая валютой, переключилась на ремонт в странах АТР (на эти цели уходит до 24% всей добываемой рыбы), а большинство судоремонтных предприятий края не загружены.

Происходит дальнейшее свертывание легкой промышленности.

В агрокомплексе края закупки скота и птицы в 1993 г. упали на 20%, молока - на 9,4, яиц - на 17,2%.

В критическом положении находится транспортный комплекс края. Флот Приморья, осуществляющий 80% всех перевозок России на Тихом океане, изно-

шен на 48% (1992 г.). В результате, край лишился многих международных морских перевозок. На 33,3% сократились и международные контейнерные перевозки по Транссибу.

Закрылись 26 из 29 местных аэропортов и половина прибрежных портпунктов. В 1994-1995 гг. предстоит списать из-за износа до половины автобусов.

В критическом состоянии научный потенциал края. Не получая необходимого финансирования, институты приходят в упадок, теряют кадры. Стал на прикол научно-исследовательский флот.

Спад производства в крае неотделим от кризиса платежей, а в значительной мере и обусловлен им. Кредиторская задолженность промышленных предприятий на 1 октября 1993 г. в 1,6 раза превышала дебиторскую.

Краткосрочные кредиты банков почти целиком (на 77,4%) уходят на пополнение оборотных средств; за 9 месяцев 1993 г. доля их, направленная на техническое развитие, составила только 22,1% (по сравнению с 35,7% в 1992 г.).

Резко обострившееся в начале 1994 г. экономическое положение грозит остановкой подавляющей части промышленных предприятий. Зримой стала угроза массовой безработицы, вследствие которой, если не предпринять экстраординарных мер, к концу года может быть высвобождено 30-35% занятого населения.

Факторы кризиса. Причины обострения социально-экономического положения в Приморском крае, как и в других регионах России, в решающей мере обусловлены системными изменениями в российской экономике. Они нашли свое выражение в первую очередь в нарушении динамического равновесия между различными секторами экономики, в образовании огромного разрыва в эффективности вложений между сферой производства и сферой обращения.

Либерализация цен и внешней торговли (в том виде, в каком она была реализована) привела к следующей ситуации:

- во-первых, в условиях существенного разрыва между внутренними и мировыми ценами и ликвидации значительной части внешнеэкономических ограничений возник мощный импульс к вывозу всех видов ресурсов;
- во-вторых, подавляющая часть прибыли от внешнеторговых операций стала оседать в западных банках в силу ограничения потребностей обеспечения внешнеторгового оборота и крайней неэффективности в новых условиях вложений в производственную сферу;
- в-третьих, на внутреннем рынке стали доминировать мировые критерии рыночной экономики при полной неподготовленности к ним отечественного производства.

Последнее обстоятельство связано, главным образом, со стремительным изменением на внутреннем рынке соотношений цен на продукцию различных отраслей. Так, за три года (с 1990 по 1993) среднегодовые цены на продукцию электроэнергетики возросли в 747 раз, нефтеперерабатывающей промышленности в 1992 раза, черной металлургии в 626 раз. Более чем в 800 раз возросли тарифы на транспорте. Одновременно цены производителей на машиностроительные изделия увеличились только в 374 раза, продукцию легкой промышленности - в 211, сельского хозяйства в 147 раз. Таким образом, внутренние межотраслевые соотношения цен значительно приблизились к мировым.

Для отечественных производителей, в особенности в перерабатывающих отраслях, это означало резкое увеличение в затратах долей топливно-энергетической и транспортной составляющих. Одновременно при жесткой финансовой политике и сокращении конечного спроса это привело к увеличению доли затрат в стоимости продукции и резкому сокращению добавленной стоимости, а значит прибыли и зарплаты. Тот факт, что во многих отраслях Приморского края и России в целом уровень издержек (в пересчете на доллары) превышает мировой уровень, связан не столько с общей динамикой цен и сложившимся валютным курсом, сколько с повышением в затратах долей тех компонентов, рост цен на которые существенно опережал средний индекс инфляции.

При этом сама инфляция в решающей степени явилась результатом дифференциации динамики цен и приближения внутренних соотношений цен к мировым.

Механизм доминирующей в настоящее время инфляции издержек состоит в следующем. Для производства любой продукции необходимо закупить исходные ресурсы. Поскольку все компоненты затрат постоянно дорожают, предприятие вынуждено повысить цену на свою продукцию, хотя бы для того, чтобы выплатить зарплату и возместить затраты на приобретение сырья и комплектующих. При этом поскольку цены на такие крупные компоненты затрат, как топливо, электроэнергия, металлы и транспортные тарифы, растут значительно быстрее средних цен, возникает и постоянно воспроизводится дополнительный импульс к росту цен, вызванный необходимостью компенсировать снижающуюся в этих условиях доходность предприятия. Этот импульс тем сильнее, чем больше отклонения в текущих соотношениях цен от тех соотношений, которые адекватны технологической структуре отечественной экономики. Даже если каким-то образом устранить инфляционные ожидания и инфляцию спроса, импульсы, порождаемые непомерно возросшей долей издержек в продукции обрабатывающих отраслей, неизбежно воссоздаются и распространяются на всю экономику.

Сложилась ситуация, когда огромная часть российских предприятий может существовать только в условиях постоянно меняющихся масштабов цен. Именно наличие временного лага между моментом закупки сырья и комплектующих и моментом реализации готовой продукции, наряду с постоянной недооценкой амортизации, позволяет в условиях высокой инфляции обеспечить формальную прибыльность производства.

Негативное воздействие инфляции издержек на экономику далеко не исчерпывается только ростом цен. Подчеркнем, что механизм инфляции издержек в значительной степени тождествен механизму спада производства во многих отраслях экономики. Относительное увеличение в затратах отраслей доли топливных и сырьевых материалов приводит к снижению добавленной стоимости, а в итоге к сокращению конечного спроса как на потребительскую, так и на инвестиционную продукцию. Сокращение производства в фондосоздающих отраслях и отраслях потребительского комплекса сказывается на всей технологической цепочке народного хозяйства, приводя к соответствующему снижению производства во всех секторах экономики.

При этом инфляция издержек постоянно подхлестывается инфляцией спроса. И дело здесь не столько в общей величине денежной массы, в общих масштабах

кредитной эмиссии, сколько в способе распределения денежных агрегатов между экономическими агентами.

Высочайшая степень монополизма в условиях либерализации экономики резко усилила дифференциацию доходов различных отраслей и предприятий. В результате в экономике сформировались целые секторы, характеризующиеся чрезвычайно высокой, можно сказать чрезмерной, платежеспособностью. Финансовый спрос именно этих секторов при отсутствии конкуренции фактически обеспечивает признание не только объективно обусловленных, но и произвольно завышенных цен отраслей-поставщиков. Необходимо подчеркнуть, что такого рода избыточный спрос также в существенной степени является результатом изменений в соотношениях цен. Именно относительно завышенный уровень цен обеспечивает более высокую рентабельность и дополнительный платежеспособный спрос. Таким образом, и инфляция издержек и инфляция спроса самым тесным образом связаны с изменившимися соотношениями цен на внутреннем рынке.

Распространение на российскую экономику мировых соотношений цен реально означает для отечественных товаропроизводителей соответствие требованиям мировой структуры издержек и мирового качества технологий. Очевидно, что это совершенно нереалистично - потребуются многие годы и огромные инвестиции, прежде чем отечественная промышленность окажется в состоянии нормально функционировать при мировых соотношениях цен. Необходимо отметить, что для отдаленных районов России, для районов с дефицитным балансом топливно-энергетических ресурсов, в особенности для Приморского края, фактор ценовых диспропорций оказывается более значимым.

Наряду с общероссийскими причинами экономического кризиса, связанными с искажениями финансово-стоимостной структуры производства и разрывом хозяйственных связей, в Приморском крае действуют и другие мощные дестабилизирующие факторы, обусловленные характером реализации геостратегических и общеэкономических функций в данном регионе.

Если в прошлом функции оборонная, внешнеэкономическая, обеспечения районов Крайнего Севера и ряд других, в силу финансирования из централизованных государственных источников, способствовали экономическому развитию Приморского края, то в настоящее время они превратились в дополнительный фактор, усугубляющий социально-экономическое положение в регионе. При этом наибольший урон экономике Приморья наносит политика федерального правительства в вопросе содержания Тихоокеанского флота.

Первоочередные меры по выходу из экономического кризиса. Радикальное улучшение экономической ситуации в крае, как и в России в целом, невозможно без существенного изменения курса реформ - перехода к государственному регулированию ценовых соотношений, всей системы цен и доходов. В то же время уже сегодня необходимо ослабить разрушительные последствия обвальной либерализации цен, компенсировать затраты края на выполнение функций федерального значения. Это требует, во-первых, четкого разделения ответственности между федеральными и краевыми органами и, во-вторых, создания механизма, обеспечивающего безусловное выполнение взаимных обязательств региона и центра.

Особенно велика ответственность центра. Невыплаты субсидий на энергоресурсы, задолженность по содержанию Тихоокеанского флота (ударившая большее

всего по судоремонту), задержки с оплатой оборонных заказов, резкое сокращение финансирования науки (включая научный флот), запретительно высокие транспортные тарифы - вот неполный перечень тех разрушительных внешних факторов, устранить которые своими силами администрация края не в состоянии. Без срочного принятия соответствующих решений на федеральном уровне нормализовать социально-экономическое положение в крае и обеспечить благоприятное для России развитие геополитической и экономической ситуации в АТР невозможно.

Для нормализации текущей финансовой и экономической ситуации необходимо:

1. Немедленное возвращение региону долгов Федерального правительства (параллельно с взаимозачетом долгов внутри региона). Чтобы предотвратить образование таких долгов в будущем, Совет Федерации должен поставить перед правительством вопрос о применении к Минфину штрафных санкций в случаях задержки платежей по государственным заказам и выплат бюджетной сфере.

2. Упорядочение отношений между федеральным и региональным бюджетами. Основная часть дотаций и субвенций краю должна поступать непосредственно в его бюджет. Решение данной задачи на законодательном уровне также является прерогативой Совета Федерации и Государственной Думы.

3. Предоставление администрации края дополнительных прав:

- самостоятельно квотировать и лицензировать экспортируемую продукцию, произведенную на территории края;
- регулировать таможенные пошлины на эту продукцию и товары, закупаемые краем для развития экспортных производств и замещения импорта;
- устанавливать для отдельных территорий внутри края специальные режимы хозяйствования, стимулирующие экспорт, развитие технологий, решение экологических проблем, конверсию;
- обеспечивать гарантии и льготы иностранным инвесторам;
- осуществлять в 1994-1995 гг. в порядке эксперимента квотирование и лицензирование добычи морепродуктов в прибрежной зоне (зафиксировано в Постановлении Правительства РФ © 1001 от 8 октября 1993 г.);
- формировать бюджет края на основе налогов и сборов, собираемых на его территории (проведение соответствующего эксперимента также предусмотрено Постановлением Правительства РФ © 1001 от 8 октября 1993 г.).

4. Выравнивание условий хозяйствования в крае по аналогии с другими территориями России. Для этого:

- установить тарифы на электроэнергию на уровне средних по стране;
- приравнять Приморье по условиям поставки товаров к районам Крайнего Севера.

5. Обеспечение в полном объеме выплаты районных коэффициентов (1,3) к зарплате и северных надбавок (1,5 - для районов края, приравненных к Крайнему Северу) работникам бюджетной сферы.

Со своей стороны Администрация края должна нести ответственность за эффективное использование выделяемых средств.

Для этого предлагается создать целевые фонды:

Реконструкции и развития края, за счет:

- перечисления юридическими лицами края 3-5% балансовой прибыли с освобождением их от налогообложения (в 1994 г. они могут составить 223 млрд.руб., или 2% доходов финансового баланса территории);
- передачи краю в 1994-1995 гг. 100% формируемых на его территории таможенных платежей (339 млрд.руб., или 3,1% доходов финансового баланса территории);

Страхования субъектов хозяйственной деятельности на территориях, подверженных стихийным бедствиям, за счет:

- страховых взносов предприятий и организаций в размере 1% объема продукции (работ, услуг) с включением затрат в ее себестоимость;

Воспроизводства природных ресурсов за счет:

- платежей за размещение отходов хозяйственной деятельности;
- части (25-30%) платежей на воспроизводство минерально-сырьевой базы;
- отчислений на охрану природных ресурсов;
- штрафов за выбросы загрязняющих веществ.

Целесообразно также создание специального фонда для компенсации расходов, связанных с дислокацией на территории края воинских частей и обустройством демобилизуемых военнослужащих и членов их семей.

Если при этом будет обеспечено нормальное финансирование краевых субъектов федеральной собственности, то оставшийся дефицит финансовых ресурсов может быть восполнен за счет инвестиционных кредитов согласно пункту 3 Постановления Совета Министров - Правительства РФ от 8 октября 1993 г. © 1001.

Еще одним важным моментом является реорганизация движения средств республиканского и местного бюджетов, а также внебюджетных фондов края. В настоящее время счета госбюджетных организаций находятся в коммерческих банках, извлекающих прибыль из использования временно свободных средств госбюджета. Укреплению финансовой базы бюджета края в этих условиях могла бы способствовать организация муниципального банка, ведущего счета всех бюджетных организаций и обслуживающего расходование средств внебюджетных фондов. Это позволило бы как расширить доходную базу бюджета за счет доходов от использования временно свободных средств бюджета, так и создать возможности оперативного решения проблем задолженности по выплате заработной платы и некоторых других, связанных с несвоевременной оплатой госзаказов, взаимными неплатежами и т.п.

Более отдаленные перспективы, требующие законодательной проработки, связаны: 1) с регионализацией существующих льгот для инвесторов; 2) с передачей на уровень края (с учетом его удаленности и сильной зависимости от поставок из АТР) управления внешнеэкономической деятельностью.

Конструктивная стратегия реорганизации финансовых пропорций экономики Приморского края. Предшествующий анализ позволяет выявить факторы, объективно обусловившие повышенный по сравнению со среднероссийским уровнем затрат на народное хозяйство и содержание инфраструктурных сетей региона.

Во-первых, это специализация экономики Приморского края, выражающаяся, в частности, в значительном удельном весе фондоемких отраслей промышленности: оборонной, топливной, рыхлодобывающей. По итогам

1992 г. средняя фондоемкость промышленной продукции была в 2 раза выше, чем в среднем по России. Проводящаяся переоценка основных фондов окажет поэтому значительно большее воздействие на увеличение издержек производства. Кроме того, уникальность многих видов основных фондов оборонной промышленности обусловит и значительно больший по сравнению со средним по России коэффициент удорожания основных фондов.

Во-вторых, значительная удаленность предприятий края от мест производства многих видов сырья и топлива, потребляемых ими, и связанные с этим дополнительные издержки на их транспортировку.

В-третьих, повышенные издержки на рабочую силу, ранее возмещавшиеся за счет районных коэффициентов, финансируемых из госбюджета.

В-четвертых, базирование в крае значительных по отношению к гражданскому населению контингентов Вооруженных сил, во многом использующих общехозяйственную инфраструктуру региона.

На основе имеющейся статистической информации можно оценить воздействие этих факторов на издержки производства в промышленности края в ценах и условиях 1993 г. При этом, однако, за точку отсчета взят гипотетический уровень издержек, получаемый при использовании новой оценки основных фондов (принят коэффициент удорожания в 25 раз) и прочих равных условиях. Это необходимо, поскольку происходящая переоценка фондов фактически приводит их стоимость к средним ценовым условиям именно 1993 г.

Дополнительные затраты на народное хозяйство Приморского края по условиям 1993 г., млрд. руб.

Дополнительные издержки производства в промышленности	304
в том числе за счет:	
повышенной фондоемкости	123
повышенных расходов на оплату труда	95
ввоза сырья и топлива	86
Справочно: объем валовой продукции промышленности края в 1993 г.	1165
Дополнительная нагрузка на общехозяйственную инфраструктуру региона в связи с размещением ВС	21
Итого	325

Эти оценки были взяты за основу при определении количественных параметров, характеризующих конструктивную стратегию реорганизации финансовых пропорций экономики края.

Она должна включать:

- поддержание относительно более низкого, чем в 1993 г., уровня цен на топливо и электроэнергию, а также тарифов на транспорт за счет соответствующих дотаций;
- возвращение к системе районных коэффициентов к заработной плате, финансируемых федеральным бюджетом;
- увеличение как минимум вдвое в реальном выражении капитальных вложений за счет всех источников финансирования;

- возмещение из федерального бюджета дополнительных затрат, связанных с базированием Вооруженных сил (хотя бы в той части, которая поддается прямой оценке);
- приведение в соответствие с уровнем цен объема расходов на нужды социально-культурного развития региона (это означает увеличение его в неизменных ценах минимум в 1,7 раза по сравнению с 1993 г.) за счет соответствующих дотаций бюджету края и возвращения к принципам распределения налога на добавленную стоимость между территорией и центром, действовавшим в 1993 г.

Как показывают расчеты, относительное понижение цен на топливо и энергию и транспортных тарифов в среднем на 20%, а также введение районного коэффициента (в среднем 30%) к заработной плате позволяет предприятиям при сложившейся структуре издержек производства сформировать финансовые ресурсы, достаточные для поддержания социальных расходов на уровне базового периода (при восстановлении нормальных объемов амортизации). Ресурсы федерального бюджета, поступающие народному хозяйству края, должны при этих условиях увеличиться в реальном выражении примерно в 4,5 раза по сравнению с 1993 г. Превышение расходов над доходами в финансовом балансе территории составит при этом 12%.

Кроме того, с введением указанных дотаций будет очевидна и эффективность для федерального бюджета централизованных инвестиций, связанных с экономией текущих издержек - они будут выступать в том числе и инструментом сокращения текущих расходов федерального бюджета.

Подчеркнем, что этот приближенный расчет не относится к конкретным условиям 1994 г. - в этом году поступления в федеральный бюджет в действительности должны быть существенно выше при условии, что государство полностью ликвидирует свою задолженность по госзаказам и реализует принятые в прошлом году постановления в части дотаций на возмещение разницы в ценах и выделения централизованных капиталовложений.

Конструктивный вариант финансового баланса Приморского края в прогнозных ценах 1994 г., млрд. руб.

	1993 г. Расчетный год	
ДОХОДЫ, всего	2178,8	18428
в том числе:		
прибыль	1156	6929,9
НДС	202,7	1122,2
акцизы	23,1	27,3
прочие поступления и сборы	38,12	304,9
соцстрахование	37,2	214,2
пенсионный фонд	214	1232,6
фонд страхования медицины	23,3	134,2
фонд занятости	14,5	83,5
амортизация	34,6	905,5
подоходный налог	96,4	555,2
собственные доходы, всего	1920,7	12034,1
средства республиканского бюджета	155,7	5605,2
РАСХОДЫ, всего	2427,3	20768,4

в том числе:		
перечислено Федерации	402,5	2039,5
капиталовложения	354,8	5393
дотации	17	544
расходы предприятий за счет прибыли	847	5078,2
РАСХОДЫ ВНЕБЮДЖЕТНЫХ ФОНДОВ	213,1	1228,7
РАСХОД БЮДЖЕТА КРАЯ	536,9	5414,0
на народное хозяйство	246,2	1969,6
на социально-культурную сферу	199,8	2717,2
Превышение расходов		
над доходами	256,5	2340,1
% к доходам	11,8	12,7

Выводы. Процедура стабилизации финансового положения Приморского края должна включать в себя первоочередные, неотложные и перспективные мероприятия.

Первоочередные заключаются в выплате государством всех долгов и исполнении всех обязательств по принятым до настоящего момента правительственным постановлениям.

Меры, обеспечивающие в перспективе структурную перестройку экономики края, должны быть предприняты и федеральным правительством и администрацией края и взаимно дополнять друг друга.

Правительство должно возмещать за счет средств федерального бюджета, централизованных кредитов и других ресурсов дополнительную нагрузку на экономику Приморского края, обусловленную ее специализацией и размещением в крае Вооруженных сил. Для этого необходимо введение льготных транспортных тарифов, дотирование топливной промышленности и введение системы районных коэффициентов к заработной плате.

Администрация края обязана обеспечить эффективное использование выделяемых централизованных средств. Кроме того, необходимо создать региональные фонды для финансирования реконструкции народного хозяйства края, страхования от стихийных бедствий, воспроизводства природных ресурсов за счет отчислений от прибыли, начислений на себестоимость продукции и ресурсных платежей.

Проект "Туманган": взгляд из Приморья

© 1995

Л.Забровская

В 1994 г. в журнале "Проблемы Дальнего Востока" были опубликованы две статьи - И.Н.Коркунова¹ и М.Л.Титаренко², затрагивающие проблемы международного проекта "Туманган", который был задуман в Китае в целях получения китайской провинцией Цзилинь выхода к Японскому морю, что крайне необходимо для дальнейшего экономического развития Северо-Востока страны. Искомый выход к морю могут предоставить Россия - через южную часть Приморского края или КНДР - через северную часть провинции Северная Хамген. Любой из этих вариантов устроил бы Китай, так как оба апробированы на практике: еще в начале века связь провинции Цзилинь с Японским морем осуществлялась как через российскую, так и корейскую территории.

Напомню, что в 1909 г. после того как во Владивостоке был отменен режим порто-франко, Китай договорился с Японией о предоставлении права транзита для его товаров через корейскую территорию, тогда же была построена узкоколейная железная дорога, соединившая корейский порт Чхончжин и китайские города в среднем течении реки Туманган - Яньци, Байцаогоу и др. Эта транспортная артерия просуществовала до середины 40-х гг., прекратив свою деятельность ввиду политических изменений на Корейском полуострове³. Однако экономика Северо-Восточного Китая продолжает испытывать необходимость выхода к Японскому морю. Поэтому китайское руководство старается привлечь к осуществлению проекта "Туманган" Россию и КНДР, от которых прежде всего и зависит, будет ли у провинции Цзилинь выход к морю. В связи с этим правы вышеупомянутые авторы в том, что осуществление проекта "Туманган" очень выгодно для Китая. Вместе с тем проблематично выглядят их доводы о необходимости участия России в этом проекте. Не понятно, каким путем наша страна "могла бы получить наибольшую отдачу от его реализации"⁴. Есть ли силы и возможности у России, чтобы занять при реализации проекта "активную, наступательную позицию" и где мы должны "наступать"? Готовы ли мы предоставить в длительную аренду консорциуму часть территории Приморья без предварительной геологической разведки побережья и дна Посыетского залива? Не понадобится ли нам самим эта территория в недалеком будущем? Помогая осуществлять проект "Туманган", не приобретем ли мы на Дальнем Востоке соседа-соперника в лице международного консорциума? Не принесет ли "интернационализация процесса хозяйственного освоения" Дальнего Востока и "политика открытости", к

Забровская Людмила Вячеславовна, кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока дальневосточного отделения РАН

которым призывает М.Л.Титаренко, выгоды лишь Японии, Китаю и Южной Корее?

Ранее я уже выступала в печати с раздумьями о нежелательности участия России в проекте "Туманган". Мои аргументы изложены в статье М.Л.Титаренко без упоминания авторства. Возможно, он не хотел вести со мной дискуссию. А жаль. Приводимые М.Л.Титаренко контраргументы в пользу присоединения России к участникам этого проекта вызывают сомнения в их обоснованности. Так, если будет достроена железнодорожная линия Хуньчунь-Краскино-порт Зарубино и тем самым будет обеспечен выход провинции Цзилинь к морю, то зачем международному консорциуму реконструировать международные аэропорты во Владивостоке и Находке, а также порт Восточный, находящиеся к северу от порта Зарубино на расстоянии более 250 км и не связанных с этим портом надежными транспортными магистралями? Зачем им реконструировать железнодорожный и автодорожный погранпереходы в районе станции Пограничная-Суйфэнхэ, непосредственно не входящих в зону предполагаемого действия проекта "Туманган"?

Очевидно, что участники консорциума вряд ли будут проявлять благотворительность по отношению к России, и будут расчетливо тратить деньги, а именно: строить аэропорты и реконструировать железные дороги там, куда пойдет основной грузопоток, то есть на китайской территории. Поэтому логично ожидать, что провинция Цзилинь в первую очередь и получит средства на строительство аэропортов в Хуньчуне, Харбине и далее по пути следования грузов, на реконструкцию железной дороги и другие цели. Участие Приморья в этом проекте в лучшем случае ограничится предоставлением территории для строительства железной дороги Хуньчунь-Краскино-порт Зарубино, которая, соединившись с КВЖД, сократит время транспортировки грузов в Европу и тем самым составит конкуренцию Транссибирской магистрали и БАМу, а также приморским портам. В таком случае Транссибирская магистраль может утратить свою интегрирующую функцию для российской территории между Уралом и Тихим океаном, а это в свою очередь приведет к оттоку населения из районов, прилегающих к Транссибу.

Предвижу возражения своих оппонентов. Быть может, действительно, из Москвы виднее, что нужно Приморью. Однако прошу не торопиться с окончательными выводами и рассмотреть, как повело себя в аналогичной ситуации руководство КНДР, которую Китай также стремится привлечь к участию в проекте "Туманган" в целях использования ее территории в качестве транзитной зоны. Подразумевая все это, Китай объявил ряд китайских населенных пунктов в среднем течении реки Туманган - Хунчунь, Яньцзи и др. - зоной свободной международной торговли в надежде, что КНДР в свою очередь сделает свободной экономической зоной сопредельную с китайскими открытыми городами территорию. Таким образом вдоль реки Туманган могла быть образована зона для деятельности международного консорциума и могли быть восстановлены прежние транзитные пути для провинции Цзилинь к Японскому морю. Однако КНДР не оправдала ожиданий Китая. Ее руководство продемонстрировало собственное понимание, каким должно быть участие его страны в проекте "Туманган". В северокорейских планах нет и намек на желание повторить ситуацию начала века, когда Китай и Япония за спиной у корейцев договорились о транзите через корейскую территорию.

Еще в 1991 г. КНДР выдвинула свой план развития приграничных территорий в низовьях реки Туманган и с тех пор существенно его не меняла. Этот план охватывает зону порта Рачжин-Сонбон и не имеет привязки к китайским открытым городам по Тумангану. В эту зону не входит и крупный корейский порт Чхонджин, связанный с китайскими городами железнодорожной

линией. К 2000 г. корейская экономическая зона Рачжин-Сонбон должна превратиться, согласно планам корейского руководства, в крупный грузотранзитный пункт, где будет перерабатываться экспортное сырье, а также станет международной туристической базой⁶. В КНДР принят ряд законов, обеспечивающих правовой статус этой экономической зоны. Основное содержание проекта зоны Рачжин-Сонбон - это осуществление грузоперевозок через морские порты провинции Северная Хамген, привлечение международных инвестиций для разработки полезных ископаемых в этой провинции и переработки добытого сырья на месте.

Значительное внимание в северокорейском проекте уделено организации мест отдыха для иностранцев. Перспективы для развития иностранного туризма определяются тем, что в районе Рачжин-Сонбон много живописных мест, где обитают редкие животные, и "недалеко находятся такие достопримечательности, как горы Пэкту и Чхальбо".

Как видно, КНДР согласна с необходимостью экономического развития своих северных приграничных районов, но не желает предоставить их в долгосрочную аренду международному консорциуму, а тем более позволить транзит в китайскую провинцию Цзилинь через свою территорию. На многих международных совещаниях по проекту "Туманган" позиция КНДР подвергалась критике, в основном со стороны Китая, как "не соответствующая духу времени", "сдерживающая широкое развитие международной торговли в этом регионе"⁷. Однако мне представляется, что КНДР приняла единственно правильное решение не допустить повторения ситуации прошлых десятилетий. Скорее всего в КНДР хорошо просчитали возможные последствия для своей страны в случае включения корейской территории в сферу действия международного консорциума "Туманган". Знаменательно, что Южная Корея не осуждает позицию КНДР в отношении проекта "Туманган", на который смотрит прагматично, как на средство, способное "открыть" северокорейские порты для южнокорейской торговли.

Япония, а также другие ранее заинтересованные страны, которые могли бы стать финансовыми донорами, охладели к этому проекту. В частности, на международной конференции в Шэньяне (КНР) "Экономическое развитие стран Северо-Восточной Азии и проблемы регионального экономического сотрудничества" (июль 1994 г.) японские и южнокорейские ученые заявили китайцам, что "с экономической точки зрения создание транспортной сети в районе реки Туманган увеличит в два раза стоимость транспортировки товаров по сравнению с уже сложившимися путями"⁸. В значительной мере от этого выиграет только китайская провинция Цзилинь. "В таком случае зачем осуществлять почти 30 млрд. долл. инвестиции с привлечением этих средств через структуры ООН (Комитет по планированию и развитию - ПРООН), чтобы проложить дорогу к морю для одной провинции?"⁹ Поэтому не стоит надеяться на предоставление международных кредитов для расширения инфраструктуры Южного Приморья. Скорее всего самому Китаю придется изыскивать собственные средства для обустройства транспортных линий, ведущих к морю. Не стоит также беспокоиться российским приверженцам проекта "Туманган" о том, что Россия, отказавшись от участия в этом проекте, сильно проиграет. Скорее наоборот. Раз Россия является главной надеждой в китайских планах для выхода провинции Цзилинь к морю, значит необходимо использовать эту ситуацию с наибольшей пользой для нашей страны.

Создание транзитных путей через южную часть Приморья представляется невыгодным для Приморья. Территория Южного Приморья остается геологически мало изученной. По имеющимся сведениям, там могут быть залежи нефти. Кроме того, эта территория может быть использована для

сооружения водохранилищ и водопровода с целью переброски из горных районов КНДР пресной воды, дефицитной во Владивостоке и других городах Приморья. Юг Приморья также привлекателен для международного туризма, организации совместно с КНДР туристических маршрутов по западному побережью Японского моря, развитию морских заповедников.

Китайской провинция Цзилинь можно предложить выход к Японскому морю через Амур, что будет экономически выгодно для Амурской области и Хабаровского края, поможет загрузить транзитным китайским товаром БАМ. В случае превращения Амура в эффективный транспортный путь к морю для китайского Северо-Востока можно рассчитывать на более рачительное отношение Китая к этой реке, на его участие в очистке ее русла, более продуманном строительстве ГЭС, при котором можно будет избежать неоправданного затопления российского берега этой реки. В этом случае Россия будет иметь дело непосредственно с Китаем, а не с многонациональным консорциумом и поэтому ей будет легче контролировать действия китайской стороны. К тому же в этом случае не нужно будет отдавать свою территорию в долгосрочную аренду. Только поставив во главе угла собственные долгосрочные экономические интересы и просчитав реальные пути для их осуществления, можно будет занять на переговорах с Китаем "активную, наступательную позицию". Только в таких условиях будут реализованы "интересы России в Северо-Восточной Азии после "холодной войны"

1. Коркунов И.Н. О проекте свободной экономической зоны "Туманган" на территории России, Китая и КНДР // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 3. - С. 13-17.
2. Титаренко М.Л. Северо-Восточная Азия после "холодной войны" и интересы России // Проблемы Дальнего Востока. - 1994. - № 5. - С. 17-28.
3. Забровская Л.В. Проект "Туманган" и его возможные последствия // Китай, китайская цивилизация и мир. - М., 1993. - Ч 1 - С. 99.
4. Коркунов И.Н. Указ. соч. - С. 14; Титаренко М.Л. Указ. соч. - С. 27.
5. Коркунов И.Н. Указ. соч. - С. 15.
6. Корея сегодня. - 1994. - № 7. - С. - 26-27.
7. Данилов В.Е. (Консул РФ в Шэньяне) Отчет об участии в работе международной конференции "Экономическое развитие стран Северо-Восточной Азии и проблемы регионального экономического сотрудничества" 26 июля 1994 г.
8. Там же.
9. Там же.

Перспективы создания экономической зоны Японского моря

© 1995

А. Родионов

Идея формирования экономической зоны Японского моря, выдвинутая уже более десяти лет тому назад, постоянно привлекает широкое внимание. Увеличивается число людей и организаций, проявляющих к ней интерес, повышается интерес в ее реализации. Заслуживают высокой оценки усилия многих людей в Японии по созданию специального научно-исследовательского института по изучению проблем формирования экономической зоны Японского моря, который был открыт в Ниигата в ноябре 1993 года. Это первый шаг в весьма перспективном направлении экономических исследований.

Оценивая исходные предпосылки к формированию экономической зоны, многие исследователи прежде всего указывают на значительный потенциал и возможности стран бассейна Японского моря, их взаимодополняемые интересы, благоприятное географическое положение. После окончания холодной войны устранены и многие политические препятствия, хотя обстановка на Корейском полуострове продолжает волновать мировое сообщество.

В Японии, одной из ведущих стран региона, происходит активная структурная перестройка экономики, за пределы Японских островов выносятся энерго-, материалоемкие производства, растет роль наукоемких отраслей промышленности, проводится политика интернационализации, одним из последствий которой является увеличение импорта в страну готовой продукции. Однако японскую промышленность по-прежнему можно характеризовать как экспортно-ориентированную. В условиях сохраняющегося спада производства и постоянных трений с США, основным торговым партнером, по поводу торгового дисбаланса, Япония, естественно, ведет поиск путем сохранения экономического роста и альтернативных рынков. С этих позиций может рассматриваться и регион Японского моря.

В Китае экономика на протяжении последнего десятилетия развивается динамично и экономический потенциал страны неизмеримо вырос. Активно привлекаются иностранные инвестиции, в т.ч. из Японии. После нормализации связей с бывшим СССР быстро растет двусторонняя торговля Китая и России, особенно на региональном уровне в рамках приграничной торговли, доля которой в общем товарообороте составляет более 20%.

Южную Корею отличает динамичный рост экономики и внешней торговли. По многим параметрам страна повторяет путь Японии в экономическом развитии. Важным моментом, в том числе и для развития внешнеэкономических связей страны, стало установление всесторонних отношений с Китаем и бывшим СССР.

В региональном аспекте Японского моря приходится учитывать и США, которые в той или иной форме присутствуют в регионе, участвуют в экономических процессах.

Объективно говоря, нельзя игнорировать и наличие в этом регионе еще одной страны - КНДР. Какими бы трудными или противоречивыми ни были ее отношения с другими странами региона, отрицать наличие собственных экономических интересов у этой страны или экономических интересов других стран в отношениях с КНДР было бы неразумно.

Нет необходимости говорить об изменениях в России, которые предопределяют нынешние перемены в мире, и в том числе оказывают воздействие на отношения в регионе Японского моря. Процессы перехода российской экономики к рыночным отношениям, привлекая внимание во всем мире, в значительной степени меняют характер экономических связей России с торговыми партнерами и заставляют по-новому рассматривать перспективы регионального развития.

Таким образом, по сравнению с началом 80-х годов в регионе Японского моря, в странах, его окружающих, произошли сдвиги, изменившие региональную ситуацию, что требует ее новой оценки.

На начальном этапе после выдвижения концепции экономической зоны Японского моря, основными факторами, способствующими ее становлению, считались взаимодополняемость стран региона по параметрам сырья, рабочей силы, технологического потенциала и финансовых ресурсов. Имелось в виду, что финансовые ресурсы и технологический потенциал Японии и Южной Кореи, трудовые ресурсы Китая, сырье России явятся в совокупности той базой, на которой и будет построено региональное экономическое сотрудничество. Конечно же, в целом это правильно, но ряд уточнений необходим.

Во-первых, пока, видимо, еще рано говорить о действии этих факторов в полном объеме и в целом по всему региону. Некоторыми аналитиками в России фактор сырья оценивается не совсем правильно. Его роль невелика. Сегодня экономики Японии и Южной Кореи, имеющих финансовые ресурсы, а следовательно и определяющих сферы их приложения, все меньше ориентированы на потребление сырья. Заинтересованность в сырье явно понизилась и будет понижаться. Эта тенденция достаточно устойчива. Необходимость крупных капиталовложений, их медленная окупаемость в сырьевом секторе также снижают интерес японского и корейского капитала к разработке ресурсов в восточных районах России. Это хорошо видно на примере российско-японских экономических связей. Есть, правда, исключение - энергетические ресурсы. Интерес к их разработке на крупномасштабной основе сохраняется у всех стран региона.

Во-вторых, создание экономической зоны Японского моря целесообразнее оценивать в настоящее время через призму двусторонних экономических связей. С одной стороны, их уровень и объемы различны. Например, можно с основанием говорить, что в экономических связях Японии и Китая вполне действуют факторы сочетания финансовых, технологических и трудовых ресурсов, о которых говорилось выше, а в отношениях России и Японии эти факторы пока не действуют вообще. С другой стороны, пока еще нет ни одного реального проекта, осуществляемого в регионе на коллективной основе или примера регулирования на коллективной основе какого-либо аспекта

экономической деятельности, что говорит о не готовности стран региона в настоящее время к совместной хозяйственной деятельности на многосторонней основе.

В-третьих, учитывая большую значимость финансовых и технологических ресурсов для организации производственной деятельности вообще, можно вполне говорить о зависимости дальнейших шагов по созданию экономической зоны Японского моря от заинтересованности и организационных усилий прежде всего Японии, обладающей этими ресурсами в максимальной мере из всех стран региона.

Таким образом, ближайшие перспективы создания экономической зоны Японского моря приходится оценивать как пока ограниченные, но тем более возникает необходимость более детальной оценки возможных направлений совместных усилий, которые приближали бы идею к реализации. К тому же, эта линия совпадает с настроениями большинства стран АТР, стремящихся к экономической интеграции, как это видно на примере АПЕК.

Исходя из этого, хотел бы отметить два важных, на мой взгляд, момента.

Во-первых, уровень экономических связей отдельных стран в зоне Японского моря различен. Наименее развиты торговые отношения со странами региона именно у России, но в то же время этот момент позволяет предполагать, что с дальневосточными районами России связаны новые возможности расширения региональной экономической деятельности. В этом контексте и, как мне кажется, есть необходимость оценивать двусторонние экономические связи России со странами-соседями и прежде всего с Японией. Во-вторых, любая экономическая зона имеет стержневые проекты или направления хозяйственной деятельности, вокруг которых она формируется. Страны Японского моря могли бы прилагать усилия к реализации подобных совместных проектов и формированию направлений совместной деятельности, которые впоследствии стали бы организующим фактором зоны.

К таким направлениям уже сегодня можно было бы отнести энергетику и инфраструктуру. И то и другое в достаточной степени может быть связано с Россией.

В энергетике - это разработка дальневосточных топливных ресурсов для экспортных поставок в страны региона с одновременным импортом труб и оборудования, что характерно было для сотрудничества в этой области с европейскими странами. Но не только на этой основе, а с одновременным выполнением совместных крупномасштабных и комплексных проектов, требующих значительных средств, ресурсов, а следовательно достаточно высокой степени взаимозависимости, доверия и уровня взаимодействия. Наиболее реальным в этой области является освоение шельфа о.Сахалин, где только решение технических проблем потребует иного уровня взаимодействия сторон. В более отдаленной перспективе интересным является проект поставки в страны Северо-Восточной Азии южноякутского газа, в рамках которого необходимо будет проложить газопровод по Корейскому п-ву. Это также потребует еще более высокого уровня решений не только технических, но и политических вопросов.

В области инфраструктуры восточные районы России развиты слабо как в сравнении со странами Японского моря, так и с точки зрения обеспечения внутренней хозяйственной деятельности. Можно сказать, что решение абсолютно любой проблемы экономической деятельности в восточных районах России напрямую связано с решением проблем инфраструктуры. Очевидно и то, что у других стран региона складывается объективная заинтересованность в развитии инфраструктуры восточных районов России, без которой невозможно добиться активизации внешнеэкономических связей. Здесь можно упомянуть отсутствие

выхода к морю у северных провинций Китая, что способствует строительству порта Зарубино на стыке границ России, Китая и Северной Кореи, заинтересованность стран в увеличении объема перевозок в Европу, а впоследствии в страны СНГ и т.п.

В-третьих, как показывает опыт интеграционных процессов в мире, в т.ч. в АТР, эти процессы невозможно инициировать, если нет поддержки правительств участвующих стран. Тема экономической зоны Японского моря пока обсуждается на уровне идеи, и создание специального института в Ниигате в Японии имеет весьма большое значение, поскольку теперь изучение этой проблемы, получило в лице института организационную поддержку и будет иметь постоянный и систематический характер. Конечно же, рано говорить о формировании какой-то организационной структуры на уровне правительств стран региона, но без поддержки правительственных органов нельзя будет рассчитывать на эффективное соединение усилий. В этой связи весьма интересным является решение конференции губернаторов западных префектур Японии и восточных районов России, состоявшейся 9-10 октября 1993 г. в Унадуки, преф. Тояма, о проведении таких конференций ежегодно на регулярной основе. Обсуждение проблем экономического сотрудничества на этой конференции проходило во многом под углом зрения создания экономической зоны Японского моря. Именно представители местных органов власти, как мне кажется, в состоянии проявить инициативу в создании организационных структур экономической зоны Японского моря. Специфика зоны - развитие сотрудничества на уровне регионов, а не только и не столько центральных правительств.

В-четвертых, хотелось бы обратить внимание на еще одну сферу экономической деятельности, которой, как правило, уделяют мало внимания исследователи. Это сельское хозяйство, переработка морепродуктов, организация производства продуктов питания. Для региона Японского моря в силу различных климатических условий, степени интенсивности использования земельных и береговых морских ресурсов, традиций и особенностей питания населения стран, а также проблем перенаселенности и экологии можно было бы выделить в качестве самостоятельной темы совместных исследований создание системы регионального разделения труда в сельском хозяйстве.

В-пятых, экономическая зона подразумевает также не только формирование отдельных направлений хозяйственной деятельности и реализацию совместных проектов, но и совместное регулирование тех аспектов хозяйственной деятельности, которые достигли определенного уровня развития. К таким аспектам с достаточно большим основанием можно отнести сферу использования и восстановления ресурсов самого Японского моря, рыболовство, экологию, судоходство, связь, создание коллективной системы оповещения о стихийных бедствиях и защиты от них.

Учитывая важность двусторонних связей для формирования зоны Японского моря, хотелось бы отдельно остановиться на проблемах российско-японского экономического взаимодействия.

Почему России и Японии? Весьма динамично развиваются экономические связи России с Китаем, Южной Кореей, товарооборот с КНР превысил товарооборот России с Японией, которая всегда монопольно присутствовала на российском Дальнем Востоке. Потому что во всей схеме многостороннего сотрудничества в этом регионе именно Россия и Япония имеют один из самых больших потенциалов сотрудничества, и в то же время этот потенциал наиболее трудно реализуем. Хотя бы потому, что раньше, в 70-е годы, достаточно высокие показатели в российско-японском товарообороте обеспечивались тем, что существовала взаимодополняемость экономик. Сейчас этот фактор незначителен.

Нет необходимости пересказывать историю российско-японских экономических связей, которая достаточно хорошо известна. Выделим два момента наиболее актуальных в настоящее время. Во-первых, эти связи унаследовали проблемы советско-японской торговли, которые не преодолены. Это и неблагоприятная структура с сырьевым экспортом из России, задолженность частным японским компаниям, отсутствие новых крупных проектов сотрудничества и многое другое. Во-вторых, по мере перехода российской экономики к рынку происходит формирование новой системы двусторонних экономических связей, освобожденных от непосредственного централизованного регулирования в условиях монополии внешней торговли в бывшем СССР. Это длительный процесс.

Конечно же, сегодня можно назвать много проблем, осложняющих торговлю. Большинство из них необходимо решать российской стороне. В 1992 г. объем двусторонней торговли упал катастрофически. Объяснение можно найти в состоянии российской экономики, вступившей в переходный период. Здесь и общая политическая нестабильность, структурные трудности в промышленности, недостаточное инфраструктурное обеспечение рыночной экономики, прежде всего банковской системы. Возникновение этих проблем, связанных с переходом к рыночной экономике неизбежно, но они разрешимы. С японской стороны можно отметить высокий курс иены, затрудняющий по ценовым соображениям экспорт японской продукции в Россию. В этой связи, оценивая сегодняшние проблемы двусторонней торговли, хотелось бы выделить те, от которых зависит будущее развитие торговли.

Во-первых, проблема партнерства. После развала СССР российский партнер в лице крупных внешнеторговых объединений, стабильных в советское время, стал совсем другим. Пришел новый партнер в лице предприятий, фирм, банков. В условиях динамичных структурных изменений в экономике, инфляции эти субъекты активно ищут внешних контактов - для них это вопрос выживаемости. Внешнеэкономическая активность весьма заметна в восточных районах России, оказавшихся буквально отрезанными от центральных регионов в результате резкого роста транспортных тарифов и вынужденных более активно искать партнеров в регионе Японского моря. У каждого из российских предприятий разные возможности. Как относиться к ним - для японских фирм вопрос не праздный. Специфика японского делового менталитета такова, что для принятия решения необходимо больше времени, чем в другой стране, что задерживает начало реализации проектов, контрактов, и иногда дает повод говорить о невысокой заинтересованности японских компаний в развитии бизнеса в России. Но обратной стороной является более тщательная проработка вопросов реализации сделки и, как следствие, меньше неудач. Естественно, что японский партнёр хочет иметь стабильного и надежного партнера в России. Таких у нас пока еще мало. Большинство наших компаний - новички в международном бизнесе, слабы в финансовом отношении.

Партнеры делают друг друга. Содействие процессу установления и развития партнерских связей со стороны правительственных, региональных органов, общественных экономических организаций в настоящее время является одним из наиболее важных моментов для создания базы будущего развития взаимной торговли.

Во-вторых, желательно по-новому подойти к формированию государственной поддержки с обеих сторон развитию деловых связей. Приходится констатировать, что без такой поддержки сегодня, ввиду больших рисков, невозможна реализация в России проектов на частном уровне. Недавняя сделка Мицуи-Лукойл - первый пример крупной сделки между частными

предприятиями с применением к ней механизма государственной поддержки с обеих сторон.

Во время состоявшегося в октябре 1993 г. визита в Японию президента России Б.Н.Ельцина была принята экономическая декларация, в которой определены приоритетные направления экономического сотрудничества между двумя странами. Из них прежде всего хотелось бы выделить топливно-энергетический сектор и конкретно Сахалинский нефтегазовый проект. Из всех реально существующих проектов экономического сотрудничества в первую очередь освоение шельфа Сахалина в состоянии вывести взаимную торговлю на качественно новый уровень и способствовать формированию экономической зоны Японского моря.

Традиционным на протяжении более тридцати лет между нашими странами является сотрудничество в области лесоторговли и, несмотря на появление новых строительных материалов, оно сохранится. Нравится ли это импортерам леса или нет, в его содержании происходят изменения. Прежде всего Россия не согласна со схемой, по которой в обмен на машины для лесозаготовок поставляется необработанный лес. За скобками остаются решение экологических проблем, осуществление лесовосстановления. Наконец, национальная промышленность в России, на Дальнем Востоке, в том числе конверсионные предприятия стремятся принять участие в разделении труда, в производстве необходимого оборудования для лесопереработки. Эти моменты, как мне кажется, явились причиной того, что до сих пор не введено в действие новое четвертое лесное соглашение между японскими фирмами и российскими предприятиями. Видимо, необходимо пересмотреть подходы сторон к формированию партнерства в этой области.

Российский лес покупают все страны региона Японского моря, и в будущем эта отрасль может стать предметом приложения их совместных усилий.

Инфраструктурное обеспечение восточных районов России и раньше являлось заметным направлением двустороннего сотрудничества. Ярким примером служит порт Восточный, строительство которого отвечало национальным интересам обеих стран, порт и сейчас продолжает эффективно обслуживать двусторонний оборот. В последнее время появились совместные проекты в области связи, в т.ч. по созданию трансроссийской линии связи, связывающей Японию и Европу. Это направление сотрудничества сохраняет актуальность, его можно отнести к приоритетным областям двустороннего партнерства, которое можно рассматривать в комплексе с развитием в России тех отраслей, которые впоследствии будут работать на японскую экономику - энергетика, нефтехимия, лес, контейнерные перевозки, в том числе транзитные, даже туризм.

Конечно этими направлениями не ограничивается российско-японское сотрудничество. необходимо искать и формировать новые подходы в российско-японских торгово-экономических связях на базе учета интересов комплексного регионального развития, а также в целях поддержки национальной промышленности и обеспечения участия российских предприятий в реализации совместных инвестиционных проектов. Например, при решении вопросов машино-технического обеспечения часть заказов, например, на строительство лесовозов, платформ для освоения шельфа, оборудования для объектов инфраструктуры, можно было бы размещать на российских предприятиях.

Отдельно можно было бы сказать о довольно большом потенциале двустороннего сотрудничества, направленного на рынки соседних стран, в частности Китая, где потребности в российских товарах с учетом отторжения их на японском рынке сохраняются на высоком уровне.

Южная Корея и Китай: использование режима ГАТТ в движении к открытой экономике

© 1995

Ю.Цыганов

Страны динамично развивающегося Азиатско-Тихоокеанского региона пять лет назад приступили к институциональному оформлению своего торгово-экономического сотрудничества, создав Организацию Азиатско-Тихоокеанского Экономического Сотрудничества (АПЕК). На встрече глав государств АПЕК, состоявшейся в Сиэтле в ноябре 1993 г., отмечалось, что быстрое экономическое развитие региона было достигнуто, благодаря свободной рыночной экономике, свободной торговле и стратегии роста, ориентированной на внешний мир. На перспективу была выдвинута задача обеспечения более тесного экономического сотрудничества стран АПЕК вплоть до создания регионального экономического общества. Одной из задач текущего периода, имеющих первостепенное значение, на встрече было определено активное сотрудничество в рамках ГАТТ, в том числе подчеркивалась значимость успешного завершения многосторонних переговоров по торговле в ходе Уругвайского раунда переговоров ГАТТ, снявшем некоторые барьеры для экспорта, либерализовавшем такие секторы экономики, как финансовый, отменившем ряд устаревших торговых правил.

Безусловно, значение, придаваемое содействию переговорным процессам в ГАТТ, определяется приверженностью АПЕК принципам свободной торговли и открытой экономики и той ролью, которую играет ГАТТ в устранении различных форм дискриминации в торговле, содействии развитию свободной торговли путем снижения таможенных тарифов и отмены количественных ограничений импорта. Концепция "открытого регионализма", положенная в основу деятельности АПЕК, по существу совпадает с принципами ГАТТ. Использование режима ГАТТ большое значение имеет для большого и малого "драконов": Китая и Южной Кореи, быстро движущихся к открытой экономике и являющихся соответственно четвертой и пятой торговыми державами региона.

Южная Корея - участник ГАТТ более 20 лет (с 1967 г.), и в стране считают, что использование режима свободной торговли стало важным фактором успешного развития страны в эти десятилетия, за которые страна прошла путь от слаборазвитости до среднеразвитой НИС. Поставленную на нынешнем этапе задачу расширения участия Южной Кореи в ГАТТ следует рассматривать во взаимосвязи с новой стратегией экономического развития администрации

президента Ким Ен Сама, задачи которой изложены в "Стратегии интернационализации для Новой экономики", программном документе, принятом корейским правительством в конце 1993 г. и рассчитанном на 5 лет. Новая экономическая стратегия южнокорейского руководства исходит из понимания современного этапа мирового развития как все более набирающего темпы движения к "единой мировой экономике". Этот процесс характеризуется исчезновением - с экономической точки зрения - национальных границ и постепенным слиянием национальных экономик в единую мировую. В этих условиях многие национальные предприятия выносят свои производства в страны, где они могут производить свои товары с наименьшими издержками, чтобы быть в состоянии отвечать на вызовы все усиливающейся международной конкуренции.

План "Новой экономики" предполагает ряд шагов для дальнейшей интернационализации экономической системы РК, включая расширение экспорта и корейских инвестиций за рубежом и одновременное открытие внутреннего рынка и стимулирование иностранных инвестиций. Для достижения этой цели законоположения, касающиеся национальных и иностранных предприятий, пересматриваются в сторону обеспечения максимальной автономии предпринимательской деятельности. При этом акцент делается на обновлении тех сфер, которые являются определяющими для бизнесменов: регулирование вопросов, связанных с выделением земельных участков, производственным строительством, увеличением фондов, управлением трудовыми отношениями. По существу, план "Новой экономики" направлен на создание через сокращение административного регулирования и излишнего государственного вмешательства в хозяйственную деятельность таких условий, при которых корейские предприниматели будут более активно выходить на мировой рынок со своей продукцией и капиталами, а внутри страны инвестиционный климат для иностранного капитала не будет отличаться от созданного в странах, далеко продвинувшихся по пути использования иностранных инвестиций.

Важное направление стратегии интернационализации - расширение экономического сотрудничества с другими странами с использованием существующих международных экономических организаций (АПЕК, ГАТТ и др.). Южная Корея, уже используя преимущества режима свободной торговли ГАТТ, продолжает осуществлять меры по либерализации импорта, для чего была принята соответствующая трехлетняя программа (1992-1994). В соответствии с ней РК в 1993 г. ввела свободный режим по 45 импортным позициям. В 1994 г. после введения свободного режима еще по 47 позициям общий уровень либерализованности корейского импорта должен достичь 98,6%. В начале 1994 г. Корея представила в ГАТТ новую схему либерализации импорта, затрагивающую 142 наименования сельскохозяйственной продукции и рассчитанную на 1995-1997 гг.

Южная Корея осуществляет эти меры, несмотря на то, что снова после 1990 г. возник торговый дефицит, а также несмотря на недовольство внутри страны некоторыми мерами по расширению сотрудничества в рамках ГАТТ. Например, по сообщению газеты "Корея Геральд" в первой декаде апреля 1994 г. более 10000 студентов институтов и университетов Сеула выступили с демонстрацией протеста против одобрения Национальным собранием многостороннего торгового соглашения, достигнутого в ходе Уругвайского раунда, так как оно в перспективе наносит ущерб корейскому сельскому хозяйству.

Южная Корея, выступая полноправным участником многосторонних торговых соглашений, возлагает большие надежды на соглашения Уругвайского раунда как представляющие большие возможности для решения проблем

регионализма и торговых трений. Уровень участия Корея в "пакете четверки" (Quad Package), подписанном между США, ЕЭС, Японией и Канадой в июле 1993 г., составляет 80% по позиции "нулевых мер" и 98% по позиции совершенствования тарифов. Одновременно РК представила комплексный план по либерализации секторов третьей сферы, включающий в себя телекоммуникации, строительство, реализацию продукции, транспорт и финансы. С 1994 г. Южная Корея присоединяется к Кодификатору ГАТТ уполномоченных организаций (Government Procurement Code): в конце 1993 г. она определила свой список уполномоченных организаций - 23 строительные компании с государственными инвестициями и 15 местных и провинциальных государственных организаций, которые могут выступать посредниками в строительстве и третьей сфере.

Соглашения Уругвайского раунда требуют от Южной Кореи пересмотра налогового законодательства. Правительству придется отменить ряд налоговых льгот, кредитов и прочих преференций, предоставляемых экспортерам. Двадцать девять видов налоговых льгот, предоставляемых корейским компаниям, могут рассматриваться как субсидии в соответствии с соглашениями Уругвайского раунда по международной торговле. Семь видов налоговых льгот, предоставляемых для поощрения экспорта, и еще семь видов налогового кредита, касающихся покупки машиностроительной продукции корейского производства, могут быть классифицированы как протекционистские меры. Еще 15 видов поддержки через налоги являются по сути выплатой премий экспортерам для преодоления тарифных барьеров, вводимых странами-импортерами. Одна из субсидий, которым должен быть положен конец, касается резервов для покрытия потерь от экспорта. Например, корейская корпорация, экспортирующая в год товаров на 100 млн. долл., имеет право оставлять 1 млн. долл. (или 50% дохода от экспорта при меньшей сумме) в качестве резерва для покрытия экспортных потерь. Корпорация имеет право использовать эти средства для хозяйственных операций. Если никаких потерь не будет, эти средства превратятся в налоговый кредит на 3 года. В целях поощрения экспорта правительство разрешает корпорациям платить налоги с резервов через 3 года за вычетом действительных потерь.

В дальнейшем подобные льготы должны быть отменены, так как могут быть классифицированы как запрещенные экспортные субсидии в рамках нового международного торгового режима Мировой организации торговли (МТО), которая должна быть создана в следующем году в соответствии с решениями Уругвайского раунда. Поэтому все налоговые льготы должны быть пересмотрены в соответствии с соглашениями Уругвайского раунда.

Одновременно южнокорейскому правительству необходимо пересмотреть общий налоговый режим внутри страны. Прежде всего потребуется снизить налоговые ставки, чтобы в условиях пересмотра мер по поддержке экспортеров сделать национальные корпорации более конкурентоспособными на мировом рынке. Правительство также поможет национальным корпорациям сокращением сроков использования амортизационных фондов из расчета на быстрый технологический прогресс, что ускорит оборот этих фондов. Работа по пересмотру налоговых ставок начнется со второй половины 1994 г. и затронет прежде всего подоходный налог. Предполагается, что будут снижены самые высокие ставки общего подоходного и других налогов: поставлена цель сделать более широкой налоговую базу при снижении налоговых ставок (здесь предусмотрены меры по сокращению налоговых льгот и кредитов, закрытию различных лазеек в налоговом законодательстве, в том числе налоги с дохода по процентам и дивидендам с 1996 г. будут введены в общий подоходный налог, что

рассматривается как мера по достижению "экономической справедливости" в рамках введения открытой (неанонимной) системы финансовых операций).

Изменение налогового режима должно затронуть и иностранные корпорации. Поскольку по соглашениям Уругвайского раунда тарифные и нетарифные барьеры снижаются, у транснациональных корпораций становится все меньше оснований оставаться в стране со слишком высокими ставками налогов, и они могут уйти в страны с более льготным налогообложением. Поэтому снижение ставок подоходного и корпоративного налогов - важный момент, также призванный стимулировать деятельность в стране транснациональных корпораций. При этом следует отметить, что южнокорейское правительство в ходе снижения налоговых ставок планирует постепенную отмену различных налоговых льгот для иностранного капитала, что соответствует принципам ГАТТ о создании в стране одинаковых условий для иностранных и национальных производителей.

Многие налоговые льготы для иностранного капитала уже были отменены со второй половины 80-х годов. В настоящее время налоговые льготы распространяются на производства высоких технологий, которые включают в себя 83 наименования, в том числе производство промышленных роботов, средств цифрового контроля металлообработки, полупроводников, компьютеров с большими объемами памяти и точной периферии, программного обеспечения, синтетических высокополимерных материалов и новых материалов, аэрокосмических средств, средств охраны окружающей среды и т.д. Предприятия, действующие в этих сферах, на первые 3 года деятельности полностью освобождаются от корпоративного и подоходного налогов и получают 50-процентное снижение на последующие 2 года. На этот же срок на 50% снижаются потребительский налог и налог на имущество, а также импортные пошлины и налог на добавленную стоимость на основные средства, ввозимые для инвестиционных целей. С 1992 г. эти льготы также распространяются на увеличение капитала для целей хозяйственной деятельности. Кроме того, полностью освобождаются от корпоративного и подоходного налогов доходы от импорта высоких технологий.

Наряду с совершенствованием порядка налогообложения принцип справедливой конкуренции предполагается проводить в жизнь путем снижения барьеров для проникновения зарубежных фирм, желающих делать инвестиции в Южной Корее. С этой целью несколько десятков законов и положений, регулировавших процедуру выдачи разрешений на строительство предприятий, в 1993 г. заменены единым положением, а права по выдаче таких разрешений переданы от целого ряда правительственных организаций местным властям, чтобы упростить эту процедуру. Сроки рассмотрения заявок сокращены с 1-2 лет до 45 дней. Также упрощается сама процедура применения Закона о привлечении иностранного капитала (принят в 1966 г.): период рассмотрения соответствующих заявок сокращается с 20-30 дней до 10, а права по рассмотрению передаются местным отделениям Банка Кореи. При этом расширяется сфера деятельности иностранного капитала в РК. В июне 1993 г. корейское правительство приняло "Пятилетний план по либерализации иностранных инвестиций", согласно которому из 224 видов хозяйственной деятельности, в которых в настоящее время ограничены иностранные инвестиции, 132 вида будут полностью открыты к 1997 г., а 76 видов - в 1998 г., по 16 видам ограничения будут сняты после 1998 г. К 1996 г. иностранные инвесторы больше не будут обязаны создавать совместные предприятия с корейскими партнерами в 43 из 50 видов хозяйственной деятельности, где сейчас действует это правило. Облегчается получение земельных участков: будет осуществлен переход от разрешительной системы к запретительной, по которой

только в небольшом числе видов хозяйственной деятельности по закону будет запрещено получение земли, и одновременно будут сняты ограничения по хозяйственному использованию земли.

Проблемы либерализации и сокращения регулирования финансового сектора, бывшая одной из тем переговоров Уругвайского раунда, также нашла свое отражение в "Новой экономике". С июня 1993 г. вступил в силу "План третьего этапа финансовой либерализации и открытия рынка", который ослабляет требования по основной документации финансовых операций. К 1997 г. будут сняты требования по документированию обычных операций. Наряду с такими мерами по общей финансовой либерализации, как ослабление государственного контроля за ставками по кредитам и депозитам, отмена контроля за эмиссионной процентной ставкой по ценным бумагам, снижение ограничений на рынке "коротких денег", сокращение "политических" кредитов и перевод этих кредитов в специализированные банки или в бюджет, будут осуществлены меры по открытию финансового сектора для иностранного капитала. С 1994 г. постепенно повышается максимальный объем иностранных вложений на рынке акций, постепенно открывается для иностранных инвесторов также рынок векселей. Предполагается, что при наличии благоприятных макроэкономических условий, включающих в себя платежный баланс Кореи и разницу в процентных ставках внутри страны и на мировом рынке, с 1997 г. всем фирмам, как национальным, так и с иностранными инвестициями, будет разрешено брать за рубежом коммерческие кредиты (сейчас это разрешено на срок не более 3 лет только предприятиям с иностранными инвестициями, действующим в сфере высоких технологий).

Предприятиям будет разрешен более широкий доступ к иностранному финансированию, чтобы содействовать расширению инвестиций и интернационализации хозяйственных операций. Резко сокращаются ограничения по кредитам в иностранной валюте (например, фиксированные кредитные ставки), чтобы стимулировать финансовые организации к обеспечению потребностей предпринимателей в иностранной валюте и использовать увеличение объема иностранной валюты, поступающей в страну после либерализации рынка капиталов. Расширяются возможности по кредитованию в иностранной валюте импорта производственных мощностей и передовых технологий, а сроки кредитов увеличиваются с 8 до 10 лет.

Согласно стратегии "Новой экономики" Южная Корея, принимая во внимание тенденции мирового развития и соглашения Уругвайского раунда, будет осуществлять либерализацию рынков строительства и телекоммуникаций. С 1994 г. иностранным компаниям разрешается создавать целиком за счет своих вложений предприятия в сфере общего строительства, а с 1996 г. это будет разрешено и в сфере специального строительства. В этих сферах соответственно в 1996 и 1998 гг. иностранным компаниям будет разрешено создание отделений на местах. Кроме того, иностранным фирмам открывается доступ на конкурсы строительных подрядов стоимостью свыше 5 млрд. вон, если они выставлены центральным правительством, и свыше 16 млн. вон, если они выставлены местными органами власти.

Рынок аудио- и видеослужб открыт с 1993 г., и здесь отменяются ограничения для иностранных инвестиций. С 1994 г. разрешается создание новых телекоммуникационных служб. Изучается вопрос либерализации общих телекоммуникационных служб (телефон, телеграф). Уже открыт рынок телекоммуникационного оборудования для гражданских нужд, включая телефоны и факсы, в 1995 г. будет открыт рынок оборудования для сетей связи.

Таким образом, в настоящее время РК, расширяя свое сотрудничество со странами ГАТТ и ориентируясь на все более глубокую интернационализацию

экономики, приступила к решению не только вопросов наиболее полного обеспечения режима свободной торговли, но и внутриэкономических вопросов, оказывающих в условиях открытой экономики значительное влияние на внешнеэкономическое сотрудничество - условия налогообложения, доступ к земле, возможности ведения строительства, а также открытие таких особых рынков, как финансовый рынок, рынок строительства, рынок телекоммуникаций.

Уровень интеграции КНР в мировую экономику пока не ставит перед страной таких глубоких задач, и для Китая во взаимоотношениях со странами ГАТТ сейчас в первую очередь стоит вопрос общего соответствия китайской внешней торговли принципам этого соглашения.

В настоящее время Китай не является страной - участницей ГАТТ, но начиная с 1982 г. он принимает участие в работе органов ГАТТ в качестве наблюдателя с правом совещательного голоса. В качестве наблюдателя Китай принимал участие и в Уругвайском раунде. В 1984 г. Китай стал участником действующего в рамках ГАТТ "Международного соглашения по торговле текстилем", что позволило значительно расширить экспорт китайского текстиля: за 1984-1992 гг. этот вид экспорта увеличился с 6 млрд. амер. долл. до 20 млрд. Следует также отметить, что объем торговли Китая со странами - участницами ГАТТ превышает 85% его внешнеторгового оборота.

Сейчас Китай ставит вопрос не о вступлении в ГАТТ, а о восстановлении статуса Китая как договаривающейся стороны (в 1986 г. подана соответствующая заявка). Китай был в числе 23 стран - учредительниц ГАТТ, и в дальнейшем выход из ГАТТ был осуществлен тайваньскими властями, а не правительством КНР в качестве единственного законного правительства Китая, что дает основания КНР считать этот выход незаконным. КНР берет на себя обязательство признать все договоренности и соглашения, достигнутые за время действия ГАТТ, и подписать протокол, определяющий права и обязанности КНР в рамках ГАТТ после восстановления статуса участника. Китайское правительство рассчитывает получить в рамках ГАТТ статус развивающейся страны, определяемый соглашениями Токийского раунда о предоставлении развивающимся странам общепреференциального режима. Китай уже пользуется правами развивающейся страны в рамках вышеупомянутого Международного соглашения по торговле текстилем.

В 1987 г. была создана рабочая группа ГАТТ по рассмотрению заявления Китая о восстановлении. В круг обязанностей группы вошли рассмотрение внешнеторговой системы КНР, разработка проекта протокола по утверждению связанных с восстановлением прав и обязанностей, проведение переговоров относительно снижения и отмены таможенных тарифов, рассмотрение других вопросов отношений Китая с ГАТТ. В 1988 г. Китай передал в рабочую группу "Меморандум по системе внешней торговли КНР", и в 1992 г. была в целом завершена работа по изучению комплекта документов по внешней торговле Китая, а также основных вопросов по протоколу о восстановлении статуса. В 1993 г. рабочая группа перешла к рассмотрению вопросов экономической политики Китая, также увязываемых с принятием протокола о восстановлении статуса. Это аграрная политика, политика цен, принципы распределения валюты, права предприятий на внешнеэкономическую деятельность, мероприятия, осуществляемые в рамках системы внешней торговли, определение стандартов контроля продукции.

Что касается тайваньского участия в ГАТТ, то Тайвань в 1990 г. от имени "таможенных территорий Тайваня, Пэнху, Цзиньмэнь, Мацзу" подал заявку на присоединение к ГАТТ. Но правительство КНР официально выступило против, тем самым заблокировав рассмотрение этой заявки. Позиция

КНР по этой проблеме заключается в том, что Тайвань может вступить в ГАТТ только как самостоятельная таможенная территория Китая после восстановления статуса КНР как участника ГАТТ. Аналогичный статус предусматривается в будущем для Сянган и Аомэня, ставших участниками ГАТТ соответственно в 1986 г. и 1991 г. в качестве самостоятельных таможенных территорий по заявлению ответственных за эти территории государств - участников ГАТТ.

Стремление Китая к восстановлению в ГАТТ следует рассматривать как следующий шаг к открытой экономике наряду с мерами по привлечению иностранного капитала, созданием СЭЗ, вступлением в международные финансовые организации (Мировой банк и МВФ). Участие Китая в ГАТТ даст возможность решить многие проблемы двусторонних торговых отношений (особые надежды возлагаются на урегулирование через ГАТТ торговых отношений с США), устранить дискриминационные ограничения, получить доступ к дополнительной информации о торговле-экономическом развитии стран - участников. Это будет содействовать расширению экспорта, развитию внешней торговли, повышению международного статуса Китая как экономической державы, но это требует и углубления реформы системы внешней торговли и перехода на методы регулирования, признанные ГАТТ. Основные обязательства Китая после восстановления в ГАТТ включают в себя снижение и отмену некоторых видов пошлин, принятие обязательств по нетарифным мерам, ограниченных соглашениями Токийского раунда. Кроме того, здесь также возникают проблемы, связанные с завершением реформы цен и установлением единого валютного курса.

В настоящее время основными особенностями внешней торговли Китая, не соответствующими принципам ГАТТ, являются: контроль за объемами импорта и экспорта, проведение льготной торговой политики в отношении отдельных стран (например, беспошлинный импорт 20% северокорейских товаров, льготы по бартерной торговле с СНГ), наличие ограничений по реализации импортных товаров внутри страны, различия внешнеторговой политики внутри страны (например, льготные импортные тарифы в СЭЗ и РТЭР), ограничение самостоятельного выхода предприятий на внешний рынок, наличие необнародованных подзаконных актов по внешней торговле для внутреннего пользования. В то же время существуют высокие импортные пошлины и нетарифные барьеры. Так, Китай, сам являясь крупным экспортером текстиля, взимает 80%-ю пошлину с импортных текстильных изделий и 100% - с изделий из синтетических волокон. Импортная пошлина по бытовым электроприборам также составляет 100%, а по автомобилям - 180-220%. В целом, средний уровень таможенных пошлин составляет 22,5%, что превышает средний уровень как развитых стран (5%), так и развивающихся (13%), а согласно соглашению Уругвайского раунда, этот уровень должен быть доведен до 3,9%. Кроме того, существует множество нетарифных ограничений: 40% внешнеторгового оборота до сих пор входит в сферу планового управления, по 53 группам импортных товаров (40% общего объема импорта) требуется лицензирование, 50% электромеханической импортной продукции должно сертифицироваться Контрольным управлением по электромеханической продукции. По ряду импортных товаров эти барьеры суммируются и возникают множественные нетарифные ограничения.

Приближаясь к режиму ГАТТ, китайское руководство осуществило ряд преобразований в сфере внешней торговли. В ходе реформы Китай принял "Таможенный кодекс КНР", пересмотрел импортно-экспортный налоговый режим. Это укрепило роль тарифов как экономических рычагов. В этом же направлении действуют принятые в 1985 г. новые таможенные правила, упорядочившие тарифы и снизившие их уровень в среднем на 10%. С апреля

1986 г. по август 1990 г. 18 раз проводилось урегулирование импортных тарифов, в том числе снижены ставки по 83 товарным позициям, торговый оборот по которым достигает 5 млрд. долл. Китай пошел на это, несмотря на то, что в результате поступления от таможенных пошлин сократились на 1,28 млрд. юаней. В 1992 г. снижены импортные пошлины еще по 3596 видам товаров. Таким образом, общий уровень пошлин был снижен еще на 7.3%. Одновременно в апреле 1992 г. был отменен регулирующий импортный налог (фактически объединены импортные пошлины и регулирующий налог).

С января 1991 г. отменены все дотации по экспорту. Сокращено до 138 число лицензируемых экспортных товаров и устранено разделение экспортных товаров по группам с различными условиями экспорта. Теперь, кроме шестнадцати особо важных видов товаров, находящихся в сфере централизованного государственного регулирования, остальные товары свободно реализуются внешнеторговыми предприятиями на основе самокупаемости.

В 1993 г. Китай принял решение в целях достижения соответствия требованиям ГАТТ установить в течение 5 лет единый валютный курс, который до сих пор был разделен на официальный, устанавливаемый Государственным управлением валютного контроля, и биржевой. Это важный шаг к свободной конвертируемости юаня.

С января 1994 г. введена новая система объединенного плавающего контролируемого валютного курса в соответствии со спросом и предложением на рынке и отменена действовавшая в течение 10 лет двойственная система валютного курса. Центральный банк будет ежедневно публиковать курс юаня к доллару в соответствии с результатами торгов на межбанковском рынке иностранной валюты, который будет создан в 1994 г. Одновременно будет публиковаться курс юаня к другим основным валютам в соответствии с курсами, установившимися на мировом финансовом рынке. Центральный банк будет стараться регулировать спрос и предложение на твердую валюту и стабилизировать курс юаня главным образом экономическими мерами, такими как монетаристская политика и процентные ставки.

В ходе этих преобразований с этого года будет запрещено хождение внутри страны иностранной валюты, также прекращается эмиссия выпускавшихся с 1980 г. чеков обмена валюты (валютный юань), и они постепенно выводятся из обращения. Одновременно отменяется система удержания и перевода государству фиксированных объемов валюты. Такая реформа ставит предприятия, участвующие во внешнеторговой деятельности, в равные условия и усиливает регулируемую роль валютного курса во внешней торговле. Эти изменения также будут благоприятны для иностранных инвесторов, которые прежде были вынуждены регистрировать свой капитал по официальному курсу, а вывоз прибыли рассчитывался по биржевому, более высокому курсу.

Китай взял на себя обязательство с 1993 г. в течение 2 лет на две трети сократить лицензирование 53 групп импортных товаров, упростить импортный контроль электромеханических товаров, ввести систему открытых конкурсов и аукционов по импортным лицензиям. Также были взяты обязательства ликвидировать льготный режим импорта в отдельных районах страны с тем, чтобы обеспечить единство внешнеторговой политики по всей стране, унифицировать внешнеторговую политику в отношении разных стран, снять необоснованные ограничения по перевозке, реализации и использованию импортных товаров, представить план завершения реформы цен. С точки зрения либерализации импорта, важно и заявление о том, что ведомственные списки импортозамещающих товаров играют лишь рекомендательную роль и не могут ограничивать импорт предприятиями аналогичных зарубежных товаров. Таким

образом, признано, что протекционистские меры должны осуществляться в соответствии с положениями ГАТТ.

МВТиВЭС КНР отменило значительную часть нормативных документов для внутреннего пользования, принятых в 1991-1992 гг., а 47 закрытых документов были опубликованы. Юридическое управление МВТиВЭС готовит к публикации все касающиеся внешней торговли законы и документы, принятые после 1978 г., и в дальнейшем все документы по внешней торговле будут официально публиковаться. В преддверии восстановления статуса Китая как участника ГАТТ МВТиВЭС КНР разрабатывает "Закон о внешней торговле", "Антидемпинговые положения" и ряд новых законоположений о внешней торговле, направленные на приближение внешней торговли Китая к нормам ГАТТ.

Возможное участие в ГАТТ ставит перед китайской промышленностью проблемы качества и соответствия международным стандартам. По выборочным обследованиям (конец 1991 г.) до 45% продукции, поступающей на рынок Китая, не соответствует не только международным, но и внутренним стандартам, до 27% продукции производится полулегально (под чужими торговыми марками, без регистрации предприятий и т.п.). По некоторым товарам положение еще хуже: более 50% рынка 13 известных марок китайских алкогольных напитков заполнено фальсификатами; нестандартность кроссовок достигает 67%, а 10% этого вида обуви настолько низкого качества, что приходят в негодность после нескольких дней пользования.

Снижение импортных пошлин, связанное с восстановлением в ГАТТ, без сомнения, нанесет удар по целому ряду отраслей китайской промышленности, таких как автомобильная, электронная, светочувствительных материалов, химическая, текстильного машиностроения, новых и высоких технологий. В первую очередь это касается автомобильной промышленности Китая. Автомобиль типа "Шанхай-Сантана" на мировом рынке стоит около 8 тыс. ам. долл., а в Китае его цена превышает 20 тыс. долл. Конкурентоспособность китайских автомобилей обеспечивается только высокими импортными пошлинами. Аналогичная ситуация и в китайской электронной промышленности. Например, на внутреннем рынке Китая 53-сантиметровые кинескопы для цветных телевизоров стоят 980 юаней за штуку (около 160 долларов), а на мировом рынке их цена составляет 90 долларов. В связи с этим ожидается, что отмена импортных пошлин будет осуществляться постепенно, так же постепенно будет осуществляться отмена лицензирования. Но протекционистские меры должны быть временными для молодых отраслей промышленности неразвитых стран. ГАТТ определяет отрезок времени для таких протекционистских мер в 3 года, но возможно его продление путем переговоров. В течение этого срока должны быть предприняты самые серьезные меры по преобразованию вышеуказанных отраслей китайской промышленности.

В целом, по мнению ряда китайских экономистов, вступление Китая в ГАТТ объективно в течение первых 10 лет будет иметь больше негативных последствий, чем позитивных, но по прошествии этого времени выгоды для экономического развития уже перевесят. В настоящее время Китаю надо решать конкретные вопросы оптимального осуществления снижения пошлин, обеспечения конкурентоспособности китайской промышленности, продолжать перестройку внешней торговли в соответствии с требованиями ГАТТ.

Региональный аспект отношений Японии с Китаем

© 1995

А. Семин

В условиях важных перемен, происходящих в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) после окончания "холодной войны", региональный аспект в развитии японо-китайских отношений приобретает возрастающее значение. Это обусловлено, во-первых, тем, что в результате разрушения прежней биполярной структуры отношений, появления тенденции к ослаблению стратегической роли в регионе США и России Япония как ведущая экономическая держава в АТР получила реальную возможность для проведения более инициативной региональной политики. Активизировалась разработка концепций этой политики в общественно-политических, научных кругах страны. В центре внимания находятся вопросы, касающиеся роли Японии в мире и регионе, ее подходов к региональному сотрудничеству, к проблеме обеспечения безопасности и к сотрудничеству с США, отношениям с Китаем и другими соседними странами. Анализ материалов японской периодической печати позволяет выявить основные концептуальные подходы, которые обнаружались в общественном сознании страны, к этой проблеме на фоне указанных перемен.

Традиционалистский подход. Для него характерно сохранение приверженности "доктрине Иосида", определившей послевоенную стратегию Японии: ускоренный подъем экономики, жесткое ограничение военных расходов, тесный союз с США. Сторонники этого подхода считают, что Япония - "особое государство". Исключительным его делают пережитые поражения в военной агрессии и ядерная бомбардировка японских городов 1945 г. Согласно традиционалистскому подходу, Японии надлежит брать на себя умеренную международную роль. Она и впредь должна быть готова жертвовать своим суверенитетом, поскольку не может стать крупной военной державой даже ради дела обеспечения мира.

К указанным взглядам близок подход, утверждающий приоритет для Японии торгово-финансовых интересов. Здесь нашли свое выражение интересы в первую очередь финансово-деловых кругов страны. Основным идеологическим бастионом сторонников этой точки зрения явилось влиятельное министерство внешней торговли и промышленности, руководители которого видели главный критерий эффективности деятельности дипломатии в финансовых результатах. Представители этих взглядов выступают против активизации усилий Японии в военно-политической области. В международном распределении ролей, как считают они, Японии больше подходит торговая деятельность, а США -

обеспечение международной безопасности.

В то же время увеличение числа сторонников некоторых старых подходов и появление новых отражают усиливающиеся в общественно-политических кругах Японии настроения в пользу перемен. На фоне движения за реформирование политической системы в государстве отмечаются попытки внести коррективы и во внешнеполитический курс страны. Наиболее радикальных взглядов придерживаются националистически настроенные группировки.

Для "националистического" подхода характерно требование пересмотра политики, основывающейся на "доктрине Йосида", преодоления страной положения государства "второго с половиной сорта", обретения ею полного суверенитета в области внешней политики, а также обеспечения безопасности. С позиции "националистов", "доктрина Йосида" принималась в пору, когда Япония была уязвима. Сейчас же пришло время освободиться от зависимости от Вашингтона.

Следует отметить, что влияние националистических настроений на политику японского правительства на данном этапе нельзя расценивать как существенное. Однако положение может измениться, поскольку отмечается тенденция роста числа сторонников национальной идеи в японском обществе. Благоприятные условия для этого создаются растущим самосознанием японцев в условиях впечатляющих, в сравнении в том числе с США, экономических и социальных достижений Японии, повышения ее авторитета в международном сообществе.

Наряду с "националистами" активизации внешнеполитического курса страны добиваются "новые реалисты". Они считают необходимым повысить роль Японии в обеспечении международной безопасности, в развитии регионального сотрудничества, но в отличие от "националистов" "новые реалисты" считают нужным опираться на укрепляющиеся отношения с США.

Представители данного подхода критически воспринимают конституционные ограничения, касающиеся курса страны в военной области. Они выступают за пересмотр конституции, проект которой, согласно их утверждению, "был выработан в штабе оккупационных войск" США². "Новые реалисты" критикуют политику Японии, определяя ее как "изоляционистский пацифизм". Себя же они относят к "ответственным пацифистам", подразумевая под этим отказ от войны, но признание важности тесного сотрудничества с США и другими странами в области обеспечения безопасности.

При всем различии существующих подходов общим для них является признание в качестве приоритетной задачи дальнейшее усиление влияния Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, куда все более перемещается центр тяжести ее интересов, в частности торгово-экономических. В основе такой позиции лежит оценка правящими кругами страны способности страны сохранить и в будущем роль лидера по экономическим показателям, быть главной движущей силой экономического развития в регионе. Возможно, в неблизкой перспективе эти претензии Японии, как представляется, могут встретиться с противодействием со стороны КНР, преследующей, со своей стороны, амбициозные цели в регионе.

В ходе выработки новой внешнеполитической стратегии принципиально важен для отношений Японии с Китаем вопрос, сохранится ли под влиянием происходящих перемен японо-американский договор безопасности. Хотя во время общественно-политической дискуссии по этому вопросу были представлены весьма различные, часто не совпадающие точки зрения, в конечном итоге закрепление в реальной позиции правящих кругов получила одна. Она состоит в том, что, с учетом краткосрочных и среднесрочных задач,

Япония заинтересована в сохранении американского присутствия в регионе, японо-американских союзнических отношений.

На этапе выработки этой позиции в развернутом виде она была сформулирована, в частности, в лекции известного японского политолога М.Мидзогути, прочитанной в феврале 1992 г. в Карлетонском университете США на тему: "Проблемы безопасности и сотрудничества в АТР в 1990-е годы". Наиболее существенные положения лекции сводились к следующему:

- США останутся главной действующей силой в обеспечении безопасности в Азии, их роль в предстоящий период может даже усилиться;

- вклад Японии в обеспечение безопасности в регионе является более опосредствованным, а именно содействие экономическому развитию. Это основывается на понимании того, что безопасность в Азии может быть достигнута только при условии успешно развивающейся экономики и стабильного положения правительства;

- Япония, несомненно, призвана играть большую роль в политических и дипломатических делах региона в дополнение к ее экономической роли;

- японо-американское сотрудничество будет иметь решающее значение;

- многостороннее сотрудничество в вопросах безопасности, по образцу СБСЕ в Европе, преждевременно, но возрастает необходимость в субрегиональных и региональных консультациях¹.

Таким образом, следует признать, что для японского общественного мнения, находящего отражение и в позиции правительства, и при нынешних изменениях в обстановке, характерна убежденность в необходимости усиления роли Японии в АТР при сохранении здесь военного присутствия Соединенных Штатов. При этом важно отметить, что последнее отчасти мотивируется "китайским фактором".

На основе анализа военной политики КНР в 1992-1993 гг. в японской прессе, на международных научных конференциях по проблемам безопасности в АТР неоднократно высказывались опасения, что Китай угрожает безопасности стран АТР. Как реакция на эту угрозу среди стран региона усилилась заинтересованность в сохранении американского военного присутствия. Это относится не только к Японии, но и к Индонезии, Малайзии, прежде выступавшим за вывод войск США. По этой же причине, как можно полагать, в 1991-1992 гг. резко выросли военные расходы стран Юго-Восточной Азии². На международном семинаре с участием японских специалистов в ноябре 1993 г. в Сеуле по проблемам военной стратегии в Северо-Восточной Азии в адрес Китая высказывались обвинения в связи с его "стремлением к гегемонии в регионе, наращиванием своего военного потенциала, особенно модернизацией и активизацией деятельности военно-морских сил, которые представляют угрозу судоходству сопредельных с ним государств"³.

Совершенно очевидно, что между Японией и КНР остаются непреодоленная взаимная подозрительность, а также различие в подходе к вопросу обеспечения собственной безопасности, в связи с чем можно предвидеть трудности для возможного взаимодействия двух стран в области создания системы коллективной безопасности в АТР, в Северо-Восточной Азии в частности, где проблема представляется особенно актуальной.

Более широкая возможность для развития отношений Японии с Китаем на региональном уровне постепенно создается в процессе наметившейся в АТР экономической интеграции. В этом процессе каждая из двух стран играет свою собственную роль.

Япония выдвинула ряд идей в разработке концепций регионального сотрудничества, впрочем всегда согласовывавшихся с США. Так, Япония явилась инициатором (1979 г.) создания "Тихоокеанского сообщества".

Первоначально предусматривалось, что в него смогут входить и социалистические страны. Однако вскоре это положение было пересмотрено: стали преобладать политико-идеологические мотивы в деятельности организации. Для Китая "двери" в сообщество не закрывались, он сам занял выжидательную позицию, хотя уже начинал проявлять интерес к региональному сотрудничеству, вступая на путь реформ и политики "открытых дверей". Тогда Японии осуществить идею формирования общерегиональной организации не удалось.

При создании в 1989 г. с участием Японии Организации азиатско-тихоокеанского сотрудничества (АПЕК) тот неудачный опыт отчасти был учтен. Но, хотя принципиально выбор был сделан в пользу "мягкого" и "открытого" регионализма, без демонстрации политико-идеологических установок, согласно первоначальному проекту, КНР не предусматривалось числить в составе АТР "из-за наличия у страны совершенно иных политических и экономических институтов и значительного разрыва в уровне экономического развития в сравнении с другими государствами Азии и Тихого океана"⁶. Тот факт, что Китай с 1991 г. является полноправным членом АПЕК, отражает реальное достижение политики "открытых дверей". Для этого, по мнению специалистов, должны были произойти радикальные перемены в формировании "рыночной модели экономических отношений"⁷. В результате в рамках АПЕК Япония и Китай фактически вступают в отношения соучастия в процессе постепенной экономической интеграции в регионе.

Следует, при этом, подчеркнуть, что де-факто реальный процесс интеграции Китая в экономику АТР шел весьма активно. Он привел к формированию своеобразной "китайской экономической зоны", включая районы Южного Китая, Гонконг и Тайвань. Два последних осуществляют значительные инвестиции в граничащие с Гонконгом районы КНР. Гонконг играет роль, по оценке японских специалистов, финансового и торгового центра этой зоны. Резспортная торговля Гонконга достигает до 70% общего объема экспорта, и 90% приходится на КНР. На гонконгских предприятиях в Южном Китае в 1991 г. работало 3 млн. чел., годовой доход предприятий составил 10 млрд. долл. (10% ВВП КНР). Высокими темпами рос тайваньский экспорт через Гонконг в КНР: так, в 1991 г. положительное сальдо Тайваня в торговле с Гонконгом достигло 10,5 млрд. долл., что больше, чем с США. С 1992 г. упрощена процедура для прямых капиталовложений Тайваня в Китае⁸.

Поскольку в указанной зоне происходит наращивание капитала, есть основание говорить, в частности, о формировании здесь, да и в целом в АТР, комплексного китайского экономического потенциала, базирующегося на возможностях как КНР, так и стран, где китайская диаспора занимает сильные позиции в экономике. Согласно анализу специалистов Организации содействия внешней торговле Японии (ДЖЕТРО), в 1992 г. китайскому капиталу принадлежали ведущие компании в финансовом и предпринимательском бизнесе стран Юго-Восточной Азии: Сингапур - пять из шести, Таиланд - пять из шести, Малайзия - три из шести, Филиппины - четыре из шести⁹.

Совокупный объем резервного валютного фонда Китая, Тайваня и Сингапура в 1991 г. составил 187,9 млрд. долл., что превысило резервный валютный фонд Японии, США и Германии вместе взятых. Росли экспортные поступления четырех азиатских стран. В 1991 г. их общая сумма достигла 49,6 долл., превысив сумму японского экспорта¹⁰.

В последние годы, особенно после установления дипломатических отношений, быстро развивались торгово-экономические связи Китая с Южной Кореей. Двусторонний товарооборот в 1991 г. составил 5,8 млрд. долл. (увеличение - 52% по сравнению с предшествующим годом), к 1996 г.

предполагается довести до 20 млрд. долл. Росли южнокорейские инвестиции в КНР, согласно прогнозу, к 1996 г. они могут достигнуть 2-2,5 млрд. долл. Активные деловые связи этнических корейцев в КНР (только в провинции Цзилинь проживает 1,4 млн. чел.) с хуацяо в Южной Корее (особенно многочисленны колонии в Сеуле и Инчхоне) создали предпосылки для быстрого развития отношений между двумя странами. Рассматривается возможность на этой основе создать в КНР "экономическую зону в районе Желтого моря"¹¹.

Такой ход событий развития обстановки в регионе не мог не обеспокоить Японию, рассматривающую китайский бизнес в ближайшие годы в качестве главной конкурирующей силы в АТР, особенно в связи с тем, что роль этого региона в мировых экономических связях Японии возрастает. Так, удельный вес АТР в общем объеме японского экспорта вырос с 1985 по 1991 г. от 31 до 42%. За тот же период зависимость Японии от американского рынка по экспорту снизилась с 34 до 24,2%¹².

Нарастающей китайской конкуренцией не исчерпываются проблемы, которые могут вести к осложнению в будущем японо-китайских отношений. Есть основания ожидать определенного противодействия со стороны Пекина попыткам усиления политического влияния Японии в АТР. Настороженно к этому Китай продолжает относиться как в силу известного исторического опыта японской экспансии в Азии и на Тихом океане, так и в связи с собственными геополитическими устремлениями. Очевидно, верным остается утверждение известного американского ученого Р. Скалапино: "Китай, рассматривая Азию как традиционную зону своего влияния, будет и впредь прилагать усилия в целях политического и военного сдерживания Японии"¹³.

Для Японии существенно то, что не только Китай является ее потенциальным оппонентом в регионе. Во многом, и по сходным мотивам, в качестве конкурента рассматривается и Южная Корея. Реально происходящее после нормализации отношений сближение между Китаем и Южной Кореей усиливает обеспокоенность у японцев возможностью того, что против них будет "разыграна дипломатическая карта". Оппонирующее начало может получить развитие в процессе реализации Токио реальной политики. Присоединиться к противодействию могут, к примеру, те страны, которые сопротивляются, подобно Малайзии, японо-американскому "тандему" в делах АТР.

Отмечая возможность усиления соперничества Японии и Китая в АТР, следует учесть, что все же изменениями международной обстановки, ходом развития двусторонних связей между ними созданы благоприятные предпосылки для регионального взаимодействия, в первую очередь в торгово-экономической области. Значительные перспективы, в частности, связываются с субрегионом Северо-Восточной Азии, так называемой зоной "Японского моря". Разработаны проекты многостороннего, с участием Японии и КНР, сотрудничества: дельта реки Туманган, морской порт Далянь, долина Саньцзянпин и др. В случае их успешной реализации будет заложена серьезная основа для регионального сотрудничества. Значение этого - шире выдвигаемых экономических целей. Экономическое сотрудничество может, при активном участии Японии и Китая, стимулировать другие интеграционные процессы в регионе.

Таким образом, развитие японо-китайских отношений находится под влиянием противоречивых процессов, происходящих в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С одной стороны, возникают благоприятные предпосылки для будущего экономического и политического сотрудничества в рамках созданных и проектируемых региональных структур. С другой - сохраняются и отмечены тенденцией усиления противоречия интересов. Нельзя исключить в будущем возникновение соперничества в стремлении двух стран к доминирующему положению в АТР, хотя нынешние лидеры, к примеру, Китая хорошо осознают,

к чему это может привести. По словам министра иностранных дел КНР Цянь Цичэня: "Япония и Китай остаются самыми значимыми в Азии государствами, к тому же они расположены по соседству друг с другом. Как доказала история, конфронтация или прямое столкновение между ними не принесут мира Азии. Если оба государства сумеют поддерживать дружественные отношения, то это будет способствовать не только сохранению мира, но и процветанию в регионе"¹⁴.

1. Япония о себе и о мире. Дайджест. // М. Косака. Не допустить упадка Японии // М. - 1993. - Февраль. - № 5. - С. 10-11.
2. Накасонэ Я. и др. После "холодной войны". - М.; Прогресс, 1993. - С. 35.
3. Материалы семинара в Карлетонском университете США 12 февраля 1992 г. // Япония о себе и о мире. Дайджест. М. - 1992. - Ноябрь. - № 1. - С. 18-20.
4. Экономисуту. - 1992. - 1 декабря.
5. Проблемы Дальнего Востока. - 1994. - № 1. - С. 149.
6. Киодо цусин. - 1988. - 13 июня.
7. Howe C. China and Economic interdependence in Asia. China Quarterly. - London, 1990. - № 124. - P. 693.
8. Экономисуту. - 1993. - 2 февраля.
9. Иноуэ Р. Превращение крупнейших азиатских компаний в многонациональные // Япония о себе и мире. Дайджест. - М. - 1993. - № 9. - С. 60-63.
10. Экономисуту. - 1993. - 2 февраля.
11. Экономисуту. - 1992. - 29 сентября.
12. Экономисуту. - 1992. - 2 февраля.
13. Scalapino R.A. Asia and the Road ahead. Issues For The Major Powers. - Berkly University, 1975.
14. Токио симбун. - 1992. - 13 мая.

Опыт экономических реформ

Теория прав собственности и китайская реформа

© 1995

О.Борох

Отличительная особенность политики реформ, проводимой в Китае с конца 70-х годов, заключается в широком использовании достижений мировой экономической мысли. К числу зарубежных концепций, вызвавших в КНР наибольший интерес, относится теория прав собственности.

На протяжении долгого времени теория прав собственности была мало известна в нашей стране. В советской экономической литературе господствовала точка зрения, согласно которой буржуазная политическая экономия игнорирует отношения собственности. Единственной работой, посвященной анализу данной концепции, была брошюра Р.И.Капелюшникова "Экономическая теория прав собственности. (Методология, основные понятия, круг проблем)"¹, имя основоположника теории, профессора Чикагского университета Рональда Коуза привлекло внимание российской научной общественности только в 1991 г. после присуждения ученому Нобелевской премии по экономике "за пионерские работы по проблемам трансакционных издержек и прав собственности"². В 1993 г. в России с большим запозданием была издана книга Р.Коуза "Фирма, рынок и право"³.

В Китае идеями Р.Коуза заинтересовались во второй половине 80-х годов. На китайский язык были переведены основные работы Р.Коуза, выпущен сборник статей ученого "Фирма, рынок и право"⁴, появились переводы трудов его последователей - А.Алчяна, Дж.М.Бьюкенена, Г.Демсеца, С.Пейовича, О.Уильямсона, Э.Фуруботна и др.⁵.

В это время проблема перестройки отношений собственности вновь выдвинулась в КНР на первый план. В условиях, когда в стране начала формироваться рыночная среда, однако не были созданы субъекты рынка - независимые товаропроизводители, задача коренных преобразований собственности приобрела особую актуальность. В данной ситуации концепция Р.Коуза, позволявшая по-новому взглянуть на проблему собственности, отвечала на запросы научной мысли. Знакомство с его теорией позволило китайским ученым преодолеть распространённые в КНР представления, согласно которым проблема собственности находилась вне поля зрения западной экономической науки. Работы Р.Коуза и его последователей давали возможность преодолеть упрощенный подход к проблеме собственности: в их трудах речь шла не об одном и неделимом праве собственности, а о целой системе прав собственности, о сложной структуре правомочий.

Аналитическую ценность концепции Р.Коуза китайские экономисты видели также и в том, что теория прав собственности позволяла объяснить причины существования фирм, ответить на вопросы, почему экономика не

может представлять собой "сплошного" рынка, почему часть экономической деятельности ведется не на рынке, а внутри фирм⁶. Свообразный подход к изучению проблемы фирмы, отказ от представлений о фирме как об исключительно производственной единице, как о "черном ящике", "куда вкладываются факторы производства и откуда выходит готовая продукция", также представлялся ученым КНР весьма плодотворным⁷.

Высокую оценку в китайской экономической литературе получила категория "транзакционных издержек", введенная Р.Коузом в научный оборот. Ученые КНР обращали внимание на важность выделения особого класса издержек, включающих в себя затраты на поиск информации о ценах и качестве товаров, расходы, связанные с заключением контрактов, их выполнением и юридической защитой. Категорию транзакционных издержек, которая в самом общем виде определялась как "издержки по поддержанию экономической системы на ходу" (К.Эрроу), китайские исследователи считали чрезвычайно полезной⁸.

В качестве теоретической новации рассматривалось использование Р.Коузом категории транзакционных издержек для объяснения существования фирм. С интересом был воспринят китайскими экономистами вывод теоретиков прав собственности, что фирма вытесняет рынок в той мере, в какой механизм прямого управления позволяет экономить транзакционные издержки. Идея положительных транзакционных издержек представлялась ученым КНР особенно актуальной для Китая, поскольку, как они утверждали, "мир нулевых транзакционных издержек намного дальше от китайской действительности, чем от действительности стран Запада"⁹.

Теорией прав собственности в Китае заинтересовались также и потому, что Р.Коузом была поднята проблема "внешних эффектов" экономической деятельности (экстерналий), решение которой пытались найти китайские экономисты. Подход Р.Коуза к вопросу о побочных результатах экономической деятельности, которые достаются не самому индивиду, а посторонним лицам, был весьма оригинальным: в отличие от предложений экономической теории лагосостояния (А.Пигу) решать проблему внешних эффектов путем усиления государственного вмешательства Р.Коуз призывал сосредоточить усилия государства на четком определении прав собственности и их защите, утверждая, что при четкой спецификации прав собственности и малых транзакционных издержках заинтересованные стороны могут сами найти наиболее рациональное решение проблемы и что рынок способен устранить внешние эффекты без вмешательства государства. Крайне важной представлялась ученым КНР мысль Р.Коуза о том, что внешние эффекты носят обоюдный характер и их можно уменьшить путем заключения сделки в результате переговоров между заинтересованными сторонами. Важнейшим научным достижением теории прав собственности была признана "теорема Коуза", согласно которой, если права собственности четко определены и транзакционные издержки равны нулю, то размещение ресурсов (структура производства) будет оставаться неизменной независимо от изменений в распределении прав собственности¹⁰. Повышенное внимание китайских исследователей к "теореме Коуза" объяснялось тем, что проблемы эффективного размещения ресурсов и оптимальной структуры производства, о которых шла речь в теореме, являлись в КНР остродискуссионными. Поскольку Р.Коуз предпринял попытку их систематизированного исследования, его теория приобрела для китайских экономистов особую ценность.

Взглядами Р.Коуза в Китае заинтересовались еще и потому, что ученый уделил серьезное внимание анализу институциональной структуры производства. Мысль Р.Коуза о том, что для перехода к рынку необходим весь

набор институтов, делающих возможным его существование, представлялась китайским экономистам плодотворной. Они также высоко оценивали методологический подход Р.Коуза, который видел свою главную задачу в "изучении человека таким, каков он есть, действующим в ограничениях, налагаемых на него реальными институтами"¹¹.

Теория прав собственности пользовалась в КНР популярностью также и потому, что была созвучна традиционным китайским представлениям, соответствовала специфическому складу мышления китайцев и удачно вписывались в концепции ученых КНР. На Западе критическое отношение к теории прав собственности было во многом связано с ее особым "прецедентным" стилем: отличительная особенность теории состояла в том, что вместо формализованных экономических моделей брался конкретный случай из деловой действительности и прослеживалось, что можно извлечь из него с помощью инструментария экономической теории. В отличие от большинства западных экономистов ученые КНР считали такой подход чрезвычайно плодотворным. Они подробно излагали приводимые теоретиками прав собственности примеры (скот хозяина ранчо, регулярно заходящий на поля фермера; шум аэродрома, нарушающий покой окрестных жителей; фабричный дым, загрязняющий воздух на близлежащих фермах) и выводы, сделанные в результате анализа этих примеров. Рассуждения теоретиков прав собственности представлялись ученым КНР вполне логичными, а соответствующие китайскому образу мысли многочисленные описания конкретных случаев из деловой практики оценивались в Китае как сильная сторона теории. Стил Р.Коуза они противопоставляли "философскому, дедуктивному, абстрактному" стилю работ Дж.Коммонса, который был одним из первых западных экономистов, обратившихся к исследованию проблемы "сделки" (транзакции)¹².

Усвоению китайской экономической наукой теории прав собственности способствовало и использование метода аналогий. Так, например, понятию "общее владение" ("public domain"), которое переводилось на китайский язык как "гунтун цайчань", был найден аналог "общее поле" ("гун тянь") в традиционной системе колодезных полей (цзин тянь). При этом понятие "общее владение" претерпевало смысловую трансформацию (в теории прав собственности понятие "общее владение" применялось, чтобы показать, что результаты деятельности собственника могут быть безвозмездно использованы другими лицами для получения выгод). Однако подобный подход имел свои преимущества, поскольку позволял исключить отождествление "общего владения" с "общественной собственностью" ("гунью цайчань") и четко разграничить эти понятия¹³.

Ученым КНР также импонировал интерес Р.Коуза к Китаю и его экономической системе. По мнению авторов предисловия к сборнику "Фирма, рынок и право", "профессор Коуз испытывал по отношению к Китаю особые чувства"¹⁴. Хотя Р.Коуз никогда не был в стране, он часто упоминал Китай в своих статьях. Первоначально слово "Китай" использовалось ученым в переносном значении и ассоциировалось с "загадочным, далеким местом"¹⁵. Так, например, формулируя цели своей научной деятельности, Р.Коуз писал: "Я намерен вновь поднять парус, и если, отыскивая дорогу в Китай, я открою на этот раз всего лишь Америку, я не буду разочарован"¹⁶. Образное сравнение Р.Коузом своей "мечты", которая заключалась в "построении теории, позволяющей анализировать институциональную структуру производства", с "поиском дороги в Китай", неоднократно цитировалось учеными КНР¹⁷. Впоследствии Китай стал для Р.Коуза не только образом далекого и неизведанного. Он с радостью воспринял появление своей работы на китайском языке и проявил интерес к вопросам структуры социальных институтов КНР. В

авторском предисловии к китайскому изданию сборника "Фирма, рынок и право" Р.Коуз призывал ученых активно включиться в исследование поставленных им проблем на местном материале, а в письме к одному из переводчиков сборника писал, что понимание процессов, происходящих в Китае, может значительно обогатить анализ институциональной структуры производства¹⁸. Как образно комментировали данное высказывание Р.Коуза китайские авторы, "Америка уже открыта, профессор Коуз должен понять Китай"¹⁹. Его мысль о важности исследования институциональной структуры Китая, существенно отличающейся от структуры институтов на Западе, была воспринята в КНР с особым интересом.

Проблема освоения китайскими экономистами теории прав собственности чрезвычайно сложна. Теория прав собственности принадлежит к числу нестандартных концепций, трудных для восприятия в силу нетрадиционности методологии и специфичности понятийного аппарата. Ее основные понятия трактуются различными учеными по-разному. Так, например, существуют разногласия в определении центрального понятия теории - "права собственности", предлагаются различные трактовки категорий "транзакционные издержки" и "внешние эффекты" ("экстерналии")²⁰. Главные положения теории изложены Р.Коузом в двух статьях, одна из которых - "Природа фирмы", была опубликована в 1937, а другая - "Проблема социальных издержек" - в 1961 г. Статьи Р.Коуза невелики по объему, содержащиеся в них выводы не всегда аргументируются обстоятельно, что позволяет по-разному интерпретировать их. Недостаточно стройная логическая структура концепции Р.Коуза также предоставляет возможности для различных толкований взглядов ученого.

Теория прав собственности, сама по себе трудная для понимания и допускающая различные интерпретации, становится еще более сложной в ее китайском изложении. Прежде всего необходимо отметить, что при переводе на китайский язык увеличивается число возможных вариантов прочтения достаточно простых текстов. Это частично связано с общей проблемой неопределенности перевода, возникающей при воспроизведении на переводящем языке сообщений исходного языка. Анализируя китайский вариант теории прав собственности, необходимо также иметь в виду особенности перевода категориального аппарата, используемого Р.Коузом и неинституционалистами. Так, например, для перевода термина "институт" использован термин "чжиду", который в китайском языке имеет и другое устоявшееся значение - "строй". Заслуживает специального рассмотрения и вопрос о переводе на китайский язык ключевого понятия концепции Р.Коуза "права собственности". На протяжении последнего десятилетия китайская экономическая наука широко использовала термин "право собственности" ("союцюань"), отличающийся по значению от "прав собственности" в концепции Р.Коуза. В качестве примера такого употребления можно, в частности, привести использование термина "право собственности" ("союцюань") в контексте "теории разделения права собственности и права хозяйствования", получившей распространение в КНР во второй половине 80-х годов. (Попутно следует отметить, что существующее в русском языке различие между единственным и множественным числом - в данном случае между правом собственности и правами собственности - при переводе на китайский исчезает в связи с отсутствием категории числа в китайском языке). Для того чтобы разграничить эти различные понятия, в качестве эквивалента "прав собственности" было взято слово "чаньцюань". Некоторые экономисты в своих работах специально останавливались на проблеме различий между двумя терминами - "союцюань" и "чаньцюань" - и приводили конкретные примеры, иллюстрирующие эти различия. Как указывал Дуань Ицай, понятие "союцюань" означает, что собственник имущества имеет

право распоряжаться этим имуществом, а понятие "чаньцюань" применяется для того, чтобы показать, имеет ли право собственник имущества использовать свое имущество для нанесения ущерба правам других. Свою мысль Дуань Ицай пояснил условным примером: в случае, если на участок, принадлежащий собственнику земли, залетела утка соседа, он не имеет права выстрелить в нее из ружья, собственником которого он также является, поскольку в данной ситуации вопрос выходит за рамки "союцюань" и возникает проблема "чаньцюань"²¹. Другими словами, как подчеркивал Дуань Ицай, под "правами собственности" ("чаньцюань") имеются в виду не законные права, которые имеет собственник, а права, санкционированные обществом, нормы поведения людей по поводу благ. Вывод о принципиальном различии между понятиями "союцюань" и "чаньцюань" содержался также в монографии Лю Вэя и Пин Синьцюа. По мнению этих ученых, если при использовании термина "союцюань" внимание акцентируется на принадлежности имущества собственнику, то при применении термина "чаньцюань" речь идет прежде всего об уяснении границ прав собственности в процессе сделки²².

Замечания терминологического характера представляются необходимыми для того, чтобы показать трудности, возникающие при работе с китайскими экономическими текстами. В одном случае имеется возможность различных вариантов их перевода на русский язык. Так, например, когда китайские авторы предлагали искать объяснение проблем китайской экономики в "чжиду"²³, для нас остается неясным, что они имели в виду: изменение существующих институтов, или же смену строя. В другом случае в результате перевода работ китайских авторов на русский язык утрачивается связь их концепций с теорией прав собственности. Так, стремление "развести" при переводе на русский язык термины "союцюань" и "чаньцюань" приводит к тому, что некоторые отечественные исследователи в качестве эквивалента "чаньцюань" используют термин "имущественные права", не связанный с западной теорией прав собственности.

Возвращаясь к вопросу о смысловых трансформациях в китайском изложении теории прав собственности, следует также обратить внимание на попытки китайских ученых придать теории прав собственности не-свойственную ей стройность, и представить ее в систематизированной форме. Таким образом, теория прав собственности Р.Коуза, и особенно ее "китайский вариант", предоставляют широкие возможности для различных интерпретаций взглядов ее создателя. На это обстоятельство необходимо обратить особое внимание перед тем, как перейти к анализу материалов дискуссий, развернувшихся в КНР вокруг теории прав собственности, поскольку, как свидетельствуют эти материалы, предметом обсуждения китайских экономистов нередко являлись интерпретации тех или иных положений теории прав собственности.

В процессе изучения теории прав собственности можно выделить несколько этапов. Важно отметить, что на каждом из них оценка идей Р.Коуза была неразрывно связана с ходом реформы и с политической ситуацией в стране.

На начальном этапе (1987-1988) главное внимание было уделено изложению и разъяснению основных положений концепции Р.Коуза. Ученые КНР знакомили научную общественность с тем, как возникла теория прав собственности и какую эволюцию она претерпела²⁴. Ключевые статьи Р.Коуза "Природа фирмы" и "Проблема социальных издержек" оценивались в Китае как "классические произведения", которые пользуются большой популярностью за рубежом, относятся к числу наиболее цитируемых и обязательны для изучения на экономических факультетах многих университетов США²⁵.

При изложении концепции Р.Коуза китайские исследователи уделяли особое внимание содержанию категории "транзакционные издержки", которую они считали "основой современной теории прав собственности", и "теоремы Коуза" - ее "ядра"²⁶. Анализируя различные определения "транзакционных издержек", имеющиеся в литературе, китайские авторы раскрывали значение "транзакционных издержек" как центральной объясняющей категории теории прав собственности, позволяющей понять причины существования противоположных рынку иерархических структур - фирм. Важнейшей новацией Р.Коуза китайские ученые считали его тезис о нереалистичности предположения о нулевых транзакционных издержках, а также введение в научный оборот идеи положительных транзакционных издержек.

Особый интерес в Китае был проявлен к "теореме Коуза". Поскольку идеи, высказанные Р.Коузом в его статьях, были впоследствии обобщены его учениками, которые по-разному формулировали и интерпретировали "теорему Коуза", китайские экономисты собрали и прокомментировали ее различные формулировки и исследовали контекст, в котором Р.Коуз приводил ее развернутые доказательства. Они обстоятельно излагали условные примеры, иллюстрирующие, как без вмешательства государства путем заключения соглашения может быть решен конфликт прав собственности между хозяевами расположенных по соседству земледельческой фирмы и скотоводческого ранчо, и доказывающие независимость оптимальной структуры производства от распределения прав собственности (в данном случае от того, обладает ли фермер правами собственности на взыскание убытков с хозяина ранчо за использование его полей или же хозяин ранчо имеет право на выпас скота на полях фермера). Одним из условий теоремы являлось предположение о нулевых транзакционных издержках. Когда транзакционные издержки положительны, отношения собственности начинают влиять на процесс производства и размещение ресурсов. Поскольку, как показал Р.Коуз, издержки транзакции никогда не бывают нулевыми, в реальном мире эффективное размещение ресурсов и отношения собственности всегда взаимосвязаны. Этот вывод Р.Коуза представлялся китайским экономистам крайне важным и "дающим богатую пищу для размышлений"²⁷.

На основании материалов, опубликованных в КНР во второй половине 80-х годов, можно заключить, что китайские экономисты имели достаточно полное представление об экономических воззрениях Р.Коуза. В ходе дискуссии было высказано предположение, что "концепция профессора Коуза может получить в Китае более широкое распространение и более эффективное применение, чем на Западе"²⁸. Китайские экономисты подчеркивали, что теория Р.Коуза, основанная на анализе частной собственности, неприемлема для Китая, поскольку задача китайской реформы состоит в укреплении общественной собственности. Вместе с тем исследователи признавали, что многие положения теории в условиях китайской реформы приобретали особую актуальность. Так, например, по мнению Лю Вэя и Пин Синьцяо, теория прав собственности давала возможность глубже понять, что перестройка отношений собственности - центральное звено всей экономической реформы, что "разделение права собственности и права хозяйствования" не позволяет сделать предприятия ответственными за убытки, возложить на них предпринимательский риск, т.е. коренным образом решить проблему их самостоятельности. При разработке мероприятий реформы (в частности, при определении оптимальных масштабов предприятий) китайские экономисты предлагали учитывать вывод Р.Коуза о необходимости минимизации транзакционных издержек²⁹. Однако, как справедливо указывали китайские исследователи, ценность концепции Р.Коуза заключалась не в ее

"утилитарности", "практической выгоде"³⁰, а в новом взгляде на экономическую реальность.

Как свидетельствуют материалы дискуссий, уже на начальном этапе знакомства с теорией прав собственности ученые КНР предприняли попытку применить ее при анализе экономической ситуации в стране. Яркий тому пример - серия статей Хуа Шэна, Чжан Сюэцзюня и Ло Сяопэна "Десять лет китайской реформы: ретроспектива, осмысление и перспектива"³¹. По нашему мнению, теория прав собственности оказала существенное влияние на взгляды этих ученых. Воздействие идей Р.Коуза на китайских экономистов прослеживается уже в самой постановке проблемы. Исходный момент их построений - положение об отсутствии в социалистической экономике прав собственности в строгом смысле слова, которое объясняется господством общенародной собственности. Согласно точке зрения Хуа Шэна, в экономике, где права собственности существуют лишь номинально, они заменяются другими, имитирующими их правами - должностными. Разработанная Хуа Шэном, Чжан Сюэцзюнем и Ло Сяопэном концепция получила название "теории должностных прав", в чем также прослеживается прямая аналогия с теорией прав собственности. К идеям Р.Коуза китайские ученые обращались и когда анализировали основные особенности "экономики должностных прав". Например, они попытались на китайском материале раскрыть тезис теоретиков прав собственности о том, что иерархическая структура предоставляет широкие возможности для оппортунистического поведения (т.е. поведения, уклоняющегося от условий контракта), и показали, как в условиях "экономики должностных прав" получает широкое распространение такая разновидность оппортунистического поведения, как отлынивание от работы. Влияние концепции Р.Коуза прослеживается и в выводах о причинах неудач, постигших реформы в социалистических странах. По мнению Хуа Шэна, они связаны с противоречиями, возникающими между требованиями нового рыночного механизма и старыми институтами, нуждающимися в преобразовании. Формулируя программу преобразований, китайские ученые также использовали идеи теоретиков прав собственности - выход из тупика, в котором оказались реформы в социалистических странах, они видели в воссоздании индивидуальных прав собственности.

В работе Хуа Шэна, Чжан Сюэцзюня и Ло Сяопэна идеи теоретиков прав собственности и неинституционализма были использованы для осмысления предварительных итогов экономической реформы в КНР. В поисках ответа на вопрос, была ли правильной стратегия китайской реформы, Хуа Шэн опирался на тезис о двух основных способах изменений институциональной структуры: стихийном, при котором действия части людей естественным путем приводят к урегулированию прежней структуры прав, и сознательном, когда с помощью законов и указов правительства насильственным путем изменяются старые правила и вводятся новые. Хуа Шэн пришел к выводу, что главное преимущество китайской реформы состояло в соединении двух способов преобразований: стихийного и насильственного. Первоначально руководители "сознательно позволяли" или "молча допускали" частичное нарушение прежних норм и правил, создавая таким образом условия для контролируемого использования первого способа, а когда реформа приводила к определенным результатам, правительство с помощью законов и указов изменяло старые нормы и правила и вводило новые³². Такой подход китайских исследователей к вопросу о стратегии экономической реформы в КНР представляется весьма убедительным и позволяет лучше понять причины ее успеха. В целом можно заключить, что китайские ученые проявили глубокое знание западных работ и

умело их использовали, хотя при изложении "теории должностных прав" они практически не ссылались на авторитет Р.Коуза и его последователей.

Начиная со второй половины 80-х годов в китайской литературе проводилась мысль, что проблема прав собственности разрабатывалась в КНР еще до того, как научная общественность страны познакомилась с идеями Р.Коуза. В монографии Лю Вэя и Пин Синьцяо "Три теории реформы экономической системы: теории прав собственности, равновесия и рынка" отмечалось, что этой проблемы касался Лю Шаоци в работах об отношениях собственности в деревне, она поднималась и современными китайскими экономистами (в частности, Линь Цзыли) при исследовании системы подрядной ответственности в сельском хозяйстве; применительно к реформе на предприятиях вопрос о правах собственности был поставлен Цзян Ивэем, выдвинувшим теорию "особого места предприятия", заметный вклад в разработку проблемы внесли Дун Фужэн и Юй Гуанъюань³³. Таким образом, по мнению Лю Вэя и Пин Синьцяо, выход на проблему прав собственности был подготовлен исследованиями китайских экономистов, которые еще в конце 70-х - начале 80-х годов обратили внимание на важность темы и заложили основы для ее углубленного изучения.

Следует также отметить, что уже в этот период начало формироваться критическое отношение к отдельным утверждениям Р.Коуза, однако замечания были вполне обоснованными и корректными.

События мая - июня 1989 г. положили начало новому этапу дискуссий о теории прав собственности. Особенности обсуждения идей Р.Коуза в этот период могут быть поняты лишь в контексте общей ситуации, сложившейся в КНР после июньских событий. После кризиса весны-лета 1989 г. политика руководства КНР стала оказывать определяющее воздействие на ход экономических дискуссий. В печати развернулась кампания борьбы с "буржуазной либерализацией". Проблема приватизации, которая активно обсуждалась до июньских событий, стала запретной темой, ее пропаганда была названа главным проявлением буржуазной либерализации в экономической сфере. В этих условиях характер и содержание дискуссий о теории прав собственности изменились. Одни ученые обратились к сложной и доступной лишь узкому кругу специалистов терминологии, чтобы выразить идеи, которые в новой политической ситуации не могли быть высказаны открыто. Другие выступили с критикой теории прав собственности, отождествляя предложения использовать концепцию Р.Коуза в ходе реформы в КНР с пропагандой частной собственности. В некоторых публикациях "теорема Коуза" была названа "теоретическим обоснованием приватизации"³⁴. Споры вокруг теории прав собственности вышли за рамки научных дискуссий, на нее стали ссылаться для аргументации своих взглядов не только ученые, но и политики.

Основное внимание участники дискуссий уделяли обсуждению "теоремы Коуза". На первый план выдвинулся вопрос о "провалах рынка", к числу которых относилась ситуация с внешними, или экстермальными, эффектами экономической деятельности. Ученых КНР особенно интересовала проблема, является ли необходимым вмешательство государства с целью корректировки рыночного процесса или же рынок может сам справиться с экстерналиями и обеспечить эффективное размещение ресурсов. В литературе подробно излагались полярные позиции по данному вопросу А.Пигу и Р.Коуза. Согласно пигувианской традиции, стандартным предписанием в экстернальной ситуации было вмешательство государства и введение им специального налога на тех, кто порождает внешние эффекты, а Р.Коуз утверждал, что рынок способен сам устранить внешние эффекты без вмешательства государства. Эта позиция ученого нашла отражение в сформулированной им теореме, получившей

название "теоремы Коуза". Из "теоремы Коуза" следовало несколько важных выводов: о необходимости спецификации прав собственности до такой степени, чтобы все результаты деятельности каждого агента касались бы только его, о недостаточном развитии частной собственности как главной причине внешних эффектов, о возможности успешного решения общих задач на уровне частных инициатив. Все эти идеи были изложены в завуалированной форме, поскольку не соответствовали официальным установкам руководства КНР. Воспроизводя полемику между Р.Коузом и А.Пигу и излагая аргументы Р.Коуза в пользу развития рынка и частной собственности, китайские ученые по существу продолжали обсуждение вопросов, поднятых в ходе экономических дискуссий конца 1988 - начала 1989 годов: следует дальше идти по пути развития рынка или же необходимо усилить государственное вмешательство в экономку, возможно ли реформировать общественную собственность или же надо от нее отказаться. Ссылаясь на "теорему Коуза", экономисты обосновывали необходимость расширения рыночных отношений и перехода к частной собственности. Другими словами, интерпретация теории прав собственности позволила им пропагандировать идеи приватизации, "запрещенные" после июньских событий.

Среди материалов о теории прав собственности, опубликованных в КНР в 1989-1990 годах, подавляющее большинство составляют критические статьи. Достаточно полное представление об их характере дает статья профессора Народного университета Китая Гао Хунъе "Теорема Коуза и реформа собственности в нашей стране"³⁵, которую его оппоненты называли "классическим образцом" критического выступления против теории Р.Коуза³⁶.

Проанализировав зарубежную критику концепции Р.Коуза, Гао Хунъе заключил, что "на Западе правильность и практическая ценность теоремы Коуза подвергаются сомнениям", что "многие западные ученые считают теорему Коуза ошибочной или тавтологической, а ее практическое значение небольшим"³⁷. Исходя из противоречивых оценок теоремы, Гао Хунъе сделал вывод о невозможности использовать ее в качестве теоретической основы реформы собственности в Китае. Главная же причина ее непригодности для Китая виделась Гао Хунъе в том, что "в теореме Коуза совсем не остается места для общественной собственности"³⁸. По словам Гао Хунъе, ее использование "будет равносильно полному отказу от общественной собственности и установлению системы частной собственности"³⁹.

Критика идей Р.Коуза получила дальнейшее развитие в статье Ху Дайгуана, где осуждалась позиция китайских ученых, "находившихся под воздействием теоремы Коуза"⁴⁰. Как считал Ху Дайгуан, если теория прав собственности будет направлять реформы собственности в КНР, "без слов понятно, по какому пути пойдет китайская экономическая реформа"⁴¹. Тезис о том, что в условиях общенародной собственности права собственности неясны, он признавал ошибочным, аргументируя свою позицию ссылкой на "Закон КНР о промышленном предприятии общенародной собственности". По словам Ху Дайгуана, те, кто утверждает, что права собственности на государственных предприятиях в Китае неясны, "за деревьями не видят леса, игнорируют специфику страны"⁴².

Вывод о неприменимости к китайским условиям концепции Р.Коуза содержался также в статье Тан Фэнни, который отмечал, что западная теория прав собственности не является "чудодейственным средством"⁴³. Однако необходимо отметить, что и сам Р.Коуз в предисловии к китайскому изданию сборника "Фирма, рынок и право" специально обращал внимание на то, что он исследовал институциональную структуру таких стран, как Англия и США, которая принципиально отлична от институциональной структуры КНР, и

предлагал "крайне осторожно и осмотрительно" относиться к использованию в Китае его идей⁴⁴.

В статье Жун Чжаоцзы "Теорема Коуза" и две экономические системы" теория прав собственности используется для обоснования официальных установок руководства КНР⁴⁵. Как отмечалось выше, в работе "Природа фирмы" Р.Коуз задавался вопросом, почему экономика не может существовать в виде "сплошного" рынка и часть экономической деятельности протекает внутри противоположных рынку иерархических структур. Считая такую постановку вопроса вполне логичной для "классического западного экономиста"⁴⁶, Жун Чжаоцзы как ученый, работающий в условиях социализма, предлагал подойти к проблеме с противоположной стороны и попытаться ответить, почему экономика не может существовать в виде единой иерархической структуры - "одной большой компании". На основании концепции трансакционных издержек он заключал, что в экономической системе современного Китая должны сосуществовать иерархические структуры и рынок, сочетаться плановый и рыночный механизмы. В то же время Жун Чжаоцзы отмечал, что наметившаяся в ходе реформы тенденция к вытеснению иерархических структур рынком не может привести к конвергенции двух общественных систем, поскольку первоначальное распределение прав собственности (т.е. господство частной собственности при капитализме и общественной при социализме) установило для каждой экономической системы строгие рамки, в которых может проходить урегулирование прав собственности. На наш взгляд, представляет интерес оценка Жун Чжаоцзы своей статьи: "Неважно, согласен Коуз или нет, это исследование несомненно имеет глубокую логическую связь с анализом, проведенным Коузом"⁴⁷.

В период после июньских событий китайские авторы в значительно меньшей степени, чем на начальном этапе дискуссий, интересовались работами самого Р.Коуза, его идеи использовались как аргумент при обсуждении вопроса о путях и методах реформы в КНР. В дискуссиях, развернувшихся вокруг концепции Р.Коуза, были ярко выражены политические мотивы, основные положения теории прав собственности истолковывались с учетом потребностей внутривнутриполитической борьбы.

Начиная со второй половины 1991 г. в обсуждении теории прав собственности намечались новые тенденции. Были поставлены под сомнение критические замечания в адрес концепции Р.Коуза, высказанные в предшествующий период. Так, например, в статье Чэнь Юя вновь ставился вопрос о "квинтэссенции" идей Р.Коуза и содержании "теоремы Коуза", в изложении ее автора. Выступив с "критикой критических замечаний", направленных против концепции (в частности, Гао Хунье), Чэнь Юй обращал внимание на неправомерность предъявляемых "теореме Коуза" обвинений в нереалистичности. Отождествление "мира нулевых трансакционных издержек" с "миром Коуза" Чэнь Юй считал глубоко ошибочным. С его точки зрения, поскольку именно Р.Коуз первым обратил внимание на существование трансакционных издержек, мир нулевых трансакционных издержек был скорее "миром пугу" или "миром не-Коуза"⁴⁸. Чэнь Юй заключал, что большая часть критических замечаний "безосновательна, малозначительна или не имеет отношения к делу" и что многие положения концепции понимались в Китае ошибочно⁴⁹.

В 1992-1993 годах китайские экономисты вновь стали уделять особое внимание разъяснению ключевых понятий теории прав собственности⁵⁰. Основные положения теории не копировались ими слепо, а глубоко прорабатывались и критически осмысливались.

На новом этапе обсуждения ученые КНР обратились к идеям теоретиков прав собственности для того, чтобы дать новую интерпретацию известных фактов экономической истории Китая в категориях теории прав собственности и транзакционных издержек. Возникновению интереса к данной проблематике способствовало изучение трудов Д.Норта - лауреата Нобелевской премии по экономике за 1993 г. - об институциональной эволюции общества, которые в начале 90-х годов были переведены на китайский язык⁵¹. Ученым КНР представлялся исключительно плодотворным подход теоретиков прав собственности, объяснявших эволюцию институтов исходя из принципов транзакционной экономики. Они видели заслугу теоретиков прав собственности в выявлении связи между институциональной структурой общества и проблемой транзакционных издержек, считали крайне важным вывод о том, что главной функцией институтов является экономия транзакционных издержек. Была воспринята идея о двух типах издержек - связанных с функционированием уже действующих институтов и затрат, необходимых для преобразования сложившейся институциональной структуры, проявлен интерес к положению о том, что попытки изменения институциональной структуры будут предприниматься только в случае, если ожидаемые выгоды превышают ожидаемые издержки. Наибольшее внимание в Китае привлек тезис о том, что преобразование институциональной структуры общества происходит в соответствии с принципом минимизации транзакционных издержек при замене институтов. По мнению китайских экономистов, такая постановка вопроса имела значительную аналитическую ценность, поскольку позволяла по-новому осмыслить особенности эволюции институциональной структуры Китая.

Учеными КНР был избран один из аспектов проблемы институциональной эволюции китайского общества, который представлялся им особенно важным - влияние неофициальных институтов на экономическую жизнь Китая. По-другому эта тема формулировалась как "Исторические традиции и изменения в экономике". Китайские ученые исходили из деления институтов на официальные, включающие в себя политические нормы и правила, сознательно создаваемые людьми, и неофициальные, состоящие из ценностных убеждений, этических норм, моральных представлений, обычаев, идеологии. Задача, которую они ставили перед собой, заключалась в том, чтобы показать особую роль неофициальных институтов в эволюции китайского общества. Ученые КНР стремились на китайском материале доказать тезис о том, что успех в обновлении институтов достигался прежде всего в случае, если при определении целей преобразований в полной мере учитывались особенности институционального наследия. Они утверждали, что в условиях, когда новые институты были совместимы с культурным наследием, издержки перехода к ним значительно снижались. Свою позицию китайские экономисты иллюстрировали с помощью конкретных примеров. Ссылаясь на наличие общих моментов между конфуцианством и марксизмом, они доказывали, что марксизм был такой философией, которая могла "с наименьшими транзакционными издержками" заменить конфуцианство. Указывая на традиции централизации, присущие восточным обществам, и недостаточно развитые представления об индивидуальных правах собственности, ученые КНР объясняли тот факт, что в Китае были легко восприняты идеи централизованной плановой экономики, основанной на общественной собственности. Объясняя, почему в Китае предпочтение было отдано "советской модели", они ссылались на вывод теоретиков прав собственности о том, что заимствование готовых институтов требует меньших издержек, чем создание новых⁵².

Анализируя мероприятия китайской реформы, ученые КНР также рассматривали их с точки зрения учета традиционного наследия. По их мнению,

именно использование форм производства и хозяйствования, базировавшихся на семейном труде, позволило Китаю добиться успехов в результате введения семейного подряда. Серьезное внимание уделялось вопросу об особом "разумном" индивидуализме китайского типа, который дал стимул обновлению институтов и послужил социально-психологической основой для нарушения устоявшихся общественных норм на начальном этапе реформы (в частности, при переходе к системе подрядной ответственности в деревне)⁵³.

Как отмечали китайские исследователи, роль традиции в процессе эволюции институтов была двоякой. С одной стороны, она создавала благоприятную почву для институциональных изменений и позволяла уменьшить издержки перехода к новым институтам. С другой стороны, складывавшиеся в течение тысячелетий неофициальные нормы и правила серьезно затрудняли обновление официальных институтов. "Институциональные привычки прошлого"⁵⁴, препятствующие развитию экономики, также анализировались учеными, однако их исследованию уделялось значительно меньше внимания, поскольку изучение неофициальных институтов, способствующих развитию, представлялось им более важным.

Таким образом, на новом этапе дискуссий ученые КНР стали обращаться к идеям, выдвинутым теоретиками прав собственности, для обоснования тезиса о необходимости учета традиций и их умелого использования в ходе реформы. Воспроизводя их рассуждения о роли традиций в процессе институциональной эволюции общества, китайские ученые также доказывали, что специфика экономического развития Китая и обусловлена влиянием тысячелетней культуры.

Идеи обновления институтов, развитые теоретиками прав собственности, нашли отражение и в материалах дискуссий о темпах хозяйственной реформы в КНР конца 1992 - начала 1993 гг. Одни ученые исходили из положения Д.Норта о том, что обновлению официальных институтов должно предшествовать изменение неофициальных норм и правил и отстаивали тезис о невозможности завершить переход к рынку в короткие сроки. Другие (например, У Цзинлянь) утверждали, что подобный подход нельзя считать в полной мере применимым к китайской ситуации, поскольку при такой постановке вопроса принимается во внимание только опыт плановой системы, который является опытом одного поколения, и не учитываются традиции рыночного хозяйства, имеющие в Китае глубокие корни. Ссылаясь на особые способности китайской нации к ведению торговли, У Цзинлянь заключал, что переход к рынку может быть ускорен⁵⁵.

Продолжая использовать теорию прав собственности для осмысления предварительных итогов реформы в КНР, ученые обращались к новым направлениям экономической мысли, возникшим на основе идей Р.Коуза. В частности, Фань Ган в статье "Общественный выбор и процесс реформы. Сравнительное исследование различных путей реформы" использовал модель "парадокса голосования", выдвинутую в рамках теории общественного выбора, чтобы объяснить, почему некоторыми странами была избрана стратегия радикальных реформ, а не путь постепенных преобразований⁵⁶.

Фань Ган выделил в обществе три группы людей (А, В и С), каждая из которых имеет особые экономические интересы, и предположил, что общество имеет возможность выбирать из трех альтернативных вариантов: X - не реформировать прежнюю экономическую систему, Y - реформировать ее постепенно и Z - реформировать в короткие сроки. Каждая группа людей могла расположить эти три варианта в таком порядке, который соответствовал ее предпочтениям, после чего, используя процедуру голосования, предлагалось перейти к определению шкалы предпочтений в обществе. Результаты трех

гипотетических выборов были представлены Фань Ганом в виде следующей таблицы:

	1-й выбор	2-й выбор	3-й выбор
A	не реформировать (X)	реформировать постепенно (Y)	реформировать быстро (Z)
B	реформировать постепенно (Y)	реформировать быстро (Z)	не реформировать (X)
C	реформировать быстро (Z)	не реформировать (X)	реформировать постепенно (Y)

Как указывал Фань Ган, в случае, если три предложения будут поставлены на голосование одновременно, можно ожидать, что каждая группа будет голосовать за свое предложение и ни одно из них не получит большинства голосов, поэтому избирается иная процедура определения предпочтений и принимается решение о двух турах голосования: сначала голосуются два предложения, а потом третье и предложение победителя. В результате такой процедуры может быть сделан выбор, не отражающий основных предпочтений в обществе, и возникает ситуация, получившая название "парадокса голосования".

По мнению Фань Гана, на начальном этапе реформы общество сначала должно сделать выбор между двумя вариантами: не реформировать прежнюю систему (X) или реформировать ее постепенно (Y). В случае, если побеждает вариант X, т.е. принимается решение о том, чтобы отложить проведение реформы, во "втором туре" проводится "голосование" по двум предложениям: не реформировать прежнюю систему (X) и реформировать ее быстро (Z). Если к моменту "второго тура" голосования необходимость реформы уже становится очевидной, предпочтение отдается варианту Z, т.е. принимается решение с быстрым реформированием прежней системы. Именно таким образом складывалась ситуация в бывшем Советском Союзе и в странах Восточной Европы, где на протяжении долгого времени проведение реформы откладывалось, т.е. отдавалось предпочтение варианту X, а в 80-е годы, когда путь постепенной реформы стал уже невозможным, была избрана стратегия радикальных преобразований (вариант Z).

Главную задачу реформаторов Фань Ган видел в том, чтобы "не упустить благоприятный момент для проведения реформы"⁵⁷, поскольку, если возможности для постепенных преобразований не будут своевременно использованы, в новых исторических условиях останется лишь путь радикальных реформ. Фань Ган не был согласен с оценками ученых, объяснявших и выбор модели радикальных преобразований "отсутствием рационального подхода в обществе"⁵⁸. С его точки зрения, выбор каждого из членов общества был рациональным, нерациональность возникла в процессе реформы и была связана с процедурой определения предпочтений, в ходе которой могла возникнуть ситуация, сходная по сути с "парадоксом голосования".

Хотя Фань Ган прямо не ссылался на китайский опыт, однако очевидно, что, когда ученый писал о стратегии постепенных реформ и противопоставлял ее опыту преобразований в бывшем Советском Союзе и странах Восточной Европы, он имел в виду экономические реформы в КНР. На наш взгляд, предложенный Фань Ганом вариант объяснения процессов, происходивших в социалистических странах, представляется весьма интересным и позволяет глубже понять специфику китайского пути развития.

Теория прав собственности была также использована для объяснения успеха китайской реформы в статье Цянь Инъи (Стэнфордский университет) и Сюй Чэнгана (Лондонский экономический институт) "Почему китайская экономическая реформа отличается от реформ в других странах. Многоуровневая иерархическая структура типа М и развитие негосударственного сектора", перепечатанной журналом "Цзинци шэхуй тичжи бицзяо"⁵⁹. Чтобы показать отличие китайской реформы от преобразований в других социалистических странах, ученые обратились к теории экономических организаций - одному из направлений, разработанных последователями Р.Коуза.

Цянь Инъи и Сюй Чэнган основывались на делении иерархических структур на два типа - U и M, предложенном О.Уильямсоном. В отличие от О.Уильямсона, который применял эти понятия для характеристики отдельных фирм, Цянь Инъи и Сюй Чэнган использовали их при описании экономики в целом. Под структурой типа U имелась в виду высокоцентрализованная вертикальная иерархическая структура, построенная в соответствии с принципом отраслевого управления (тяотяо). Именно такая структура сложилась в бывшем Советском Союзе и странах Восточной Европы. Для социально-экономической системы как традиционного, так и современного Китая была характерна другая структура. В ее основе лежал принцип территориального управления (куайкуай), а ее главная особенность заключалась в высокой степени автономности местных правительств. Ученые отмечали, что еще в дореформенный период в Китае сложилась ситуация, при которой местные правительства, не имевшие возможности "торговаться" с центром, были вынуждены делать ставку на развитие негосударственных секторов экономики, чтобы обеспечить удовлетворение потребностей на местах. В период реформы эта тенденция стала прослеживаться особенно четко, негосударственные секторы экономики не только получили дальнейшее развитие, но и сыграли решающую роль в переходе китайской экономики к рынку. Таким образом, согласно концепции Цянь Инъи и Сюй Чэнгана, именно особая структура экономики КНР (иерархическая структура типа M) создала условия для эволюционного развития негосударственных секторов и позволила избежать крупных потрясений при движении к рынку.

Цянь Инъи и Сюй Чэнган провели сравнительный анализ двух типов структуры (U и M). Их различие заключалось прежде всего в масштабах производства и степени специализации экономики, которые в условиях структуры типа M были значительно меньшими, чем при структуре типа U. В области обеспечения информацией структура типа U также обладала сравнительными преимуществами. Вместе с тем структура типа M создавала благоприятные условия для проведения экспериментов в то время, как в условиях структуры типа U возможности экспериментирования были ограничены. Хотя в бывшем Советском Союзе и странах Восточной Европы также проводились эксперименты, однако при господстве структуры типа U, для которой характерна высокая степень зависимости различных районов друг от друга, шансы на успех регионального эксперимента были небольшими, а распространение эксперимента на другие районы сопряжено с серьезными трудностями. В случае же, если эксперимент оказывался неудачным, это могло

негативно повлиять на экономику всей страны. При структуре типа М таких проблем не возникало, издержки региональных экспериментов оказывались сравнительно низкими, а неудача эксперимента не могла привести к хаосу в масштабах экономики страны.

Проследив связь структуры типа М с развитием негосударственных отраслей, Цянь Инъи и Сюй Чэнган отмечали, что именно эта структура послужила "непосредственной причиной" быстрого роста негосударственного сектора в ходе реформы⁶⁰. При структуре типа М в подъеме негосударственного сектора были прямо заинтересованы местные руководители, которые не могли рассчитывать на помощь со стороны государства при решении своих проблем. Поскольку в условиях структуры типа М местные власти не имели возможности оказывать финансовую поддержку негосударственным предприятиям, их бюджетное ограничение было жестким, что положительно влияло на эффективность негосударственных секторов. Наличие горизонтальных хозяйственных связей между районами в рамках структуры типа М также способствовало развитию негосударственного сектора и укреплению его конкурентоспособности. Имело значение и то обстоятельство, что структура типа М создавала возможности для предпринимательства: в условиях, когда у местных руководителей было мало шансов подняться вверх по служебной лестнице, они сосредоточивали усилия на занятиях торговлей и предпринимательством. В целом структура типа М давала мощный стимул развитию негосударственного сектора, что способствовало движению к рынку всей китайской экономики.

По мнению ученых, концепция двух типов иерархических структур позволяла также понять причины успеха таких направлений экономической реформы в КНР, как преобразование в деревне, перестройка системы цен, открытая экономическая политика. Так, например, структура типа М значительно облегчила введение системы двухколейных цен, которая фактически существовала в Китае и ранее, а в 80-е годы была лишь легализована. Ее существование позволяло объяснить прогресс Китая в создании особых экономических зон, в которых проводился эксперимент по использованию иностранного капитала.

Таким образом, предложенное О.Уильямсоном деление иерархических структур на два типа U и M было использовано Цянь Инъи и Сюй Чэнганом для того, чтобы, ссылаясь на особый тип китайской экономики, показать, в чем заключалась специфика перехода Китая к рынку.

Обращение к теории прав собственности для обоснования особого пути китайской реформы - отличительная черта третьего этапа изучения взглядов Р.Коуза и его последователей. Критически осмысливая опыт китайской реформы в категориях теории прав собственности, ученые акцентировали внимание на положительных результатах хозяйственных преобразований и предлагали использовать рациональные элементы собственного опыта на последующих этапах перехода к рынку. Круг работ, к которым обращались экономисты, заметно расширился: наряду со статьями Р.Коуза стали привлекаться труды О.Уильямсона, Д.Норта, Дж.Бьюкенена. Интерес к теории был вызван не только политическими соображениями, как в период после июньских событий июня 1989 г. Теория прав собственности по-прежнему оказывала ощутимое влияние на развитие китайской экономической мысли. Однако на новом этапе дискуссий исследователи часто не упоминали о ней, поскольку многие положения теории уже адаптировались на китайской почве и органично вписались в концепции ученых КНР. Знакомство с теорией прав собственности имело существенное значение для развития китайской экономической науки. Идеи Р.Коуза дали возможность значительно обновить ее аналитический арсенал, позволили глубже

разобраться в сложных процессах, происходящих в экономике. Основные положения теории прав собственности были восприняты учеными КНР и переработаны применительно к китайской действительности. Об их глубоком воздействии на китайскую экономическую мысль свидетельствуют не только использование методологии, созданной Р.Коузом и его последователями, но и освоение новой терминологии. Такие категории, как "спецификация прав собственности", "трансакционные издержки", "экстерналии", "оппортунистическое поведение", введенные в научный оборот теоретиками прав собственности, стали составной частью категориального аппарата китайской экономической науки.

1. Капелюшников Р.И. Экономическая теория прав собственности. (Методология. основные понятия, круг проблем) - М.: АН СССР - ИМЭМО, 1990.
2. См.: Независимая газета. - 1991. - 13 ноября.
3. Коуз Рональд. Фирма, рынок и право (Пер. с англ.). - М.: "Дело ЛТД" при участии изд-ва "Catallaxy", 1993.
4. Кэсы. Цие, шичан юй фалюй - Шанхай саньянь шудянь, 1990.
5. Буканьянь. Цзыю, шичан юй гоцзя - 80 няньдайдэ чжэньчи цзинцзисюэ - Шанхай саньянь шудянь, 1989; Цзинцзи шэхуй тичжи бицзяо. 1990. No 1. С. 33-40.
6. Кэсы. Цие, шичан юй фалюй. - С. 9.
7. Цзинцзи яньцзю. - 1991. - No. 9. - С. 25.
8. Кэсы. Цие, шичан юй фалюй. - С. 8, 14; Цзинцзи яньцзю. - 1989. - No. 1. - С. 4.
9. Кэсы. Цие, шичан юй фалюй. - С. 13.
10. См.: Капелюшников Р.И. Указ. соч. - С. 22.
11. Цит. по: Кэсы. Цие, шичан юй фалюй. - С. 8.
12. Кэсы. Цие, шичан юй фалюй. - С. 6.
13. Цзинцзи яньцзю. - 1992. - No. 8. - С. 74.
14. Кэсы. Цие, шичан юй фалюй. - С. 12.
15. Там же. - С. 13.
16. Там же. - М. 13, 233.
17. Там же. - С. 233.
18. Там же. - С. 3, 13.
19. Там же.
20. См.: Капелюшников Р.И. Указ. соч.. - С. 3-15, 28-32.
21. Цзинцзи яньцзю. - 1992. - N. 8. - С. 72.
22. Лю Вэй, Пин Синьцяо. Цзинцзи тичжи гайгэ сань лунь: чаньцоань лунь, цзюньхэн лунь, шичан лунь. - Гуаньюй шэхуйчжун цзинцзи сысян шидэ сыкао - Бэйцзин дасюэ чубаньшэ. - 1990. - С. 136.
23. Цзинцзи яньцзю. - 1988. - No. 11. - С. 14.
24. Цзинцзи яньцзю. - 1989. - No. 1. - С. 3-7; Лю Вэй, Пин Синьцяо. Цзинцзи тичжи гайгэ сань лунь. - С. 88-93; Цзинцзисюэ вэньчжай. - 1989. - No. 4. - С. 70-71.
25. Кэсы. Цие, шичан юй фалюй. - С. 2.
26. Лю Вэй, Пин Синьцяо. Цзинцзи тичжи гайгэ сань лунь. - С. 93, 99.
27. Там же. - С. 100.
28. Кэсы. Цие, шичан юй фалюй. - С. 14.
29. Цзинцзи яньцзю. - 1989. - No. 1. - С. 10-12.
30. Там же. - 1991. - No. 9. С. 29.
31. Там же. - 1988. - No. 9. - С.13-37; No. 11. - С. 11-30; No 12. - С. 10-29.
32. Там же. - No. 11. - С. 11-12.
33. Лю Вэй, Пин Синьцяо. Цзинцзи тичжи гайгэ сань лунь. - С. 111-145.
34. Кэсы. Цие, шичан юй фалюй. - С. 14.
35. Цзинцзи яньцзю. - 1991. - No 3. - С. 38-43, 51.
36. Там же. - 1991. - No. 9. - С. 23.
37. Там же. - 1991. - No. 3. - С. 42.
38. Там же.
39. Там же.

40. Водэ цзинцзи гуань. Даодай Чжунго бай мин цзинцзисюэцзи цзышу. - Цзянсу жэньминь чубаньшэ. - 1991-1992. - Т. 2. - С. 815.
41. Там же.
42. Там же. - С. 816.
43. Там же. - Т. 1. - С. 462.
44. Кэсы. Цие, шичан юй фалюй. - С. 1.
45. Цзинцзи яньцзю. - 1991. - No. 9. - С. 30-36.
46. Там же. - С. 32.
47. Там же. - С. 36.
48. Там же. - С. 26.
49. Там же. - С. 28.
50. Цзинцзи яньцзю. - 1992. - No. 12. - С. 69-77; N 8. - С. 72-80.
51. Носы. Цзинцзи ши чжунда цзегоу юй бяньцзянь - Шанхай саньянь шудянь. - 1991.
52. Цзинцзи яньцзю. - 1992. - No. 7. - С. 70-75.
53. Там же. - С. 77.
54. Шумпетер.И. Теория экономического развития - М.: Прогресс, 1982. - С. 31.
55. Цзинцзи шэхуй тичжи бицзяо. - 1993. - No. 1. - С. 3.
56. Цзинцзи шэхуй тичжи бицзяо. - 1993. - No. 1. - С. 17-24.
57. Там же. - С. 21.
58. Там же. - С. 24.
59. Там же. - С. 29-40.
60. Там же. - С. 37.

Особый путь экономического развития Китая и его влияние на мировое экономическое развитие

© 1995

Бао Юнцзян

Основное содержание: Развитие Китая на протяжении 30 лет до реформы дает богатый материал для исторического переосмысления и проведения реформ. С начала реформы в Китае экономическое строительство проводилось с целью повышения комплексной мощи государства, доходов населения и качества жизни. Для достижения указанных целей было необходимо сформировать рыночный механизм и создать систему социалистической рыночной экономики. Для этого были предприняты следующие меры: 1) укрепление положения сельского хозяйства как основы; 2) одновременное развитие индустриализации в городе и в деревне; 3) сочетание концентрированной урбанизации в крупных и средних городах и рассредоточенной урбанизации в малых городах (и поселках); 4) поступательное развитие и продвижение региональной экономики; 5) одновременное развитие различных форм собственности с общественной собственностью как главной; 6) продвижение реформ в центре и на местах, сочетая интересы и сглаживание трудностей переходного периода; 7) формирование механизма стимулирования интересов путем создания многообразных форм распределения, среди которых распределение по труду с учетом эффективности и прилежания является главной формой; 8) открытие страны для внешнего мира, развитие торгово-экономического сотрудничества и переход к интеграции в мировую экономику. При проведении этого курса Китай ведет свои дела с учетом реальной обстановки, всякий раз выделяя основные проблемы.

Особый путь экономического развития Китая в интересах мира во всем мире, развития и формирования нового порядка, чтобы Китаю было легче налаживать экономическую кооперацию и партнерские связи со странами с разным уровнем развития в разных областях. Это особенно важно для Китая и России в соответствии с их стратегическими задачами в XXI веке.

I. Историческое переосмысление.

В ходе экономического развития Китая на протяжении 30 лет до начала реформы, хотя были достигнуты большие успехи, но имелось и много недостатков в развитии, экономика страны не могла добиться надлежащих

темпов и уровня развития. Историческое переосмысление приводит нас к следующим урокам:

1) В развивающейся стране с еще невысоким уровнем развития производительных сил не следует слишком рано ликвидировать необобществленные формы собственности, создавать единую форму собственности на средства производства, в противном случае это приведет к созданию "экономики дефицита";

2) Трения и противоречия интересов существуют повсеместно, включая противоречия между центром и местами, регионами и ведомствами, правительством и предприятиями, рабочими и крестьянами и т.д. Во всех правительственных решениях по развитию экономики необходимо обращать внимание на сложившуюся ситуацию распределения интересов и надежные способы регулирования структуры этих интересов, а также на механизм стимулирования этих интересов в целях экономического развития.

3) Неравномерность экономического развития и значительная разница в наличии ресурсов регионов - одна из основных особенностей общего положения в стране. И попытки осуществления одной и той же производственной политики и достижения экономического развития одновременно во всех регионах нереальны.

4) Исторически сформировавшаяся обособленность города и деревни существенно обуславливалась стремление к равномерному экономическому развитию. В такой огромной развивающейся стране, как Китай, где 80% составляет сельское население, где ощущается относительная нехватка пахотных земель на душу населения, экономический рост должен опираться на скоординированное развитие города и деревни. Если идти по пути "городской индустриализации" и концентрированной урбанизации, когда производственное разделение труда идет по схеме "город - промышленность", "село - сельское хозяйство", то трудно осуществлять целостное развитие всего народного хозяйства. Если учесть действие неэкономических факторов, то необходимо на короткое время в какой-то мере пожертвовать развитием деревни ради индустриализации страны и процветания городов, одновременно способствуя процветанию и сельских районов.

5. Развитие экономики и процветание общества должны быть направлены на повышение жизненного уровня народа и улучшение качества жизни; при этом надо придерживаться правила: надо идти по пути "зажиточный народ - сильное государство", в противном случае трудно обеспечить политическую стабильность.

6. Для Китая как развивающейся страны неприемлемо развитие экономики, изолируясь от всех стран. Наоборот, необходимо извлекать пользу из международных связей, включая использование мирной международной обстановки и элементов производительных сил, которые могло бы предоставить мировое сообщество, таких, как капиталы, техника, ресурсы, управление, рынок.

7. Уровень развития производительных сил Китая определяется тем, что он не может перешагнуть через рыночную экономику как этап исторического развития. На этом относительно длинном этапе исторического развития достижение благоприятного распределения ресурсов, увеличения комплексной мощи государства и повышения жизненного уровня народа возможно только при полном использовании рыночных методов, посредством развития товарно-денежных отношений, а не путем отказа от рыночных механизмов.

8. Соответственно, государство не может позволить экономике развиваться стихийно, но не может и накладывать на все экономические связи всеохватывающие централизованные ограничения. Макроуправление как

центрального, так и местных правительств может строиться только на основе законов, имманентных рыночной экономике.

Очевидно, при решении вышеуказанных вопросов необходимо делать добросовестную корректировку и отбор моделей, стратегии, целей и основных мер, использовавшихся в течение 30 лет экономического развития. Высокие темпы роста за последние 15 лет как раз и являются результатом такой корректировки и отбора.

II. Особый путь экономического развития Китая.

За 15 лет реформ в Китае было проведено много значительных корректировок в экономической политике. Например, осуществляемая в сельских районах система подворного подряда заменила директивное планирование сельскохозяйственного производства в ранее существовавших народных коммунах, а система рынков - ранее существовавшую систему централизованного распределения; стала осуществляться политика открытости страны для внешнего мира; крупные и средние государственные предприятия стали внедрять новые механизмы управления; реформирована система капиталовложений, трудовых ресурсов, распределения, социального страхования; в ходе реформы формулируется социалистическая рыночная экономика, основу которой составляет принцип "развитие, реформа и стабильность".

Произошли изменения и в области принятия решений на макроуровне.

При определении целей и путей их осуществления и постепенной интеграции в мирохозяйственные связи в области макроконтроля развития народного хозяйства Китая необходимо исходить из нынешнего состояния экономики страны, опираться на рыночную экономику и развивать ее. Благодаря этому и формируется особый путь экономического развития Китая.

Долгосрочные цели экономического и социального развития, вытекающие из целей построения социализма и коммунизма, не изменились. Однако в нынешней постановке целей развития больше внимания уделено конкретному повышению комплексной мощи государства и жизненного уровня народа, а также поставлены задачи для каждого этапа развития и определены позиции страны по сравнению с мировыми экономическими показателями. Например, Китай наметил цель достичь уровня "малой зажиточности" и конкретных показателей (ВНП на душу населения и производство зерна на душу населения), а также серии показателей, связанных с повышением качества жизни населения. Было также намечено развивать национальную экономику в два этапа и к середине XXI века достичь уровня развитых стран мира. Таким образом, ранее выдвинутые долгосрочные и трудно формулируемые цели стали более конкретными, получили количественное выражение и стали более понятными для народа.

Другой фактор, делающий нынешний этап более значительным и отличающимся от прошедшего, - это развитие, а не насаждение рыночной экономики как путь к достижению цели. Комплексное использование экономических, правовых, общеобразовательных и административных мер не опирается на чисто административные меры макроэкономического контроля государства. Это еще одно важное отличие нынешнего этапа от прошедшего. Использование экономических мер, рыночных механизмов избавляет от слепоты искусственного административного планирования и возникновения серьезных ошибок.

С начала реформы в целях успешного продвижения экономического развития на основе возможностей государства осуществлены следующие меры:

1) Для развертывания реформы были усилены прежде всего позиции сельского хозяйства с тем, чтобы экономическое развитие и политическая стабильность имели солидную материальную основу. За 15 лет Китай, проводя в жизнь систему подворного подряда в деревне, раскрепостил производительные силы сельского хозяйства, тем самым снял напряженность в обеспечении населения зерном и решил проблему дефицита в снабжении продовольственными товарами в городе, то есть решил так называемый вопрос "мешка риса" и "корзины овощей". Важнейшими мерами явились разрешение крестьянам стать независимыми товаропроизводителями, а также возврат им права самостоятельно производить и управлять. В то же время через цены, налоги и развитие волостно-поселковых предприятий и другие меры в известной мере повышена заинтересованность в развитии сельскохозяйственного производства.

2) От ранее существовавшей чистой модели "городской индустриализации" произошел переход к модели развития промышленности, связанной с существованием параллельных систем - "городской индустриализации" и "сельской индустриализации". Главное в этой модели - это развитие пригородных районов, где сливаются город и деревня, где сконцентрирована основная и самая ценная часть волостно-поселковых предприятий Китая, которые опираются на быстрое развитие рыночных механизмов. За несколько лет почти все развитие промышленности китайских городов шло в основном за счет развития волостно-поселковых предприятий. По оценкам, через несколько лет на долю волостно-поселковых предприятий будет приходиться половина валовой промышленной продукции Китая.

3) От ранее существовавшей "концентрированной урбанизации", то есть чистого развития крупных городов, произошел переход к сочетанию концентрированной и рассредоточенной урбанизации. Большая часть малых городов и поселков как основных носителей волостно-поселковых предприятий размещена в большей части сельских районов, особенно в пригородах. Это дало возможность решить проблему миграции сотен миллионов избыточного сельского населения и предотвратить необоснованный приток избыточной рабочей силы в крупные города, создавая там опасность "метрополизации" (или "сверхурбанизации"). Множество малых городов, опираясь на средства крестьян, ослабили остроту нехватки государственных капиталовложений для развития инфраструктуры городов и поселков.

4) Была проведена замена ранее существовавшей стратегии развития одновременно всего народного хозяйства на поэтапное развитие региональной экономики. При необъятных просторах страны их развитие неравномерно, наличие природных ресурсов и преимуществ территорий неодинаковы, существует разрыв и в структуре производства. Все это является основной особенностью страны. Поэтому за счет открытости экономики для внешнего мира и развития рыночной экономики государство добивается полного проявления преимуществ каждого региона. Развитие осуществляется за счет территориального разделения народного хозяйства Китая на несколько экономических регионов, различающихся по характеру и местоположению территории, преимуществам и структуре производства. В соответствии с потребностями внешнего и внутреннего рынка эти экономические регионы используют различные формы экономической кооперации между собой. Внутри каждого региона формируются экономические центры на базе крупных и средних городов, которые вовлекают все большее количество волостей и деревень в качество потенциала городской экономики. Пригородные районы становятся связующим звеном между городом и деревней. Создание сети экономических районов, включающих три звена - город - пригород - село.

привело к тому, что при малых затратах государства были получены большие результаты, постепенно были сформированы три экономических пояса - приморский, приграничный и внутренний, что и позволило ускорить темпы экономического роста.

5) В условиях признания государственной экономики как основной была заменена ранее существовавшая модель единой общественной формы собственности на многоукладную модель экономического развития. Государство стало поощрять активное развитие индивидуального и частного секторов экономики, совместных предприятий, явившихся мощным дополнением общественных форм хозяйствования. Все это сделано в интересах формирования новых производительных сил и нового стимула для экономического роста, улучшения рыночного снабжения и повышения доходов народа, расширения открытости страны внешнему миру, для привлечения зарубежных производственных возможностей.

6) При продвижении реформы в центре и на местах обращалось внимание на регулирование структуры интересов, сглаживание процесса перехода и постепенное продвижение реформы. Реформа - это самосовершенствование экономической системы. Все моменты реформы приводятся в действие в определенное время и в соответствии с требованиями развития производительных сил. Они имеют значение только в определенный период, и их цель - освободить производительные силы. В ходе реформы неизбежно появляются трения и противоречия интересов, поэтому необходимо регулировать права и интересы. При попустительстве и развитии напряженности могут возникнуть социальные потрясения. Китай в ходе углубления реформы проводил активный, но надежный курс. В то время, когда механизм, политика, постановления старой системы уже сковывают развитие производительных сил, необходимо проводить реформы; а когда некоторые мероприятия реформы выполняли свою историческую роль и уже не способствуют развитию производительных сил, то их необходимо совершенствовать или с помощью новых методов продвигать и углублять реформы. Каждое новое мероприятие реформы необходимо проводить с учетом интересов, чтобы все затрагиваемые стороны процесса были в состоянии его выдержать. Если намечается предел возможностей (включая бюджетные возможности правительства, финансовые возможности банков, предприятия в установлении себестоимости и цены, экономические и психологические возможности населения и т.д.), надо использовать комплекс смягчающих мер, чтобы удержаться в пределах этих самых возможностей; в противном случае, хотя мероприятия реформы в принципе правильны, но из-за того, что они не могут быть реализованы, они окажутся несвоевременными. Тому имеется немало примеров. В частности, при внедрении в деревне системы подрядной ответственности (производственная сфера) осуществлялись плановые закупки сельской продукции и одновременно ее свободная реализация (сфера обращения); проводилось освобождение цен, внедрялось свободное обращение и в то же время осуществлялась ценовая дотация потребителям (сфера обращения); реформа системы заработной платы сопровождалась предоставлением дотаций как части заработной платы (сфера распределения). Замена на государственных предприятиях системы отчисления прибыли в бюджет на систему налогов (сфера распределения) сопровождалась переводом предприятий на подряд (сфера управления производством), реформой системы имущественных прав, разделением экономики и политики на предприятия, созданием системы современных предприятий. Далее, осуществлялась система выделения средств в кредит (реформа системы капиталовложений) и внедрялось регулирование нормы прибыли, разделение центральных и коммерческих банков (реформа финансовой системы). Или:

одновременно шло развитие системы найма на предприятиях, системы распределения, создание системы социального обеспечения и регулирование системы подоходного налога с физических лиц. Такая модель реформы, направленная на постепенное продвижение и постепенное сглаживание противоречий, удерживает ее в пределах риска, остающегося в рамках возможностей, создает единство развития, реформы и стабильности.

7) Осуществляется переход от гарантированного уравнительного распределения к системе, в которой учитываются эффективность и прилежание, от единственной системы распределения по труду к многообразным формам распределения при сохранении формы распределения по труду как основной. Препятствуя слишком большому разрыву между наиболее высокими и наиболее низкими доходами, такая система гарантирует непрерывное повышение уровня доходов населения и качество жизни на основе экономического развития. Равенство и эффективность - это проблема, стоящая перед государствами с разными социальными системами и разным уровнем экономического развития. До реформы Китай, исходя из стремления ускорить процесс индустриализации, обеспечивая лишь минимально необходимый доход населению, на протяжении длительного времени проводил политику повышения нормы накопления, сохранения низкого уровня зарплаты и уравнительного распределения. За короткое время была создана целостная промышленная система, однако такое распределение привело к низкой эффективности производства. С начала реформ государство подтвердило руководящую идею "разрешить части людей обогащаться, праведно обогащаться за счет работы в органах управления и на производстве". В деревне в ходе внедрения системы подрядной ответственности и разрешения многообразных форм хозяйствования трудовые доходы части крестьян быстро и значительно выросли. Разрешение многообразных форм хозяйствования в городе и реформа системы распределения на государственных предприятиях привели к постепенному разрыву в доходах городского населения. В то же время государство через систему ставок подоходного налога контролировало тенденцию роста фонда потребления и чрезмерный разрыв в доходах, а также в соответствии с темпами роста прибыли, налогов и производительности труда ограничивало темпы роста заработной платы. Практика свидетельствует, что если нет у народа сбалансированного роста доходов, то невозможен стабильный экономический рост; если нет разрыва в доходах, то невозможно повышение эффективности; если нет макроконтроля со стороны государства, то рост фонда потребления влечет за собой инфляцию, чрезвычайный разрыв в доходах вызывает нестабильность в обществе. Говоря о нынешних доходах в Китае, коэффициент Джини (в городе в пределах 30, в деревне ниже 35), показывающий распределение доходов, вполне рационален.

8) На основе правильной оценки международной обстановки в соответствии с "пятью принципами" мирного сосуществования проводится независимый курс мира и развития, активно развиваются дружественные связи в сфере экономического сотрудничества с целью вовлечения Китая в процесс международной экономической интеграции. Ранее существовавшее стабильное положение сверхдержав сменилось на многообразные международные связи. Хотя не прекратились конфликты и трения в различных регионах мира, время "холодной" войны прошло, видимо, наступил период относительно мирного развития. На основе правильной оценки международной обстановки Китай в ходе развития экономики и проведения реформы решил проводить политику открытости страны для внешнего мира на основе "пяти принципов", курс мира и развития, не принимать участия ни в каких блоках, не вступать в двусторонние отношения, затрагивающие третьи страны, со всеми дружественными странами

развивать отношения экономического сотрудничества, активно сближать экономику страны с мировой экономикой.

Конечно, для претворения в жизнь вышеуказанных перемен осуществляемое государством органическое и комплексное сочетание проводимой политики, принятие законов и постановлений является чрезвычайно сложной конструкцией экономической и социальной системы макроконтроля. По ходу дела, ввиду того, что Китай является крупной развивающейся страной, на определенном этапе из-за того, что меры контроля слишком сильные или слишком слабые, возникают противоречия и проблемы. Например, в последние годы снизился сравнительный интерес к сельскому хозяйству, возник чрезмерный "перегрев" в некоторых отраслях народного хозяйства, определенный рост инфляции, на некоторых государственных предприятиях снизилась эффективность, другие несут убытки. Исходя из реалий, действуя по обстоятельствам, центральные и местные власти делают упор на ключевые моменты и усиливают макроконтроль, способствуя координации и развитию экономики, непрерывно повышают на основе принципов рыночной экономики уровень и возможности макроконтроля, что не позволяет экономике выйти из-под контроля государства.

III. Экономическое развитие Китая и его влияние на мировое развитие.

Китай является развивающимся государством с самым большим по численности населением, поэтому постепенное успешное самостоятельное экономическое строительство и реформы имеют важное значение для всего мира по следующим причинам:

1) Не вступая в союзы в системе международных отношений, проводя политику мирного сосуществования и непрерывно повышая комплексную мощь государства, Китай в условиях развития многополюсного типа международных отношений становится силой мира и развития, что в интересах борьбы против всевозможных форм гегемонизма, против политики с позиции силы, в интересах мира и развития во всем мире и создания нового мирового порядка, в интересах создания новых форм партнерских отношений, равенства, взаимопомощи, сотрудничества и соблюдения взаимных интересов между государствами.

2) Особый путь экономического развития Китая, проанализированный с позиции мировой экономики, свидетельствует о наличии одновременно и отсталости экономики, и высоких темпов развития, и политики открытости для внешнего мира, и неравномерного развития экономики в разных районах, и социальной и политической стабильности, и экономической самостоятельности, и огромных товарных и производственных ресурсов для экспортных поставок, и потребности в импорте. Углубляя анализ сравнения внутренних условий Китая и неравномерности уровня развития и условий развития страны, можно сделать вывод, что в сфере развития производства и размещения производительных сил в Китае ускоренно идут структурные изменения. При этом используются восемь крупных преимуществ: 1) обширная территория и богатые природные ресурсы; 2) дешевые труд и земля; 3) значительные трудовые ресурсы относительно высокой общей культуры и технической подготовки; 4) постоянно улучшающиеся базовые условия, а также инвестиционный климат; 5) громадный спрос рынка на инвестиции и товары, вызываемый экономическим ростом; 6) огромные различия и взаимодополняемость стран с точки зрения их структуры производства, типа государства и уровня развития; 7) в условиях, когда во многих относительно развитых странах идут конфликты между отдельными регионами и национальностями, в Китае их по большому счету нет; 8) стабильность в политике открытости миру и развития как в центре, так и на

местах. В будущем, вплоть до XXI века, не могут произойти изменения в сфере этих преимуществ.

В такой обстановке Китаю будет относительно легко устанавливать связи и партнерские отношения со странами с различным уровнем развития, включая развитые и развивающиеся страны, в различных областях - инвестиции (капитал, техника, оборудование), импорт товаров, экспорт дешевых товаров, разработка природных богатств, услуги, трудовые услуги, обмен опытом и мнениями в области экономических реформ, установление экономического сотрудничества на двусторонней основе на длительный период. Такая обстановка благоприятствует тому, чтобы "создать новый тип партнерских отношений, соответствующий высоким требованиям стратегии XXI века" (слова Цзя Цзэминя). Это относится прежде всего к сопредельным с Китаем странам.

3) С точки зрения высоких требований стратегии XXI века экономическое развитие Китая имеет особое значение для китайско-российских отношений. И дело не только в географической близости наших стран. В своем историческом развитии Китай и Россия прошли аналогичный путь. В экономике обе страны на протяжении длительного времени пытались путем плановой экономики отрицать рыночный механизм, а в настоящее время пытаются развивать рыночную экономику путем реформ, и между ними имеется определенная взаимодополняемость в структуре производства. Можно сказать, хотя у наших стран неодинаков выбор социального строя и путь реформ, в нынешних условиях развития экономики обе страны имеют обширные перспективы сотрудничества. Вматриваясь в будущее, такое экономическое сотрудничество, не связанное с вхождением в какой-либо блок и не затрагивающее интересы третьих стран, будет носить многоярусный, многоотраслевой характер и пройдет через много этапов. Многоярусный характер выражается в связях между странами, между местными властями, между предприятиями, между малыми и средними предприятиями, среди народа между частными лицами (прежде всего в приграничной торговле). В сфере сотрудничества торговля будет включать в себя приграничную, "челночную," крупномасштабные торговые закупки при поддержке государства. В неторговой сфере этот характер будет еще проявляться в производственной (инвестиционной) кооперации, техническом сотрудничестве, сотрудничестве в сфере трудовых услуг и т.д. В начальный период приграничная и частная торговля процветают, но при этом наблюдается анархия и беспорядок. Двигаясь по пути экономического сотрудничества, торгово-экономическое сотрудничество при поддержке центрального и местного правительств будет занимать все более важное место. Например, следует развивать такую новую сферу сотрудничества, как научное сотрудничество с помощью организаторов конференции и возглавляемого автором данной статьи института, использующих в своих странах деловые связи для того, чтобы при поддержке местных правительств развивать торгово-экономические связи.

Роль государства в формировании механизмов устойчивого динамичного развития в Южной Корее

© 1995

В. Андрианов

В самом начале экономических реформ в бывшем Советском Союзе одной из основных тем, которые активно обсуждали экономисты, была тема соотношения плана и рынка. При этом явно доминировали точки зрения, противопоставляющие эти два понятия.

Между тем анализ послесоветского развития большинства промышленно развитых стран и особенно новых индустриальных государств Азии свидетельствует о том, что в динамичной рыночной экономике эти два понятия не только благополучно сосуществуют, но и дополняют друг друга. Чем сильнее развиты рыночные отношения, тем сильнее государственное влияние на развитие и формирование рыночных механизмов и регуляторов. Именно государство создает условия для развития основ рыночной экономики - свободного предпринимательства и добросовестной конкуренции. В современном рыночном хозяйстве государство стало фактически основным мозговым центром, который регулирует формирование рыночной среды и обеспечивает динамизм и устойчивость экономического роста.

В свою очередь устойчивость экономической системы в первую очередь определяется наличием в ней механизмов саморегуляции. В рыночной экономике такими механизмами являются функциональные системы различного уровня, которые создаются государственными, частными и общественными структурами.

Весьма показателен в этом отношении пример Южной Кореи, где государство играло и играет основную роль в формировании рыночной модели динамичного и устойчивого развития.

Ведущая роль государства в экономике Южной Кореи была официально провозглашена Конституцией страны. В разделе, посвященном экономике, констатируется: "Государство регулирует и координирует экономическую жизнь", что фактически закрепляет государственное вмешательство во все без исключения сферы народного хозяйства.

Экономическое планирование

Государственное планирование в Южной Корее началось с так называемого плана Натана, разработанного в 1954 г. с привлечением экспертов

ООН. Однако этот и последующие планы, вплоть до военного переворота 1961 г., были весьма несовершенны и не опирались на целостную концепцию экономического развития.

В начале 60-х годов экспертами американского Агентства международного развития была разработана долгосрочная программа развития экономики Южной Кореи. Данная программа опиралась на рекомендацию МБРР (Международный банк реконструкции и развития) и МВФ (Международный валютный фонд), которые предполагали, что достичь высоких темпов экономического роста и повысить эффективность общественного производства в развивающихся странах возможно путем приоритетного развития экспортных отраслей и ориентацией на мировой рынок.

Программа имела долгосрочный характер и в концептуальном плане предполагала:

- ориентацию индустриального развития на всемерное укрепление связей с рынками ведущих промышленно развитых стран;
- включение экспортного сектора экономики в систему международного разделения труда;
- приоритетное инвестирование конкурентоспособных отраслей экономики;
- поддержание внутреннего потребления на минимальном уровне;
- контроль государства над производством.

Программа индустриализации была рассчитана на 20-летний период, в течение которого предусматривалось последовательно выполнить четыре пятилетних плана (1962-1966, 1967-1971, 1972-1976, 1977-1981).

Основной задачей первой пятилетки (1962-1966) провозглашалось создание независимой экономики через индустриализацию страны на основе рационального распределения капиталов и совершенствования промышленной структуры.

Среди первоочередных задач провозглашались следующие:

- увеличить доходы крестьян путем повышения продуктивности сельского хозяйства,
- повысить энергообеспеченность страны (в том числе обеспеченность электроэнергией и каменным углем),
- развивать ключевые отрасли промышленности и инфраструктуру,
- повысить занятость населения,
- обеспечить освоение и сохранность природных ресурсов,
- улучшить состояние платежного баланса страны в первую очередь путем расширения экспорта.

В промышленности делали ставку на развитие импортозамещающих производств.

Практически по всем основным макроэкономическим показателям наметки первой пятилетки были выполнены. Невыполненными оказались планы повышения уровня занятости, по добыче каменного угля, по наращиванию энергетических мощностей, по перевозкам пассажиров и грузов.

В 1963 г. в Южной Корее было создано Управление экономического планирования. По своим функциям этот правительственный орган значительно отличался от обычных министерств.

На Управление возлагались обязанности по выработке общей стратегии экономического развития, составлению текущих планов развития, составлению и исполнению государственного бюджета, координации политики по привлечению и использованию финансовых ресурсов, развитию сотрудничества с зарубежными странами и международными организациями.

Впоследствии Управление было переименовано в Министерство экономического планирования. До сих пор руководитель этого ведомства имеет ранг министра и является заместителем премьер-министра, а также координирует деятельность всех министерств, связанных с экономикой и финансами.

Второй пятилетний план экономического и социального развития (1967-1971) главной задачей провозглашал расширение экспорта потребительских товаров и фактически заложил основу построения экстравертивной модели экспортной ориентации.

Кроме того, план был нацелен на значительный рост национального дохода, на достижение более высокого уровня самообеспеченности развития отраслей тяжелой промышленности. Особое внимание уделялось повышению производительности труда в сельском хозяйстве.

Основными средствами для достижения этих целей были провозглашены динамичный рост экспорта, повышение нормы накопления, борьба с инфляцией.

Правительство продолжало твердо и неукоснительно проводить политику создания новых производств.

Статистические данные свидетельствуют, что по большинству главных и второстепенных показателей (исключая производство сельскохозяйственных культур) задания второй пятилетки были выполнены уже к концу 1970 г., т.е. за год до истечения запланированного срока¹.

Процесс экспортоориентированной индустриализации положил начало коренному изменению структуры ВВП. В период второй пятилетки доля промышленности в ВВП возросла до 26,8%. Экспорт Южной Кореи увеличился с 645 млн. долл. в 1967 г. до 2,9 млрд. долл. в 1971 г.

Главными задачами, сформулированными в третьем пятилетнем плане (1972-1976), были: содействие сбалансированному росту экономики, стимулирование развития регионов, повышение доходов населения в сельской местности, расширение объема экспорта почти в 2 раза, строительство предприятий тяжелой промышленности.

Основным итогом третьей пятилетки можно считать быстрое развитие отраслей тяжелой промышленности. Фактически в этот период был осуществлен переход от трудоемкого к капиталоемкому производству. Дальнейшее развитие получило экспортное производство, в которое начали включаться отрасли тяжелой промышленности.

В период третьей пятилетки был зафиксирован рекордный для Южной Кореи темп прироста ВНП, который в 1973 г. составил 14%. Объем экспорта увеличился в 3 с лишним раза и достиг в 1976 г. 10,5 млрд. долл.²

Экономическое развитие в период четвертого пятилетнего плана (1977-1981) было нацелено на то, чтобы в первую очередь повысить степень самообеспеченности экономики путем структурных преобразований.

В генеральных направлениях четвертой пятилетки особый упор делался на создание фундамента собственных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, на базе которых предполагалось провести технологическую модернизацию промышленности и заложить основу для выпуска отечественной электронно-вычислительной техники.

Среди приоритетных отраслей промышленности выделялись металлургическая, машиностроительная, электронная, судостроительная, нефтеперерабатывающая и химическая.

Сохранялась экспортная ориентация промышленного производства, однако планировалось изменить структуру экспорта, увеличить долю продукции тяжелой промышленности и электроники.

Приоритет, отдаваемый тяжелой промышленности в финансовой и инвестиционной политике, привел к разорению мелких и средних и даже некоторых крупных компаний в легкой промышленности, что вызвало безработицу и социальную дестабилизацию.

Экономическая ситуация в стране еще более усложнилась под влиянием таких важных событий в политической жизни, как убийство Пак Чон Хи и последовавшая за этим смена правительства и экономической стратегии.

Изменения в экономической политике были рекомендованы специалистами МБРР и увязывались с предоставлением новых займов. Прежде всего требовалось реорганизовать отрасли тяжелой промышленности. Дальнейшей поддержки требовали экспортноориентированные отрасли, для чего Южная Корея согласилась шире открыть доступ в эти отрасли иностранному капиталу.

По рекомендациям МБРР для восстановления конкурентоспособности южнокорейских товаров на внешнем рынке Южная Корея стала проводить политику замораживания роста заработной платы.

Эти изменения оказали свое влияние на цели следующего, пятого плана экономического развития (1982-1986), который после принятия просуществовал лишь год и в 1983 г. был заменен новым.

В качестве первостепенных задач нового плана провозглашалось: сокращение внешней задолженности, улучшение состояния платежного баланса путем увеличения экспорта машинотехнической продукции и наукоемких изделий.

В целях ослабления внешней задолженности осуществлялись меры по дальнейшему ужесточению кредитно-финансовой политики, более строгому контролю за краткосрочной задолженностью, по переходу на плавающий валютный курс по либерализации внешнеэкономической деятельности.

В середине планового периода из-за возникших трудностей по реализации экспортной продукции, многие плановые показатели были пересмотрены. В частности, объем экспорта к 1986 г., планировавшийся в размере 53 млрд. долл., был снижен до 35,7 млрд. долл., а объем импорта соответственно с 55,6 до 35,1 млрд. долл. Реальными оказались средние между этими наметками¹.

В период пятой пятилетки максимального значения достиг показатель внешней задолженности, который в 1985 г. достиг 46,7 млрд. долл.

Шестой пятилетний план (1987-1991) основной целью провозглашал дальнейшее развитие экспортного потенциала страны, за счет которого планировалось обеспечить до 50% ежегодный прирост ВВП.

Кроме того, в плане декларировалось достижение более сбалансированного социально-экономического развития на основе структурной перестройки экономики, внедрения современной технологии, улучшения регионального развития производственного комплекса, повышение жизненного уровня населения.

В настоящее время в Южной Корее осуществляется седьмой пятилетний план (1992-1996). Основными приоритетами текущей пятилетки являются развитие наукоемких отраслей и повышение конкурентоспособности экспортной продукции, повышение степени открытости национальной экономики.

В соответствии с планом темп прироста ВВП составит в среднем 7,5%, что позволит увеличить доход на душу населения с 6685 до 10440 долл.

Ожидаются структурные изменения в ВВП страны. Так, доля сельского, лесного хозяйства и рыболовства сократится с 8,9% в 1991 г. до 6,4% в 1996 г., а удельный вес обрабатывающей промышленности увеличится с 28,7 до 32,0%.

Согласно плану, экспорт будет увеличиваться в среднем на 13,4% в год (с 81 млрд. долл. в 1991 г. до 135 млрд. к 1996 г.), а импорт - на 10,6% (с 90,5 до 135 млрд. долл.).

Среднегодовой уровень инфляции, определяемый на основе роста цен на потребительские товары и услуги, составит 5-6%⁴.

В целом, анализируя основные цели планов экономического развития Южной Кореи, механизм их реализации и итоги выполнения, можно констатировать, что планирование стало важным составным элементом процесса создания в Южной Корее динамичной рыночной экономики.

Основные направления развития экономики, сформулированные в планах, были ориентиром для частных и государственных компаний, а централизованные и заемные ресурсы под их выполнение были стимулом для реализации конкретных экономических программ.

Следует подчеркнуть, что экономическое планирование в Южной Корее активно используется не только на государственном уровне, но и на уровне непосредственных товаропроизводителей и особенно крупными корпорациями, которые имеют как перспективные, так и текущие планы экономического развития.

В крупных и средних фирмах практически ни одна крупномасштабная сделка не осуществляется без разработки бизнес-плана, где закладываются основные параметры коммерческой деятельности.

Финансово-промышленные группы

Особо следует сказать о государственной поддержке крупных национальных финансово-промышленных объединений (чеболь).

По своей организационной структуре южнокорейские "чеболь" напоминают японские "дзайбацу". Возникновение первых "чеболь" относится еще к периоду японского колониального господства в Корее. Большинство из них имеет семейно-клановый характер, они построены главным образом по вертикали, объединяя компании, действующие в самых разных отраслях южнокорейской промышленности.

Правительство поощряло и всячески поддерживало рост национальных финансово-промышленных групп путем слияния, укрупнения и расширения их производственной и финансовой базы.

Наиболее активно этот процесс проходил в 80-е годы. Если в 1953 г. в Южной Корее было только 5 "чеболь", в 1965 г. - 10, в 1975 г. - 20, то в 1985 г. их число возросло до 70, а в 1990 г. увеличилось до 100. При этом число фирм, входящих в финансово-промышленные группы, только в 80-е годы возросло с 400 до 850⁵.

Из общего числа "чеболь" можно выделить элиту южнокорейского бизнеса, куда входят примерно 43 финансово-промышленные группы, активы каждой из которых превышают 400 млрд. вон (около 500 млн. долл.). В состав этих "чеболь" входят 672 промышленные компании.

По совокупному показателю концентрации производства и капитала южнокорейские "чеболь" значительно опережают японские монополии. В конце 80-х годов на долю 30 крупнейших "чеболь" приходилось примерно 10% ВВП Южной Кореи, около 50% экспорта страны (в том числе на семь крупнейших - 38%) и 25% импорта.

Крупнейшие южнокорейские корпорации имеют предприятия в девяти ключевых отраслях, в то время как аналогичные финансово-промышленные группы в Японии - в одной, двух или трех отраслях.

Особую роль сыграли южнокорейские монополии в процессе интеграции экономики страны в мировое хозяйство.

Динамичный рост "чеболь", их ориентация на внешний рынок постепенно способствовали их превращению в современные транснациональные корпорации, которые являются основной интегрирующей силой мировой экономики⁶.

Из общего числа крупных южнокорейских фирм к разряду транснациональных корпораций можно отнести около 20 монополий и прежде всего "Хёндэ", "Самсунг", "Дэу", "Лакки Голдстар", "Сонкён", "Ссанъён", "Кериа икепловивз", "Ханчжин", "Хёсон", "Дусан", "Колон", "Лотте", "Ханиль", "Кымхо" и др.

Именно эти фирмы явились основными проводниками политики экспортной ориентации. Благодаря высокой конкурентоспособности южнокорейских товаров и агрессивной торговой политике транснациональных компаний Южной Кореи удалось занять достаточно твердые позиции на многих мировых товарных рынках.

Сыграв решающую роль в процессе индустриализации и интеграции Южной Кореи в мировую экономику, "чеболь" в последние годы стали оказывать сдерживающее влияние на динамизм развития внутренней экономики.

Доминирующее положение на многих товарных рынках отрицательно сказывается на внутренней конкурентной среде, сдерживает развитие малого и среднего бизнеса, ограничивает свободу предпринимательства.

Пытаясь изменить сложившуюся ситуацию, правительство постепенно начало проводить политику, направленную на разукрупнение "чеболь" и предание им более узкой специализации.

Министерство торговли и промышленности Южной Кореи обязало 10 ведущих "чеболь" (в том числе "Хёндэ", "Самсунг", "Лакки Голдстар" и "Дэу") определить для себя три ключевые отрасли специализации, а 20 следующих по величине финансово-промышленных групп - две отрасли.

Вместе с тем со своей стороны государство снимает с них ряд ограничений на банковские и иностранные займы, обеспечивает поддержку в сфере НИОКР.

Внешнеэкономическая стратегия

В политике южнокорейского правительства по развитию внешнеэкономических связей прослеживаются определенные этапы, которые связаны с этапами индустриализации экономики. Кроме того, как и в других новых индустриальных странах, внешнеэкономическая стратегия эволюционировала от жесткого протекционизма к постепенной либерализации во внешней торговле, движении капитала и валютно-финансовой сфере.

На первоначальном этапе (конец 50-х - начало 60-х годов) государство проводило курс на развитие импортозамещающих отраслей, который предусматривал создание собственного производства недостающих товаров и постепенное уменьшение количества и ассортимента импортных товаров.

Для стимулирования импортозамещающих производств государство ввело высокие импортные пошлины на широкий круг промышленных и продовольственных товаров.

Курс на импортозамещение дал сравнительно сильный импульс индустриальному развитию Южной Кореи. Произошли определенные изменения в структуре промышленного производства. Увеличился выпуск потребительских товаров и продукции производственного назначения. Расширились производственные мощности предприятий, что способствовало увеличению занятости. Возросла норма накопления и соответственно увеличился приток капитала в промышленное производство. Значительно увеличилась емкость внутреннего рынка.

Однако стратегия импортозамещения имела свои объективные пределы. Прежде всего она ограничивалась достаточно узким внутренним рынком. Высокие издержки производства сужали объем потребления на внутреннем рынке. Высокий уровень таможенных пошлин, защищающий местных производителей, привел к определенному нарушению народнохозяйственных пропорций. Ориентация на внутренний рынок объективно снижала конкурентоспособность местных товаров.

В первой пятилетке были заложены основы постепенной трансформации стратегии импортозамещения в стратегию экспортной ориентации.

Под руководством группы экспертов американского Агентства международного развития в Южной Корее правительством были осуществлены мероприятия по созданию в промышленности сектора, ориентированного исключительно на производство товаров на внешний рынок.

Для реализации этих целей в середине 60-х годов была введена система прямого поощрения экспортного производства, которая предусматривала как прямые государственные субсидии экспортерам, так и различные налоговые льготы.

В частности, с 1964 г. с валовой экспортной выручки не взимался налог с оборота. Прибыль, получаемая от поставок товаров на внешний рынок, освобождалась от корпоративного и индивидуального налога. Если экспортер через свой банк мог представить экспортные сертификаты, то он освобождался от уплаты товарных налогов.

Кроме того, был значительно упрощен порядок обложения обычными и специальными таможенными пошлинами импортных товаров, необходимых для выпуска экспортной продукции. При распределении иностранных займов правительство страны отдавало приоритет экспортным отраслям.

В конце 60-х годов, с экономической точки зрения, производство на экспорт было неэффективным и невыгодным для южнокорейских фирм, так как 1 долл. экспортной продукции фактически обходился им в 1,5 долл.

Однако экспортное производство продолжало развиваться, поскольку поддерживалось государством и для деловых людей считалось престижным.

Кроме того, многие фирмы вынуждены были экспортировать, чтобы импортировать, так как министерство внешней торговли и промышленности выдавало импортные лицензии только тем, кто экспортировал продукцию на сумму не ниже 200 тыс. долл.

Важным этапом развития стратегии экспортной ориентации было начало создания в стране экспортно-производственных зон, которые первоначально были организованы в Чханвоне, Ири, Куми, Окпхо, Ечхоне, Чукто и Асане. Кроме того, что эти зоны получали права экстерриториальности, они получали значительные налоговые льготы, льготные тарифы на оплату различного рода услуг, льготное таможенное обложение.

Реализация экспортноориентированной стратегии развития сопровождалась политикой жесткого протекционизма во внешнеэкономической сфере, защищая тем самым местных товаропроизводителей от иностранной конкуренции. По сравнению с другими странами региона Южная Корея до сих пор имеет один из наиболее высоких уровней таможенного обложения.

В последние годы в связи со значительным ростом положительного сальдо во внешней торговле, увеличением емкости внутреннего рынка и под давлением основных торговых партнеров и международных экономических организаций правительство Южной Кореи вынуждено было пойти на значительную либерализацию внешнеэкономических связей.

В конце 80-х годов было объявлено о готовности выполнить требования ГАТТ об изменении внешнеторговой политики и прежде всего об отмене

импортных барьеров. За период с января 1990 г. по июль 1997 г. предстоит либерализовать импорт многих видов сельскохозяйственной продукции и промышленных изделий. Для реализации этих задач правительство Южной Кореи разработало специальную программу поэтапного комплексного понижения таможенных пошлин, рассчитанную на период 1990-1994 гг.

Средний уровень импортных пошлин планируется снизить с 11,4% в 1990 г. до 7,9% в 1994 г., в том числе на продукцию обрабатывающей промышленности с 9,7 до 6,2% и на сельскохозяйственные товары с 19,9 до 16,6%⁷, что в целом будет соответствовать среднему уровню таможенного обложения в странах ОЭСР, членом которой Южная Корея планирует стать в ближайшее время.

Стимулируя развитие экспортоориентированных отраслей, Южной Корее удалось увеличить объем экспорта страны с 33 млн. долл. в 1960 г. до 82 млрд. долл. в 1993 г. и по этому показателю занять 13-е место в списке стран - крупнейших мировых экспортеров⁸.

Экономическое развитие, ориентированное на внешний рынок, имеет ряд преимуществ, в том числе дает возможность держать руку на пульсе научно-технического прогресса. Именно на мировом рынке проявляется конкурентоспособность выпускаемой продукции, в том числе и наукоемкой, выявляются сильные и слабые стороны местной промышленности. Мировой рынок является индикатором зрелости экономики любой страны.

В последние годы южнокорейское правительство кроме стимулирования экспорта товаров стало поощрять и вывоз предпринимательского капитала, что свидетельствует о кардинальных изменениях в общей внешнеэкономической стратегии страны. Однако сохраняется государственный контроль за вывозом капитала.

Стимулирование научно-технического прогресса

Ориентация экономики Южной Кореи на внешний рынок предполагает постоянное повышение конкурентоспособности экспортной продукции. На мировых товарных рынках все большее значение уделяется таким факторам конкурентоспособности, как качество товара, его новизна, наукоемкость.

Поэтому развитие научно-технического потенциала превращается в один из наиболее активных элементов воспроизводственного процесса. Приоритетным направлением государственной политики становится стимулирование развития наукоемких отраслей.

Первоначально Южная Корея следовала стратегии заимствования зарубежного опыта и технологий. Практически все наиболее передовые отрасли южнокорейской промышленности используют западные технологии, оснащены импортным оборудованием. Для привлечения капитала транснациональных корпораций и современных технологий в Южной Корее создавались экспортно-производственные зоны, заложившие основу развития наукоемких отраслей, ориентированных на внешний рынок.

Однако стратегия заимствования, позволяющая абсорбировать и использовать лучшие достижения в мировой науке и технике, все больше начинает сочетаться с селективной стратегией развития собственного научно-технического потенциала. Практические результаты достигаются за счет концентрации ресурсов на определенных направлениях НТР.

Существенный акцент делается на разработку текущих и перспективных программ НИОКР, их материальное и кадровое обеспечение, систему организации и управления научной деятельностью, ее информационное обеспечение.

Активную роль в стимулировании научно-технического прогресса в Южной Корее играет государство. В начале 80-х годов произошло кадровальное изменение в характере государственного регулирования экономики, когда во главу угла были поставлены оптимизация хозяйственной системы, повышение ее гибкости и восприимчивости к достижениям НТР.

Государственные органы определяют основные направления структурной перестройки экономики, разрабатывают долгосрочные программы экономического развития. В частности, Министерство торговли и промышленности представило пятилетний план развития наукоемких отраслей на 1990-1994 гг., основная цель которого - снижение зависимости Южной Кореи от зарубежной технологии, а также повышение конкурентоспособности ее экспортной продукции.

На достижение этих целей планируется выделить 38,8 млрд. долл., из которых 16,4 млрд. ассигнуется на НИОКР для создания передовой технологии в таких областях, как микроэлектроника, мекатроника, аэрокосмическая и лазерная техника, биотехнология, тонкая химия, оптическое оборудование, разработка новых материалов.

Для реализации поставленных целей правительство Южной Кореи намерено предоставить местным фирмам льготные кредиты сроком на 10 лет на общую сумму 3,7 млрд. долл. Кроме того, компании, занятые выпуском наукоемкой экспортной продукции, получают дополнительные налоговые льготы.

Выработанную программу развития наукоемких отраслей предусматривается реализовать, применяя рыночные методы регулирования, в том числе кредитные, налоговые и другие механизмы стимулирования научно-технического прогресса.

Следует подчеркнуть, что при организации научно-исследовательских разработок Южная Корея использует японский метод, для которого характерно объединение усилий государственных, академических и частных организаций, причем последние играют одну из основных ролей, особенно при внедрении полученных результатов.

Если в начале 80-х годов лишь несколько южнокорейских компаний имели свои научно-исследовательские организации, то к началу 90-х годов их число возросло до 400. За этот период расходы промышленных корпораций на НИОКР возросли в десятки раз и достигли почти 4 млрд. долл.

Наибольшие ассигнования на развитие научно-технической базы характерны для южнокорейских транснациональных корпораций. В 1989 г. из общей суммы капиталовложений корпорации "Самсон" в размере 3,1 трлн. вон на НИОКР приходилось 600 млрд. Для компании "Хёндэ" эти показатели составили 1,9 трлн. и 400 млрд., "Лакки Голдстар" - 1,5 трлн. и 400 млрд., "Дэу" - 1,3 трлн. и 200 млрд., и "Санкьёнг" - 914 млрд. и 24 млрд., "Ссаньёнг" - 400 млрд. 40 млрд., "Хьюсанг" - 385 млрд. и 65 млрд., "Киа" - 525 млрд. и 45 млрд.¹⁰

Следует подчеркнуть, что у ведущих южнокорейских компаний по сравнению с фирмами других НИС довольно высок удельный вес расходов на НИОКР в новых валовых инвестициях, которые в 1988 г. достигли у "Лакки Голдстар" 26,1%, "Хёндэ" - 21,7%, "Самсон" - 19,4%, "Дэу" - 15,4%. При этом наиболее значительные инвестиции в научно-исследовательские разработки концентрируются на создании наукоемкой продукции в таких областях, как электронная, электротехническая и аэрокосмическая, автомобилестроение, нефтехимия, робототехника, стимулирование "рискобизнеса" и др.

Ведущие корпорации создают новые исследовательские центры, совместные предприятия, открывают свои исследовательские филиалы в крупных научных центрах за рубежом.

В самой Южной Корее, как и в Японии, начинают организовываться современные технополисы. Наиболее крупный городок науки - Даедук, расположенный около Тайхона, в сотне миль к югу от Сеула, является южнокорейским прототипом японского технополиса в Цукубе, основные научно-исследовательские разработки которого связаны с созданием высокотехнологичных товаров, новых технологий и материалов. Кроме того, здесь занимаются и фундаментальными исследованиями.

Координация усилий частного сектора при поддержке государства приносит ошутимые результаты в создании высокотехнологичной продукции. В начале 1990 г. южнокорейская фирма "Самсон" приступила к массовому выпуску мощных интегральных схем - динамических запоминающих устройств с произвольной выборкой (ДЗУПВ) емкостью 1 Мбайт. Ежемесячный объем производства составляет 1 млн. шт.

Три ведущие южнокорейские ТНК - "Самсон", "Лакки Голдстар" и "Хёндэ" - совместными усилиями разработали технологию производств ДЗУПВ емкостью 4 Мбайт, которые в современном мире производят лишь японские фирмы "Хитати" и "Тосиба".

Указанные электронные компоненты в настоящее время являются наиболее сложными в техническом исполнении из всех имеющихся на рынке. Они все шире используются в супер-ЭВМ, рабочих станциях и оборудовании связи, а в дальнейшем широкой сферой их применения может стать аппаратура для телевидения высокой четкости (ТВВЧ).

На разработку этой интегральной схемы южнокорейские фирмы получили от правительства дотацию в размере 120 млн. долл. Массовый выпуск начат в конце 1990 г. в объеме 100 тыс. шт. ежемесячно".

Как полагают специалисты, уже в 1994 г. южнокорейские фирмы смогут создать электронные компоненты для компьютеров нового поколения с объемом памяти 64 Мбайт, а к концу столетия - ДЗУПВ емкостью 1 Гбайт.

Следует подчеркнуть, что ускоренный прогресс какой-либо одной отрасли почти никогда не носит изолированного характера, а влечет за собой прогресс нескольких отраслей, возникает определенная технологическая цепочка. Что касается электронизации, то здесь количество переходит в иное качество. Создав современную элементную базу электроники, НИС получают реальную возможность для развития всех сфер электронной и электротехнической промышленности.

В случае успешной реализации весьма амбициозной программы развития научно-технического потенциала Южная Корея к концу столетия сможет войти в число стран, использующих наиболее современные виды промышленной технологии. Производство суперкомпьютеров, аэрокосмической техники, конструирование сложнейшего электронного оборудования, создание материалов с новыми свойствами должны стать основой экономики Южной Кореи, превратив ее в одно из наиболее развитых государств современного мира.

По оценкам экономистов, доля наукоемких товаров в южнокорейском экспорте продукции обрабатывающей промышленности возрастет с 11,1% в 1987 г. до 24,4% в 1994 г. На мировом рынке наукоемких изделий удельный вес южнокорейских ТНК может увеличиться с 1,4% в 1987 г. до 2,3% в 1994 г. и до 3,2% в 2000 г.

Несмотря на явные успехи в развитии наукоемких отраслей, Южная Корея, очевидно, пока сохраняет свое периферийное положение по отношению к индустриально развитым государствам, где концентрируются фундаментальные научно-исследовательские разработки, в конечном счете определяющие дальнейший прогресс человечества. Вместе с тем, по нашему мнению, не

исключена возможность прорыва Южной Кореи по отдельным направлениям на передовые рубежи мирового научно-технического прогресса.

Западные специалисты довольно высоко оценивают конкурентные возможности азиатских НИС, в том числе и Южной Кореи, на мировом рынке наукоемкой продукции. В частности, по мнению 70% опрошенных представителей крупнейших корпораций США, к 2000 г. экспортеры высокотехнологичных товаров из азиатских НИС могут стать основными конкурентами американских производителей аналогичной продукции.

В 1989 г. японский исследовательский институт "Никкэй" провел опрос среди президентов ведущих компаний о перспективах хозяйственного и технологического развития Южной Кореи. Большинство японских менеджеров считают, что к 2000 г. научно-технический уровень Южной Кореи значительно повысится, однако разрыв с Японией останется прежним. Вместе с тем они полагают, что к концу столетия Южная Корея сможет опередить Японию в некоторых, не самых приоритетных, областях научно-технического прогресса.

* * *

Подводя итог анализу влияния государства на развитие рыночных отношений в Южной Корее, следует подчеркнуть, что активная государственная политика ускоряет процесс создания рыночной инфраструктуры.

При этом на примере Южной Кореи видно, как трансформируется политика государства от жесткого прямого дирижизма до либерального монетаризма.

Главная задача, которую решает государство в период жесткого регулирования экономических процессов, это создание функциональных систем, которые являются механизмами саморегуляции в экономике.

К основным функциональным системам относятся налоговая система, система внешнеторгового регулирования, валютно-финансовая система, система социального обеспечения и занятости и многие другие.

Именно наличие в рыночной экономике широкой сети функциональных систем обеспечивает ее динамизм и устойчивость, превращает ее в открытую саморазвивающуюся систему, которая приобретает способность к саморегуляции.

В саморегулирующейся экономической системе принципиально меняется роль государства, которое превращается в главный орган всей экономической системы, обеспечивающий нормальную работу функциональных систем.

Государство вмешивается в жизнь рынка только в той степени, которая требуется для поддержания работы механизма конкуренции или для контроля тех рынков, на которых условия вполне свободной конкуренции не осуществимы.

Тайна динамичной модели рыночного хозяйства и ее превосходство над другими моделями экономического развития заключаются именно в том, что в таком хозяйстве как бы ежедневно и ежечасно осуществляются процессы приспособления, которые приводят к правильному соотношению спроса и предложения, расходов и доходов, экспорта и импорта и т.д. и тем самым обеспечивают равновесие и соответственно динамизм и устойчивость экономической системы.

2. Korea: Problems & Issues in Rapidly Growing Economy. (World Bank Country Report). - N.Y., 1976. - P. 200.
3. Korea Herald. - September 3. - 1986.
4. Korea Herald. - March 22. - 1992.
5. Никкирон гэшо. - 1990. - N 6. - С. 35-44.
6. Согласно последнему докладу ЮНКТАД, в начале 90-х годов в мире насчитывалось около 37 тыс. ТНК (20 лет назад их число не превышало 7 тыс.), которые имели 170 тыс. зарубежных филиалов, внешний товарооборот их составлял 5,5 млрд. долл. (73% мировой торговли), а объем прямых инвестиций достиг 2 трлн. долл.
7. How to Gain Access to the Korean Market. - AFTAК. - Seoul, 1993. - P. 26.
8. International Trade 1992/1993, GATT. - Geneva.
9. Сюкай дайямондо. - 7 октября 1989. - С. 20.
10. Подсчитано по: Business Korea. - February 1989.
11. Mainichi Daily News. - November 3. - 1989.

Юбилей ученого и журналиста

Н.П.Тебину - 60 лет.

13 января 1995г. исполнилось 60 лет Николаю Петровичу Тебину - известному отечественному японисту, автору и талантливому редактору многочисленных публикаций по различным аспектам истории, культуры и современной жизни Японии. В 1995г. мы отмечаем и другую "круглую" дату в его жизни - десятилетие работы в нашем журнале. С 1993г. плодотворную деятельность в журнале он сочетает с исследовательской работой в центре исследований Японии Института Дальнего Востока РАН.

Глубокие знания проблем Японии, богатый опыт журналиста - за плечами Н.П.Тебина десять лет работы в Стране восходящего солнца в качестве корреспондента ТАСС. - исключительная организованность и ответственность, доброжелательность в отношении с коллегами определили его успех в привлечении к выступлениям на страницах журнала интересных авторов разных поколений и профилей - ученых, писателей, публицистов, непосредственных участников многих событий на российском и зарубежном Дальнем Востоке. Рубрики и разделы, которые ведет Николай Петрович, неизменно вызывают живой интерес читателей, о чем свидетельствуют письма в редакцию.

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока", коллектив Института Дальнего Востока, Ассоциация японоведов от души поздравляют Н.П.Тебина с юбилеем, желают ему крепкого здоровья и благополучия, долгих лет плодотворной деятельности на ниве журналистики и японоведения.

Третий этап конституционной реформы и становление современного парламентаризма на Тайване

© 1995

Л. Гудошников

29 июня 1994 г. Национальное собрание “Китайской Республики” на Тайване приняло новую серию поправок к действующей в регионе Конституции 1947 г. Эти поправки называют на Тайване третьим этапом конституционной реформы, относя к первым двум предыдущие серии поправок, имевшие место в 1991 и 1992 годах. Первые два этапа конституционной реформы на Тайване уже освещались в нашем журнале¹. Напомним, что произведенными изменениями были значительно расширены права Национального собрания, ранее созывавшегося только для выборов президента и вице-президента региона, которые происходили раз в 6 лет, и для изменения Конституции (если не считать принятия в 1948 г. “Временных правил на период национальной мобилизации для подавления коммунистического мятежа”, отменивших многие положения Конституции 1947 г., Национальное собрание по конституционным вопросам созывалось только в последние годы).

После реформы Конституции сессии собрания стали ежегодными с заслушиванием докладов президента региона, обсуждением и принятием рекомендаций. Национальное собрание получило право утверждения назначенных Президентом ряда высших должностных лиц региона. Срок полномочий Национального собрания и президента был сокращен до 4 лет. Законодательная палата получила право утверждения введенного президентом чрезвычайного положения в течение 10 дней, и ее отказ в утверждении приказа о введении такого положения ведет к потере этим приказом законной силы.

Принятыми в 1994 г. новыми поправками к Конституции был прежде всего решен вопрос о способе избрания президента и вице-президента “Китайской Республики” на Тайване. Эти два высших должностных лица региона будут теперь избираться прямым голосованием электората, причем в последний будут включены и проживающие за границей китайские граждане (очевидно, обладатели тайваньских паспортов). Первые прямые президентские

Гудошников Леонид Моисеевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ИДВ РАН

выборы намечены на март 1996 г. В связи с новым порядком избрания установлен и новый порядок отзыва Президента. Отныне он может быть осуществлен по предложению не менее двух третей депутатов Национального собрания, которое должно быть поддержано более чем половиной избирателей. Значительно увеличены права Президента в отношении смещения и назначения ряда высших должностных лиц. Теперь для этого не требуется согласия премьера Исполнительной палаты, тогда как раньше подпись премьера на актах о назначениях и смещениях была обязательной.

Поправками 1994 г. внесено и существенное нововведение в организацию Национального собрания - учреждены должности спикера и вице-спикера этого органа. Одной из конституционных поправок 1994 г. изменено наименование некитайских племен Тайваня, называвшихся ранее гаошань (горцами). Теперь во всех официальных актах они будут именоваться аборигенами.

Все эти изменения Конституции были предложены правящей партией Гоминьдан, которая обладает в Национальном собрании необходимым для изменения Конституции большинством в три четверти голосов. Ни одно из предложений оппозиции не прошло. Однако не прошло и одно из предложений правящей партии, это предложение об изменении срока полномочий Законодательной палаты с 3 до 4 лет. С ним не согласилась и часть депутатов от правящей партии. В этом некоторые политики Тайваня усматривают возможность меньшей стабильности кабинетов, формирование и срок полномочий которых зависит от Законодательной палаты. Действительно, палата будет отличаться по сроку полномочий от Президента и Национального собрания, избираемых на 4 года. Но такое отличие существовало и раньше, так как Национальное собрание избиралось на 6 лет и на такой же срок оно избирало Президента. Однако эти сроки не имели реального значения в период авторитарного режима. Сейчас же в изменении срока полномочий Законодательной палаты усматривается возможность более частых перемен в правительстве, а также и усиление напряженности во взаимоотношениях Национального собрания и Законодательной палаты².

Пока эти предположения еще не проверены практикой. Во всяком случае, ясно, что в результате конституционных реформ произошло усиление как президентской власти, так и полномочий Национального собрания. Дальнейшее развитие событий в высших эшелонах власти Тайваня будет зависеть как от соотношения политических сил в регионе, так и от способности его политиков создать систему противовесов различных ветвей власти. Одно время третий этап конституционной реформы характеризовался в тайваньской печати как заключительный. Конечно, можно представить, что партия, обладающая квалифицированным большинством в Национальном собрании, может и не допустить дальнейших изменений Конституции. Но вот вопрос, удастся ли ей и дальше сохранять такое большинство. К тому же оппозиция в лице Демократической прогрессивной партии давно уже вынашивает идею ликвидации Национального собрания как института власти. Выдвигается, в частности, идея его отмены путем плебисцита.

Но, как бы ни развивались дебаты и политические бои вокруг Конституции в дальнейшем, реальностью сегодняшнего дня является наличие в Тайване парламентской системы с некоторыми элементами "двухэтажности". Тем не менее в политической практике региона парламентом называют Законодательную палату, а парламентариями - ее членов. И во всяком случае только Законодательная палата является легислатурой, так как Национальное собрание законов не принимает.

Нынешний состав Законодательной палаты избран 21 декабря 1992 г., в его составе 161 человек. Палатой осуществляются следующие полномочия:

1) законодательная власть. При этом употребляемый в Конституции термин "закон" означает правовой акт, принятый Законодательной палатой в качестве законопроекта и затем промульгированный (подписанный и опубликованный) Президентом;

2) утверждение указов о чрезвычайном положении, вводимом Президентом по резолюции Совета исполнительной палаты в случае стихийных бедствий, эпидемий, финансового или экономического кризиса. Такие указы должны в течение 1 месяца после их издания представляться Законодательной палате на утверждение. Если такового не последует, указ теряет силу;

3) заслушивание докладов по управлению и правительственной политике. Если доклад не находит одобрения у Законодательной палаты, она может требовать изменения правительственной политики;

4) рассмотрение законопроектов о бюджете и докладов генерального аудитора об исполнении бюджета. Исполнительная палата (правительство) за 3 месяца до начала каждого финансового года представляет Законодательной палате законопроект о бюджете на следующий год. Законодательная палата имеет право принимать резолюции по бюджетным законопроектам. Генеральный аудитор в течение 3 месяцев после представления окончательных счетов о доходах и расходах проводит в соответствии с законом их ревизию и представляет доклад о ней Законодательной палате;

5) согласие на назначения. Премьер Исполнительной палаты назначается президентом "Китайской Республики" с согласия Законодательной палаты. Президент также с согласия Законодательной палаты назначает генерального аудитора Контрольной палаты;

6) внесение изменений в Конституцию. По предложению одной четверти членов Законодательной палаты и решением трех четвертей присутствующих парламентариев и при наличии кворума в три четверти общей численности членов палаты может быть представлен в Национальное собрание законопроект об изменении Конституции.

Избрание и срок полномочий. Согласно ст. 2 Дополнительных статей Конституции, члены Законодательной палаты после 1992 г. избираются следующим образом: 1) по два члена палаты избираются каждой провинцией и каждый городом центрального подчинения (специальным муниципалитетом) на "свободной территории", что практически означает представительство от провинции Тайвань и от ранее входивших в нее городов Тайбэй и Гаосюн; при этом представительство может быть расширено в зависимости от численности населения; 2) три члена палаты избираются от равнинных и горных аборигенов на "свободной территории"; 3) шесть членов избираются от китайских граждан, проживающих за границей; 4) тридцать членов палаты избираются от общенационального (фактически общерегионального) округа. При этом в определенной обязательной пропорции обеспечивается представительство от женщин.

Голосование при выборах в палату является всеобщим, равным, прямым и тайным. Каждый избиратель обладает только одним голосом. При изменении Конституции в 1994 г. срок полномочий палаты остался прежним - 3 года. Члены палаты могут быть переизбраны. Выборы в палату проводятся за 3 месяца до истечения полномочий ее предыдущего состава. Избиратели могут отозвать избранного ими члена палаты, если считают, что парламентарий не исполняет своих обязанностей должным образом. Однако вопрос об этом не может быть поставлен ранее, чем через 6 месяцев после вступления члена

палаты в должность. В случае непосещения парламентарием заседаний в течение всей сессии Законодательной палаты он считается подавшим в отставку.

Первые общенациональные выборы в Законодательную палату состоялись в 1948 г. Из 760 ее членов более чем одну десятую (82 чел.) составляли женщины. После 1948 г. общенациональные выборы в палату не проводились из-за поражения гоминьдановского правительства в гражданской войне и эвакуации на Тавань как правительственных и партийных учреждений Гоминьдана, так и значительной группы экономической и интеллектуальной элиты страны, а также части ее вооруженных сил. Мандаты членов Законодательной палаты оказались замороженными. Только в 1969 г. были проведены дополнительные выборы в палату, чтобы заместить парламентариев, уже не способных выполнять свои функции физически. Во время дополнительных выборов были избраны 11 новых членов палаты, срок их полномочий определен не был.

В середине 70-х годов в связи с ростом населения тайваньского региона законодательному органу были еще добавлены дополнительные места. Выборы состоялись в декабре 1975 г., и в палату вошло 52 новых члена, которые подлежали переизбранию через 3 года. Однако в 1978 г. переизбрание было отложено декретом Президента Цзян Цзинго, и новые выборы состоялись лишь в июне 1980 г., когда в Законодательную палату было избрано 97 новых членов. В 1983 г. было выделено дополнительное место для провинции Тайвань и избиралось 98 законодателей. Через 3 года - в декабре 1986 г. - уже 100 дополнительно избранных представителей заняли свои места в палате. В декабре 1989 г. был избран 101 законодатель. Из этого числа 79 представляли избирательные округа, 4 - аборигенов острова и 18 были представителями профессиональных групп. Эти избранные на местах законодатели помогли внести ряд важнейших изменений в политическую жизнь региона, в том числе они провели отмену декрета о чрезвычайном положении и снятие ограничений для создания новых партий путем принятия Закона о народных организациях¹ в январе 1989 г. Важное значение имел ввод в действие в феврале 1989 г. Закона о добровольной отставке старейших парламентариев, в соответствии с которым вышли в отставку все члены Законодательной палаты, избранные в 1948 г. Как уже указывалось выше, 21 декабря 1992 г. палата была избрана в действующем ныне составе.

И м м у н и т е т ы и о г р а н и ч е н и я. Согласно ст. 73 Конституции, члены Законодательной палаты не несут ответственности за высказываемые в палате мнения или участие в голосовании. Следующая, 74 статья Конституции запрещает арест или задержание членов Законодательной палаты без ее разрешения, за исключением случаев, когда парламентарий застигнут на месте совершения преступления. По ст. 75 Конституции, члены Законодательной палаты не могут занимать правительственных постов. Официально цель этого ограничения толкуется как "полное отделение законодательной власти от исполнительной для того, чтобы избежать монополизации власти членами Законодательной палаты"⁴.

О р г а н и з а ц и я и д е я т е л ь н о с т ь. Законодательная палата осуществляет свои полномочия через сессии, работу комитетов и секретариата.

Палата собирается на сессии дважды в год самостоятельно (т.е. не созывается, например, Президентом или премьером региона). Первая сессия продолжается с февраля до конца мая, а вторая - с сентября до конца декабря. В случае необходимости продолжительность сессии может быть продлена. Внеочередные сессии могут созываться по требованию одной пятой членов палаты. На обычных ее заседаниях кворум составляет треть от списочного состава палаты.

Если в Конституции не оговорено иное, решения Законодательной палаты принимаются простым большинством голосов. При равном количестве голосов голос председателя палаты является решающим.

Законодательной палатой Тайваня образованы следующие десять постоянных комитетов: по внутренним делам, по иностранным делам, по национальной обороне, по экономике, по финансам, по бюджету, по образованию, по коммуникациям, по пограничным делам, по делам зарубежных китайцев, по судопроизводству и по органическим законам и статутам. Каждый из комитетов состоит не более чем из 18 членов, и ни один из законодателей не может состоять более чем в одном комитете. Законодательной палатой учреждены также следующие пять специальных комитетов: мандатный, дисциплинарный, процедурный, по счетам и по публикациям.

Взаимоотношения с Исполнительной палатой. Законодательная палата должна давать согласие на назначение премьер-министра перед тем, как он назначается Президентом региона. Вместе с тем у Исполнительной палаты есть определенная ответственность перед Законодательной, которая заключается в следующем. 1. Исполнительная палата обязана ежегодно представлять Законодательной палате политическое заявление и административный доклад. В период сессий Законодательной палаты ее члены имеют право задавать вопросы премьер-министру, министрам и председателям комиссий Исполнительной палаты. 2. Если Законодательная палата выражает несогласие с важным политическим решением Исполнительной палаты, она может принятием резолюции просить последнюю об изменении политики. Не соглашаясь с резолюцией Законодательной палаты, Исполнительная палата может с согласия Президента региона просить Законодательную палату о пересмотре резолюции. Если и в этом случае первоначальная резолюция пройдет двумя третями голосов присутствовавших членов Законодательной палаты, премьер-министр должен будет либо согласиться с точкой зрения Законодательной палаты, либо подать в отставку. 3. Если Исполнительная палата считает принятые Законодательной палатой резолюции относительно проектов законов, бюджетов или договоров трудными для исполнения, она может с согласия Президента в течение 10 дней после передачи их в Исполнительную палату просить Законодательную палату пересмотреть упомянутые резолюции. Если в результате пересмотра окажется, что две трети законодателей, присутствующих на заседании, поддержат первоначальную резолюцию, премьер-министр должен с этим примириться или подать в отставку. 4. Исполнительная палата должна представлять Законодательной палате проект бюджета за 3 месяца до начала каждого финансового года.

Вот таким образом выглядит нормативная сторона тайваньского парламентаризма, как она записана в Конституции региона и воспроизводится в официальных информационных изданиях тайваньского правительства. Однако основной законодательный орган Тайваня только считанное количество лет начинает напоминать парламентское учреждение. В недавнем прошлом он сравнивался с "резиновым штампом" исполнительной власти, проводившей через него все нужные ей законы. Отмена чрезвычайного положения и появление реальной оппозиции правящему Гоминьдану в лице Демократической прогрессивной партии внесло определенные изменения в деятельность тайваньских законодателей. Однако этот парламент вскоре приобрел довольно широкую известность не за счет эффективной деятельности, а из-за показываемых по телепрограммам всего мира драк между парламентариями оппозиции и правящей партии. Это можно отнести за счет огрехов молодого тайваньского парламентаризма и нетерпеливости рвущихся к власти демократов-прогрессистов, которые не прочь перенести в стены парламента некоторые методы уличной борьбы.

Что же касается эффективности деятельности тайваньского парламента, то она, по высказываниям тайваньских источников, оставляет желать лучшего. Часто проходят годы, прежде чем внесенный в палату законопроект становится законом. Так, в 1988 г. в палату был внесен законопроект о защите прав потребителей. 3 года ушло на его прохождение через соответствующий комитет палаты и еще 3, прежде чем он был поставлен на голосование в палате 11 января 1994 г. Этот случай исключением не является. К началу 1994 г. ожидали своего решения более 900 законопроектов и предложений по законодательству. Законодательный процесс в палате, как и во многих других парламентах мира, строится по системе трех чтений. Законодательная инициатива принадлежит самим законодателям и другим ветвям власти, представленным отраслевыми палатами: исполнительной, судебной (юстиционной), экзаменационной и контрольной. Кроме того, теоретически возможно принимать в качестве законодательных предположений через постоянные комитеты палаты исходящие от населения петиции. При первом чтении правительственные (т.е. исходящие от палат) законопроекты обычно зачитываются по заголовкам и направляются на второе чтение. Законопроекты законодателей обсуждаются, и может быть вынесено решение об их исключении из повестки. Накануне второго чтения законопроекты проходят обсуждение в постоянных комитетах. При втором чтении оглашаются результаты обсуждения законопроекта в комитете, даются объяснения и справки, проходят общая дискуссия, постатейное обсуждение, внесение поправок. При третьем чтении поправки могут касаться лишь вопросов статистики будущего закона, законопроект ставится на голосование в целом. Если он принимается палатой, то направляется Президенту региона, который подписывает и промульгирует (вводит в действие) принятый закон.

Сейчас на Тайване при рассмотрении специалистами недостатков законодательного процесса в палате в качестве наиболее узкого места обычно называется обсуждение на уровне постоянных комитетов. Профессор права Суньятсенского университета Яо Лимин свидетельствует: "Есть несколько причин, по которым законодательные комитеты не исполняют своих функций. В своей основе эта система построена неадекватно. Она позволяет каждому законодателю⁵ выступать на каждом заседании комитета. Это разрушает основную функцию комитетов, которая состоит в том, чтобы разделить законодательную работу по небольшим единицам. И на что действительно много тратится времени - это на то, что законотворцы говорят в основном одно и то же"⁶.

Разумеется, современные специализированные и немногочисленные комитеты палаты представляют прогресс по сравнению с временами палаты-штампа, когда она насчитывала по 60 и более членов и обсуждение в них было проформой. Однако членство в комитете может продолжаться лишь одну сессию и при большом количестве желающих работать в том или ином комитете выбор делается по жребию. В комитетах нет единых председателей, их заменяет коллегия из трех сопредседателей, в чем некоторыми также видит недостаток в организации парламентской деятельности. Однако самым большим недостатком считается ограничение времени работы в комиссии сессионным сроком, в течение которого парламентариям трудно приобрести необходимый опыт и умение давать экспертную оценку проходящим через комитеты документам. И все же настоящим бичом молодого тайваньского парламентаризма является практически безграничная для законодателей возможность участия в заседаниях всех постоянных комитетов. Часто целью такого участия, отмечают тайваньские специалисты, является стремление продемонстрировать собственную активность избирателям. Поскольку заседания комитетов палаты часто показывают по телевидению, многие законодатели горят желанием высказаться по

обсуждающимся вопросам, рассчитывая попасть в вечерние новости. Поэтому длительные обсуждения в комитетах палаты вовсе не означают, что там представляется широкий спектр мнений. Уже цитировавшийся нами профессор Яо Линин говорит: "Целью некоторых законодателей является только попытка привлечь больше внимания к себе, чем к оценке законопроекта. Кажется, что наши законодатели не могут воспринять идею, что они могут привлечь внимание своих сторонников экспертным суждением в определенной области, ну а пока, - продолжает профессор, - законодатели не упускают ни одного шанса показать своим сторонникам, что они активны в законодательстве, потому что это для них лучший шанс выиграть следующие выборы"⁷. Профессор Яо видит пути изменения положения в изменении некоторых правил парламентской процедуры, а также в межпартийных договоренностях по вопросам деятельности законодателей в комитетах.

Поскольку законодатели стараются покрыть возможно большее количество полей деятельности, для них становится невозможным знать обсуждаемые законопроекты в деталях, поэтому они независимы от своих помощников и аппарата палаты, о которых речь впереди. Другим общим источником информации для них являются парламентские слушания, на которые приглашаются правительственные чиновники, ученые и другие лица, призванные обеспечить рассмотрение законопроектов квалифицированной информацией и советами.

Как отмечают тайваньские авторы, качество слушаний также не соответствует общепринятым демократическим стандартам. Закон о парламентских слушаниях, регулирующий права и обязанности их участников, еще не принят. В результате эффективность слушаний неравномерна. По идее они должны быть главным ресурсом законодателей. Сейчас это опять-таки сцена для парламентариев, задающих бесчисленные вопросы приглашенным. Член палаты Хуан Чжаонань (от партии Гоминьдан) считает, что слушания в их современном виде мало влияют на законодательные решения. "Они на деле больше напоминают семинары, чем слушания"⁸.

Такой важный парламентский институт, как интерpellация, часто носит на Тайване характер политического шоу. И здесь законодатели прежде всего стараются не выяснить существо дела, а привлечь внимание к своей персоне, и для этого используется широкий арсенал средств. Хорошо еще, если парламентарий просто поносит премьера, министра или другого правительственного чиновника, к которому обращен запрос. Но некоторые члены палаты вскакивают на столы, пронзительно крича на официальных лиц. Другие идут еще дальше, переворачивая столы, ломая микрофоны и даже, как уже отмечалось, затеявая драки.

Для интерpellаций отводится специальное время в каждой парламентской сессии. Это время так и называется интерpellационной сессией. Интерpellации обычно начинаются после того, как премьер сделал доклад о правительственной политике на предстоящие месяцы. Каждому законодателю позволено максимум час вопросно-ответного времени в течение интерpellационной сессии, которая длится более 6 недель. Согласно процедурным правилам самой законодательной палаты, каждый законодатель задает вопрос, время которого ограничено 15 минутами, и затем следует также ограниченный 15 минутами ответ. Тайваньские парламентарии используют интерpellационное время с энтузиазмом. Например, на осенней сессии 1993 г. с интерpellациями выступили все члены Законодательной палаты, за исключением председателя и вице-председателей - всего 158 человек. При такой норме интерpellации занимают две трети всего времени, отведенного на парламентский процесс.

Поскольку премьеру Исполнительной палаты могут задаваться вопросы, касающиеся деталей, с ним на заседании легислатуры находятся не только министры, но и чиновники меньшего ранга. В результате официальные лица правительства тратят на участие в интерpellационных сессиях более чем по месяцу времени дважды в году. Кроме того, все министры и вице-министры должны быть готовы появиться в палате для интерpellаций комитетов каждый понедельник и среду в течение каждой четырехмесячной сессии парламента. Такое значительное отвлечение государственных должностных лиц от непосредственных обязанностей вызывает критику со стороны многих тайваньских комментаторов парламентской деятельности и ученых. Наиболее резко по этому поводу высказался профессор политологии Государственно-политического университета Се Фушэн: "Это действительно трата времени. Правительство чиновники сидят там, ничего не делая".

Сам характер и назначение парламентских интерpellаций заменяются депутатским шоу. При нормальном положении вещей интерpellации сосредотачиваются вокруг правительственной политики и ее проведения в жизнь. На Тайване же они в последние годы приобретают иной характер - члены палаты стараются приблизить их к интересам своих избирательных округов. Это опять-таки шанс показать избирателям, что они что-то для них делают. Действуя таким образом, они стремятся даже сначала задать вопрос на местном диалекте или даже на языке одной из групп аборигенов Тайваня, а затем уже на государственном (гоюй) с тем, чтобы это было зафиксировано видеоаппаратурой. Следует также упомянуть, что не преследуемые в уголовном порядке за свои высказывания в палате некоторые из ее членов используют интерpellации для персональных напдок на членов правительства. Так, в 1989 г. один законодатель без предъявления каких-либо доказательств обвинил тогдашнего премьера во внебрачных связях. Председатель палаты его не остановил, а дисциплинарный комитет никаких мер не принял. Нужно ли говорить, что такие скандальные ситуации охотнее всего подхватываются средствами массовой информации, что никак не способствует общественному имиджу палаты. Вокруг вопроса об интерpellациях, как и вокруг других парламентских институтов, среди тайваньских законодателей, администраторов и ученых идут дискуссии. Высказываются различные предложения об изменении процедуры интерpellаций (некоторые из них даже вносились в палату, однако не ставились на голосование). Отдельные законодатели, например, предлагают проводить интерpellационные заседания раз в неделю, а не концентрировать их в один или два месяца. Есть предложение и о концентрации интерpellаций в групповые. Предлагается также сужать интерpellацию до одного предмета. Авторы этого предложения считают, что установление специализированной повестки интерpellаций ограничит число министров, необходимых для присутствия на сессии. Тем самым будет меньше помех в повседневной деятельности Исполнительной палаты. Выносятся и предложение о том, чтобы интерpellации вносили представители партий, а не отдельные законодатели. Уже упоминавшийся выше профессор Се Фушэн считает вопрос об интерpellациях более глубоким, чем процедурный. Он считает, что возникающие в связи с этим проблемы берут начало в неадекватности основной политической системы и интерpellационного процесса. По действующей Конституции, объясняет профессор, легислатура должна давать согласие на назначение премьера, прежде чем он будет назначен президентом региона, однако не может его сместить вотумом недоверия. Этот вопрос не вставал до 80-х годов, когда Законодательная палата была придатком Исполнительной и интерpellации были лишь вежливыми процедурными упражнениями. Сейчас положение изменилось, развивается соперничество двух ветвей власти, в

котором интерpellации играют роль орудия законодательной ветви, тогда как нормально они должны быть орудием оппозиции.

Демократизация политической жизни и происходящие там изменения в структурах власти создали новую обстановку, которая, однако, продолжает регулироваться прежними правилами, разработанными для парламента-штампа. Тогда оппозиция в сущности не предусматривалась и подчерпнутые из западных конституций демократические положения были лишь украшениями авторитарного режима, поэтому на острове и раздаются требования о приведении законодательной, в том числе и конституционной, базы тайваньского парламентаризма в соответствие с новыми политическими реалиями.

Картина эволюции тайваньского парламентаризма была бы неполной без характеристики вспомогательных органов палаты и системы помощников законодателей. Аппарат палаты составляют секретариат, служба законодательных исследований, бухгалтерия и отдел кадров. В свою очередь секретариат включает в себя ряд подразделений, обеспечивающих работу палаты. Это сессионный отдел (с секторами повестки дня, заседаний и публикаций), центр документации (с секторами документации, секретности, досье, регистрации и курьерской службы), административный отдел, которому подчинены секция по общим делам, касса, протокол, социальная секция и поликлиника; кроме того, в подчинении секретариата находятся не имеющие подразделений пресс-бюро, библиотечно-справочный центр, стенографическое бюро и служба безопасности. Служба законодательных исследований имеет в своем составе секции законодательства, бюджета, перевода и компиляций (подборки фактов). Бухгалтерия и отдел кадров внутренних делений не имеют.

С 1990 г. Законодательная палата начала субсидировать своих членов на содержание первоначально двух персональных помощников, в 1922 г. - четырех и в 1933 г. - шести, каждый из которых ежемесячно получает 40 тыс. тайваньских юаней (1520 долларов США). Всего для 198 законодателей работает штат, насчитывающий тысячу человек. При этом некоторые члены палаты нанимают дополнительных помощников за свой счет. Например, законодатель от ДПП Чэнь Шуйбянь, как сообщается, нанял более 20 помощников. Персональные помощники парламентариев задействованы прежде всего на работе с законопроектами, подготовке интерpellаций и речей. При их посредстве осуществляется и связь с избирателями, которые на Тайване довольно активны. Например, член палаты от Гоминьдана Чжоу Фэнчжи за первые 3 года получил через помощников свыше 10 тыс. различных обращений от избирателей. Общеизвестно, что без помощников законодатели не смогли бы выполнять свои функции в изменившейся политической обстановке. Тем не менее, как явствует из тайваньских источников, среди парламентских служащих наблюдается большая текучесть кадров. Требования к их квалификации высоки; известно, например, что в 1993 г. 80% помощников обладали начальной ученой степенью бакалавра, а 20% были магистрами наук. При этом в большинстве своем это молодые люди в возрасте от 25 до 34 лет (68% общего состава). Однако эта работа не считается престижной и хорошо оплачиваемой, если иметь в виду затрачиваемую на нее энергию и время (отмечается, что более половины помощников законодателей работают больше чем 8 часов в день). На помощников до недавнего времени не распространялись ежегодные выплаты к китайскому Новому году в размере шестинедельного жалования, которые получали все гражданские государственные служащие. Не всегда им выплачивалась и заработная плата в размерах отпущенной на них правительственной субсидии - их наниматели-законодатели расходовал недоплаченные помощникам деньги на другие цели. Только в 1993 г.

правительственные субсидии помощникам законодателей стали переводиться непосредственно на их личные счета. Текучесть кадров связана и с нестабильностью положения помощников, которые зависимы от политической карьеры своих боссов (они могут и проиграть выборы). В мае 1993 г. был создан Союз парламентских помощников, через который они стараются отстоять свои права, стабилизировать свое положение. В частности, Союз выступает с предложением закрепить положение помощников в законодательстве так, чтобы они были независимы от избирательной судьбы законодателей.

Кроме персональных помощников законодатели в необходимых случаях могут обращаться за консультациями и другими видами помощи в Службу законодательных исследований палаты. В этой службе работают 14 квалифицированных специалистов. Они готовят доклады и исследования по внесенным законопроектам в качестве справочных материалов и отвечают на многие связанные с законопроектами вопросы законодателей. При этом, однако, в ходе подготовки выступлений по законопроектам члены палаты предпочитают опираться на персональных помощников, так как им важнее найти какой-то свой ракурс, а главное - чтобы привлечь внимание к себе в том числе и поиском скандальных моментов. Здесь им Служба законодательных исследований не помощник. Поэтому потенциал службы часто оказывается невостребованным законодателями и ее работники готовят материалы по своей инициативе и рассылают их всем законодателям. О дальнейшей судьбе этого вспомогательного подразделения Законодательной Палаты высказываются различные мнения, в том числе и о ее расширении (по примеру Конгресса США) с тем, чтобы персональные помощники больше сосредоточивались на административной помощи законодателям. Как бы этот вопрос ни был решен в дальнейшем, из организации и деятельности вспомогательных служб заметно, что тайваньский парламент при всех недостатках в его функционировании постепенно переходит в число реально действующих представительных учреждений и практически утратил прежнюю роль "резинового штампа" исполнительной власти, хотя, конечно, при господствующем положении в нем правящей партии Гоминьдан продолжает через парламентское большинство отражать интересы этой партии.

1. Эволюция политического режима на Тайване // ПДВ. - 1993. - N 5. - С. 83-86.
2. The Free China Journal. - 1994. - V. XI. - No. 30. - P. 1.
3. В литературе также именуется Законом о гражданских организациях
4. The ROC Yearbook 1994. - Taipei. - P. 111.
5. Здесь имеется в виду каждый член Законодательной палаты независимо от того, является он членом данного комитета или нет.
6. Free China Review. - March 1994. - V. 44. - No 3. - P. 14.
7. Ibid. - P. 20-21.
8. Ibid. - P. 25.
9. Ibid. - P. 25.

История и современность

Патронимия в истории Востока

© 1995

Ю.Иванов

Большая семья и другие патронимические структуры! Пожалуй, нет других институтов, которые в такой степени воплощали бы сегодня своеобразие традиций и менталитета Востока.

Происхождение этих структур относится к тому периоду, когда большинство восточных народов находились еще на стадии становления раннеклассового общества, материальным базисом которого обычно было переложное либо поливное земледелие. Хотя орошение издревле занимало важное место в хозяйственной жизни Востока, тем не менее у основной массы нескотоводческого населения переход от присваивающего хозяйства к производящему происходил на основе переложных методов возделывания земли, зачастую сочетавшихся с поливным земледелием.

Естественно, это не могло не накладывать свой отпечаток на складывавшиеся при этом экономические отношения. В частности, в условиях переложного земледелия не могло возникнуть ни частной собственности на землю, ни наследственного владения обрабатываемыми участками, напоминающего частную собственность, так как при таком ведении хозяйства обрабатываемые наделы через короткие промежутки времени забрасывались с целью восстановления их плодородия. Это в свою очередь требовало вовлечения в хозяйственный оборот новых девственных земель, так как заброшенные наделы превращались в целину. Причем период полного восстановления естественного покрова мог достигать 20-25 лет. Подобные методы обработки земли делали крестьянина заинтересованным не столько в обработке данного участка, плодородие которого быстро падало, сколько в использовании новых наделов в связи с тем, что истощенные земли он вынужден был забрасывать на длительный срок. Необходимым следствием явилось сохранение общественной собственности на землю, хотя это и не исключало, как будет показано ниже, существования частных форм монополии на нее.

Другая особенность переложных форм земледелия заключалась в том, что оно было бесплужным или палочно-мотыжным: с помощью мотыг и палог делались зольные кучи и ямки, практически не требовавшие обработки почв,

либо продольные или круглые грядки, куда высевались или высаживались клубнями растения. При этом вместе выращивались самые разнообразные культуры - на Востоке монокультурное возделывание однолетних практиковалось только на поливных землях. Такое ведение сельского хозяйства, с одной стороны, требовало тщательного ухода за выращивавшимися растениями, несовместимым с широким применением подневольного труда, с другой - определяло небольшие размеры возделываемых площадей.

Наконец, последняя по месту, но не по значению, особенность переложных форм земледелия заключалась в том, что оно, как правило, намного более трудоемко по сравнению с постоянной обработкой земли. Вырубки деревьев и кустарников, сбор горючего материала, периодические постройки жилищ, связанные с так называемым "сельскохозяйственным кочеванием", сооружение оград для защиты обрабатываемых участков от животных и т.п. требовало совместного труда сравнительно больших коллективов. Поэтому на Востоке основной производственной ячейкой в деревне была не индивидуальная малая семья, становившаяся таковой с переходом к постоянной обработке земли, а больше семейные коллективы, определявшие характер и формы складывавшихся здесь общинных отношений. Такие же коллективы существовали и в зонах орошения, где полив, расчистка и регулирование оросительной сети периодически требовали совместных трудовых усилий многих людей.

Как известно, К.Маркс и Ф.Энгельс, исследуя большую семью, которую они называли патриархальной, отмечали в этой связи, что современная семья содержит в зародыше не только "servitus (рабство), но и крепостничество, так как она с самого начала связана с земельными повинностями. Она содержит в миниатюре все те антагонизмы, которые позднее широко развиваются в обществе и государстве"¹.

Это была гениальная идея, которую из-за недостатка конкретно-исторического материала они не смогли в дальнейшем развить. Более того, рассмотрение патриархальной семьи южнославянскую задругу или большой семьи в русской деревне в годы ликвидации крепостного права обнаружило отмеченные антагонизмы даже в миниатюрной форме. "Южнославянская задруга, - пишет, например, Ф.Энгельс, - представляет собой наилучший еще существующий образец такой семейной общины (имеется в виду патриархальная семья - Ю.И.). Она охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут вместе одним двором, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и владеют излишком дохода. Община находится под высшим управлением домохозяина (domacin), который представляет ее перед внешним миром, имеет право продавать мелкие предметы, ведает кассой, неся ответственность как за нее, так и за правильное ведение хозяйства. Он избирается и отнюдь не старшим по возрасту... но высшая власть сосредоточена в семейной совете, в собрании взрослых членов общины как женщин, так и мужчин"².

В приведенном примере нет и намека на рабство и земельные повинности. И это не случайно, поскольку здесь мы имеем дело с разными типами большесемейных отношений. Марксово замечание об антагонизмах относится к большой семье эпохи завершившегося перехода от собирательства к производящему хозяйству, тогда как описываемая Энгельсом задруга, или русская большая семья XIX в. - к эпохе, когда семейная кооперация становилась основой кооперации капиталистической. Первый тип большой семьи предшествовал моногамной, второй являлся результатом развития последней. Сегодня факт возрождения задруги "из индивидуальных семей" убедительно доказан М.М.Фрейденбергом³. Что же касается русской большой семьи, то

Л.В.Данилова⁴, изучая историю землевладения и хозяйства в Обнежье и Подвинье, обнаружила, что еще в XIV-XV в. в связи с переходом к постоянной обработке земли возникшая на базе подсечного земледелия большая семья "становилась архаизмом",. Поэтому ее позднее возрождение имело совершенно иную экономическую основу, и она имела качественно иной вид.

Однако в советской научной литературе до сих пор происходит отождествление этих, относящихся к разным эпохам, больших семей. Типичным примером в этом отношении может "служить универсальное определение большой семьи, предложенной этнографами. "Она объединяет несколько нисходящих или боковых родственников - потомков одного отца с их женами и детьми, связанных общей собственностью, производством и потреблением, а также властью главы семейной общины, культом и т.п."⁵. Фактически здесь мы имеем дело с определением семьи эпохи зарождения капитализма, т.е. семьи, не имеющей ничего общего с большой семьей эпохи становления классового общества. Об этом убедительно свидетельствуют, например, во многом еще сохранившиеся до наших дней большесемейные отношения в Тропической Африке.

В доколониальный период африканская большая семья объединяла в основном имевших свои индивидуальные хозяйства свободных и несвободных людей, подчиненных власти ее главы, который, распоряжаясь землей, взимал с них ренту. В целом в такой семье, хотя и сохранялась периодическая кооперация, не было ни общего производства, ни общего потребления, или иначе говоря черт, которые в нашей литературе нередко характеризуются как первобытно-коммунистические.

У земледельческих народов глава большой семьи распоряжался землей. Он мел свой отдельный участок, на котором трудились его домочадцы. Урожай, собранный с него, хранился отдельно в его зернохранилище и он распоряжался им по своему усмотрению. Но наряду с его участком был надел жены и женатых домочадцев, существовавших за счет их обработки и делавших подношения главе большой семьи. Однако право обрабатывать такие наделы они получали лишь с разрешения последнего. "Даже, если женатый сын, - пишет американский исследователь Е.Винанс, - осваивал необработанную землю, отец по традиции предъявлял свои права"⁶.

Совершенно очевидно, что эти отношения органически включали земледельческие повинности. Их содержанием были отработки домочадцев за разрешение обрабатывать участок, за счет которого они существовали, за содержание в хозяйском доме и т.д. Как известно, отработки - характерная черта феодальной формации. "Отработки - хозяйственная сущность крепостного строя, - подчеркивал В.И.Ленин, - В капиталистическом строе несостоятельный человек должен продать свою рабочую силу, чтобы купить средства к жизни. В крепостном строе несостоятельный должен отработать те средства к жизни, которые он получил у помещика"⁷.

Еще более явно такие отношения прослеживаются в общине, где как бы в расширенном масштабе воспроизводились основные черты производственных связей, складывавшихся в больших семьях. Основу общины составляли лица, связанные с ее главой родством по крови или браку. Как подчеркивает английский этнограф М.Глукен: "Узы родства между главой общины и ее жителями могут меняться от племени к племени, и даже в отдельной деревне могут проживать различные родственники, однако глава общины всегда считается старшим среди них"⁸.

Староста деревни становился, таким образом, центром притяжения родственников. Но это достигалось не его местом в системе родственных связей как таковым, а его правом разрешать крестьянам селиться в деревне и,

следовательно, обрабатывать землю. Причем наделение землей происходило обычно не непосредственно (выделением определенного надела), а косвенно - через разрешение главы общины проживать в деревне. По удачному выражению английского исследователя С.Уригли, "право крестьянина на землю было синонимом его жительство"⁹.

Только принадлежность к общине, являвшаяся "синонимом жительство" давала возможность крестьянину обрабатывать землю. Система косвенного наделения землей в условиях отсутствия частной собственности на землю и наличия необрабатывавшегося земельного фонда была одной из предпосылок контроля глав патриархальных общин над землей, обрабатывавшейся крестьянами. Этот контроль позволял взимать с жителей деревни ренту в пользу главы общины в виде работ в его хозяйстве и различного рода подношений, представлявших в сущности оброки¹⁰. Подобные факты опровергают ставшие ходячими предрассудками утверждения о том, что эксплуатация человека человеком возможна только в условиях существования частной собственности на землю.

Вместе с тем в рассматриваемом нами случае ни патриархально-феодальное хозяйство главы большой семьи, ни патриархально-феодальное хозяйство главы общины в силу неразвитости отношений еще не окончательно отделилось от общинников и не базировалось целиком на извлечении ренты. Их семьи вместе с другими жителями деревни обязаны были принимать активное участие в совместных работах по сооружению жилищ, расчистке участков, в занятиях охотничьими и рыболовными промыслами. Такая кооперация в рамках общины как бы на более высоком уровне воспроизводила кооперацию между домохозяевами большой семьи. Таким образом, процесс социальной поляризации в общине не достиг еще такой стадии, когда феодальное хозяйство окончательно отделилось от нее. Это указывает на относительную неразвитость феодальных отношений внутри большой семьи и общины, а также на узость их экономической базы, поскольку феодальная эксплуатация ограничивалась преимущественно кругом лиц, связанных родством.

Ко времени прихода колонизаторов у многих африканских народов сохранились патронимические объединения патриархальных общин. В западной литературе их обычно называют линидажами. Отношения в таких объединениях между общинами строились на принципах большесемейной иерархии.

Их главы распоряжались землей и эксплуатировали жителей своих деревень, хотя далеко не все жившие на этих землях были их родственниками. При этом распад старых и возникновение новых патронимических объединений были обусловлены не узами родства, а имущественным положением. "Индивидуумы, - подчеркивает английский исследователь Л.Фоллерс, - которые выдвинулись вне рамок патронимического объединения, воздействуют на него, создавая свое собственное объединение. Возникнув таким путем, новое патронимическое объединение может в конце концов достигнуть той стадии своего развития, когда оно порывает со старым и становится самостоятельным"¹¹.

Подобные модификации родственных связей - вообще характерная черта рассматриваемой эпохи. Например, при определенных обстоятельствах домохозяец покидал свою большую семью и присоединялся к другой, изменяя тем самым общинную мозаику отношений родства. "Глава большой семьи, - пишет, в частности, английский исследователь Е.Уинтер, - не мог заставлять чрезмерно трудиться домохозяцев, так как ...они всегда имели возможность покинуть его, если только этого желали"¹². Таким образом, как подчеркивал еще Г.В.Плеханов, "не родственные отношения определяли экономические, а экономические определяли родственные"¹³.

В целом патронимические отношения складывались на трех качественно разных уровнях - в семье, общине и патронимическом объединении общин. Каждый из них отражал определенную стадию становления на базе переложного земледелия феодальных связей, в основном еще не выходящих за рамки отношений родства. Между родовой и государственной формами организации общества существовал длительный период, в течение которого господствующее положение занимала патронимия. В ее рамках происходило зарождение тех самых классовых антагонизмов, которые в конечном счете привели к возникновению государства. Вместе с тем это не исключало того, что указанные антагонизмы еще не сопровождались здесь четкой классовой поляризацией общества, представленного объединением патронимических структур, поскольку зарождавшиеся противоречия еще не выходили за рамки индивидуальных патронимических форм, принадлежность к которым определяла все стороны жизни индивида.

Тропическая Африка отнюдь не стоит в стороне от мирового развития. Как доказано исследователями, патронимия с присущими ей структурами - большой семьей, общиной и патронимическим объединением общин - составляет существенный момент исторического развития и Азии. Об этом свидетельствуют, например, фундаментальные исследования советских индологов М.К.Кудрявцева, Л.Б.Алаева, А.А.Куценкова и др.¹⁴. Патронимия издревле существовала в этой стране. Отношения в общине строились на большесемейной основе. Как и в Тропической Африке, в ней была эксплуатация человека человеком, эксплуатация "многочисленного неполноправного земледельческого, скотоводческого и тому подобного населения"¹⁵, втянутого в разнообразные арендные отношения, а также существовавшего за счет отработок за продовольствие и одежду. Вместе с тем патриархально-феодалное хозяйство глав общины (первичных заминдаров, по терминологии К.Хасана) еще окончательно не отделилось от крестьянского. В этой связи нельзя не согласиться с выдвинутым Л.Б.Алаевым тезисом о том, что первичных заминдаров "нельзя противопоставлять ни феодалам, ни крестьянам, поскольку этот слой включает определенные части обоих классов"¹⁶. Классовые различия здесь еще лишены четкости, они размыты и камуфлируются патронимическими связями.

Подобно Тропической Африке, в Индии существовали и патронимические объединения, строившиеся на принципах большесемейной иерархии. Существенной чертой заминдарского землевладения была его клановость, отмечает Л.Б.Алаев. Владения клана получали разные названия, но наиболее распространенным стало "чаураси"¹⁷. Такие объединения могли охватывать десятки деревень.

Отмечая общие черты патронимических структур в Тропической Африке и Индии, мы вместе с тем не упускаем из вида того, что рассматриваемая индологами община находилась на более высоком витке исторического развития, что, разумеется, не могло не повлечь за собой существенных различий между ними. Во-первых, если в Тропической Африке основным источником дохода с земельного участка, принадлежавшего главе общины, была отработочная рента, то в описываемой индийской общине таким источником уже служила более высокая форма ренты, а именно продуктовая, за счет сдачи земли в аренду. Это позволяет предположить, что в Индии участок главы общины при прочих равных условиях занимал большую площадь, чем в Тропической Африке, и что здесь уже наметилась тенденция обезземеливания общинников. Во-вторых, в Тропической Африке накануне прихода колонизаторов внутриобщинное отделение ремесла от земледелия (в рамках натурального обмена) и связанные с ними касты еще только зарождались. Об этом свидетельствуют, в частности,

результаты исследований Л.Е.Куббеля, Ю.М.Кабишанова и других советских африканистов¹⁸. "В отдельных наиболее обширных и развитых государствах области южных саван, - пишет, например, Ю.М.Кабишанов, - родовые "цеха" ремесленников расселялись добровольно или по приказу царей среди иноплемennого населения, находились на пути превращения в замкнутые касты. Впрочем ремесленные касты здесь лишь начинали складываться"¹⁹. Но это не исключало существования в отдельных районах Тропической Африки как ремесленников, уже окончательно порвавших с сельским хозяйством, так и их патронимических эндогамных объединений"²⁰. В целом же подобные эндогамные объединения могли быть, по-видимому, в лучшем случае лишь небольшими вкраплениями в систему बहुсемейных отношений, возникших на основе занятий земледельческим трудом.

Иначе обстояло дело в Индии, где то, что в Тропической Африке еще только зарождалось, здесь превратилось в стройную систему: многие виды ремесел и услуг, отделившись в рамках натурального обмена от земледелия, превратились в занятия каст. Само земледелие, продолжавшее занимать ведущее место в экономике, также приобрело замкнутый кастовый характер. Кастовые отношения, следовательно, стали пронизывать все общество. В Африке, Китае, Японии, пишет в этой связи М.К.Кудрявцев, "мы находим только некое подобие кастовой организации, отдельные черты, напоминающие ее и распространенные в сравнительно ограниченных кругах общества, тогда как в Индии это строгая социальная система охватывает и пронизывает общество сверху донизу. Поэтому напрасно было бы смешивать понятие "кастовая организация" с отдельными ее признаками, подменять или пытаться разъяснить это явление каким-либо другим более доступным понятием"²¹.

Эта "кастовая организация" представляла собой иерархию профессионально специализированных патронимических объединений, в которой занятые в земледелии составляли лишь одну из ее составных частей, поэтому в Индии в отличие от Африки община уже не имела единой системы патронимических отношений, определявшей основную канву ее социальной ткани. Она распалась на иерархизированные сегменты замкнутых патронимических групп, каждая из которых имела свою профессиональную специализацию.

В своей структуре касты копировали те самые патронимические отношения, которые первоначально сложились в сельском хозяйстве на базе переложного земледелия. А так как статус каст был строго ранжирован, навсегда определяя общественный статус человека соответственно его кастовой принадлежности, то это неизбежно должно было повлечь за собой эндемичность кастовых образований. Таким образом, как пишет А.А.Куценков, "индийскую сельскую общину можно было бы определить как систему разделения труда между деревенскими подразделениями различных каст"²². В такой общине патронимические отношения в известном смысле как бы отходят на задний план, став внутренним делом каст.

Не вдаваясь в подробности, отметим здесь лишь два момента. Во-первых, касты множились не только по мере роста разделения труда, вызванного потребностями производства, но и по мере разделения труда, обусловленного развитием самого кастового строя, составлявшего основной социальной фон индийского общества. Устанавливая строгие предписания поведения лиц разных каст, этот строй нуждался в многообразном их исполнении, требовавшем дальнейшей детализации разделения труда. И, во-вторых, расщепление старых каст и возникновение новых зачастую было обусловлено имущественным положением основавших их лиц. Часто расщепление каст, отмечает, например, Д.Хаттон, было результатом "попыток зажиточных элементов низкой касты

бросить на произвол судьбы своих бедных собратьев и подняться в своем социальном положении"²³. Изменения, как в системе патронимических объединений, так и в них самих, как следствие экономических изменений, вообще, по-видимому, характерная черта рассматриваемых структур.

Весьма подробно исследована специалистами и патронимия в Китае, где большая семья была, как пишет Н.И.Тяпкина, патрилинейной, патрилокальной и патриархальной. На ее основе возникали патронимические объединения, которые советские исследователи обычно называют кланами. Судя по исследованиям китаистов, патронимические общины имели здесь различные модификации, но на Юге Китая мы встречаем такую, которая в своих существенных чертах близка к рассмотренной нами общине Тропической Африки. Ее весьма подробно исследовала, в частности, Н.И.Тяпкина²⁴.

Такая община объединяла в основном лиц, находившихся в той или иной степени родства с ее главой (шэньши). "В руках шэньши, - пишет Н.И.Тяпкина, - обычно находился контроль над общей собственностью клана с землями, денежными средствами, запасами зерна и пр. Они в качестве управляющих общим имуществом кланов обладали правом сдачи в аренду клановой земли (что фактически позволяло им распоряжаться ею по собственному усмотрению и даже присваивать лучшие клановые земли) и сбора арендной платы, решали, как и на что тратить общие средства кланов, от них зависели условия и сама возможность получения кредита под низкие проценты"²⁵.

Наряду с землей и имуществом, находившимся в распоряжении шэньши, были индивидуальные наделы, обрабатывавшиеся общинниками, но это не была индивидуальная собственность. "Индивидуальная собственность на землю, при которой владелец мог бы абсолютно распоряжаться ею, в Китае практически отсутствовала. Право распоряжения всем семейным имуществом и прежде всего землей принадлежало главам семей"²⁶.

Общинники эксплуатировались шэньши, заставлявшими их выполнять различного рода повинности и платить сборы, "нормы которых обычно устанавливались в соответствии с количеством принадлежавшей той или иной семье земли, однако могли зависеть и от других факторов - числа взрослых мужчин, количества скота, формы землепользования (собственная земля или аренда) и т.д."²⁷.

Хотя описанные Н.И.Тяпкиной китайские патронимические структуры характерны для эпохи уже относительно развитых товарно-денежных отношений, тем не менее они имеют те же многие существенные черты, что и община Тропической Африки, включая существование в форме патриархально-семейных отношений земледельческих повинностей и соответствующих им антагонизмов.

Рассмотренные африканская, индийская и китайская общины - однопорядковый феномен, представляющий патронимию на разных стадиях исторического развития. Африканская община "ту", когда еще только зарождались раннеклассовые отношения и ремесло, как правило, еще не отделилось от земледелия; индийская община, когда феодальные связи уже достигли известной зрелости и это отделение происходило преимущественно в рамках натурального обмена и, наконец, китайская, когда отделение ремесла от земледелия осуществлялось на почве товарно-денежных связей и уже зарождался капитализм.

Сказанное не означает, что указанные страновые патронимические структуры находились вне исторического развития. Более того, так или иначе они претерпели историческую эволюцию, начиная от эпохи раннеклассовых отношений и кончая эпохой развития капитализма, что не исключает, конечно, ни своеобразий их прохождения, ни различий в прохождении этапов по

врсмени - в Тропической Африке эта эволюция охватывает, например, значительно меньший период, чем, скажем, в Индии и Китае. Поэтому представленный читателю фактический материал лишь пространственно фиксирует ряд важнейших этапов развития патронимии в истории Востока.

Возникше в эпоху, когда еще только складывались классовые отношения, большая семья и другие патронимические структуры сохранились на Востоке до наших дней. Но это объясняется отнюдь не отсталостью, а тем, что в отличие от Запада переход от переложных форм земледелия к постоянной обработке земли здесь еще далеко не завершен. Так, по оценке П.А.Санчеса, сделанной в начале 70-х годов, на долю переложного земледелия приходилось 45% территории Тропического пояса, тогда как на земледелие, связанное с постоянной обработкой земли - 21% этой территории²⁸. "Во многих тропических районах, - подчеркивается в сборнике "Расчистка земли для посева и развития земледелия в Тропиках", - нет альтернативы переложным методам возделывания земли. Постоянная ее обработка в целях производства продовольствия оказывается непригодной ни с агротехнической, ни с экономической точек зрения"²⁹.

Современная наука при всех своих колоссальных достижениях во многих случаях пока не в состоянии дать экономически пригодного решения таких проблем, как предотвращение в экваториальной зоне ветровой и водной эрозии почв на обширных ежегодно обрабатываемых пространствах, преодоление ускоренной минерализации органических веществ, которая в тропиках из-за высокой температуры протекает в 40 раз быстрее, чем в зонах умеренного климата, а также негативных последствий применения современной техники. "При применении механизации и мощных почвообрабатывающих орудий, - указывается в сборнике "Характеристика и основы обработки почв в тропиках и субтропках", - эта скорость (имеется в виду скорость разрушения органических веществ - Ю.И.) увеличивается в несколько раз. Резкое снижение содержания гумуса в почве приводит к обесструктуриванию пахотного горизонта и ухудшению водного, воздушного, теплогового и питательного режимов растений"³⁰. Естественно, что без решения подобных проблем переход к интенсивным методам возделывания богарных земель в тропическом поясе невозможен.

Как известно, переложное земледелие как ведущая форма хозяйствования свойственно отнюдь не только Востоку. Подсечно-переложное земледелие и патронимия существовали в Западной Европе еще во времена Цезаря. Ее признаки нетрудно обнаружить и в тексте первого тома "Истории государства Российского" Карамзина, а также в последующих исследованиях, посвященных истории восточноевропейских славян. Различие же с Востоком заключалось в том, что Западу потребовалось значительно меньше времени, чтобы преодолеть ограниченность переложного земледелия. Но это объяснялось отнюдь не превосходством "белого человека", а особенностями зоны умеренного климата, где в те далекие времена практически не было ветровой и водной эрозии почв, лесной покров восстанавливается замедленно и происходит естественное накопление гумуса при температурах ниже 25 С³¹. Все это создало благоприятные условия для перехода от подсечно-переложных методов возделывания земли к постоянным, а вместе с ними от мотыжной обработки к пашенной. Следствием такого перехода были, с одной стороны, закрепление земли в наследственное владение либо в частную собственность, с другой - превращение малой семьи в самостоятельную хозяйственную единицу, повлекшее за собой отмирание патронимии. В Европе частное землевладение малых семей - сравнительно ранний институт. Оно отмечается в источниках еще в V-VI веках³².

За последние два тысячелетия сельское хозяйство Европы претерпело колоссальную эволюцию от примитивно-переложных методов обработки земли до индустриальных способов ведения сельского хозяйства. В этой связи представляет интерес классификация систем богарного земледелия, данная профессором П.Н.Ивончиком (см. ниже), раскрывающая основные этапы развития европейского земледелия.

Уже экстенсивное земледелие, связанное с использованием паров (трехполье) не оставило места для патронимии и ее структур. Еще более далеки от нее в качестве экономической основы были переходные и интенсивные методы обработки земли. Поэтому с зарождением капитализма, когда семейная кооперация на его ранних стадиях становилась основанием кооперации капиталистической, возрождавшаяся на новом экономическом базисе большая семья уже не имела ничего общего со старой патронимией и затем постепенно сошла на нет по мере того, как капиталистические отношения приобретали зрелый характер.

Классификация систем богарного земледелия¹³

Характеристика земледелия	Факторы восстановления естественного покрова	Наименование системы земледелия
Примитивные	Лесная поросль Залежь	Подсечно-огневая Залежная
Экстенсивные	Перелог Выгон + обработка + удобрения Сидеральный пар + обработка + удобрения	Переложная Выгонная Сидеральная
Переходные	Многолетние травы + обработка + удобрения	Травнопольная
Интенсивные	Правильная система обработки почвы, внесение удобрений и чередование культур	Плодосменная Пропашиная Зернопропашиная Зернотравная

Иначе обстояло дело на Востоке, где, согласно приведенной классификации, на обширных территориях до сих пор практикуются преимущественно лишь примитивные и экстенсивные методы обработки земли, хотя и в новых условиях, когда в ходе развития капитализма развиваются товарно-денежные отношения и повсеместное распространение получили как частная земельная собственность, так и частное землевладение, а старые патронимические институты приходят в упадок. Но это лишь одна сторона процесса. Другая - рост больших семей на базе неразвитых капиталистических отношений. Исследования показывают, что основу рабочей силы зажиточных хозяйств неформального сектора как в городе, так и в деревне сплошь да рядом составляют члены больших семей их владельцев¹⁴.

Если в Европе на низших стадиях капитализма возрождение большесемейных отношений происходило на базе разрастания моногамных семей, то на Востоке к этому моменту еще сохранялись формы большесемейных отношений, истоки зарождения которых уходили в эпоху существования раннеклассового общества. Развитие капитализма как бы вдохнуло вторую жизнь в традиционную большую семью, тогда как остальные формы патронимических объединений переживают глубокий упадок.

В частности, во многих районах субтропиков, где уже осуществлен переход к экстенсивным методам обработки земли, патронимическую общину сменила соседская типа известной германской общины - марки. Вот как, например, описывает поземельные отношения в такой общине у арабов А.Д.Давыдов. "В глубинных степных районах Сирии, Ливана, Иордании, Палестины, Туниса первоначально при завоевании или освоении новых, преимущественно неполивных... земель и образовании земледельческой общины всю площадь, отведенную под пахоту, делили на несколько крупных массивов. Каждый массив включал зоны, различавшиеся по качеству земли и степени ее удаленности от деревни. В Сирии и Ливане такие массивы назывались "мавки" (местоположение). Они в свою очередь подразделялись на более мелкие участки - "коны" одинакового качества. Наконец, конь нарезали на множество узких и длинных полос по числу "хозяйственных единиц" - семей. Всем семьям отводили по одной полосе в каждой из зон массива, и, таким образом, совокупные семейные наделы не отличались друг от друга по качеству"³⁵.

В этой связи для читателя может представить интерес описание Ф.Энгельса поземельных отношений в германской общине - марке. "Вся пахотная земля, поля и луга, - пишет Ф.Энгельс, - соединяется в один общий массив и делятся на некоторое число "конов" в зависимости от расположения и качества почвы. Каждый кон в свою очередь делится на столько равных частей в виде длинных и узких полос, сколько правомочных членов имеется в общине; эти части распределяются между ними по жребию, так что каждый член общины получает первоначально равную долю в каждом коне, т.е. от каждого участка, отличающегося своим расположением и качеством почвы"³⁶. История через все многообразие с замечательным постоянством свидетельствует о единстве исторического процесса развития человечества. Поразительное сходство германской общины с арабской не подлежит сомнению. Все сходится один к одному.

Возникшая в период становления раннеклассового общества патронимия на Востоке имеет намного более длительную историю, чем в Европе. Сохранение переделочного земледелия позволило ей органически вписаться в феодальное общество Востока. Начавшаяся капиталистическая трансформация этого общества так или иначе обеспечила ей соответствующую нишу. Тем не менее ее судьба обречена. Развитое товарно-денежное хозяйство несовместимо с существованием патронимии. Однако, как показывает жизнь, даже после полного исчезновения экономического базиса остатки патронимических отношений, приспосабливаясь к новым обстоятельствам, еще долго продолжают сохраняться, чему способствует порожденный на бытовом уровне в прошлом менталитет, т.е. уровень, наиболее устойчивым по отношению к происходящим в обществе изменениям.

1. Марке К. ПСС. - Т. 45. - С. 249-250.
2. Энгельс Ф. Соч. - Т. 21. - С. 62.
3. См. Фрейденберг М.М. Крестьянство на Балканах в XII-XVIII вв. - Калинин, 1984. - С. 12.
4. Данилова Л.В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV-XV вв. - М., 1955. - С. 272. следует отметить, что ни Л.В.Данилова, ни М.М.Фрейденберг не вычлениют большие семьи разных эпох.
5. Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и социо-нормативная культура. - М., 1986. - С. 111-112.

6. The Family Estate in Africa. Studies in the Role of Property in Family Structure and Zineage Continuity/Ed. R.Gray and P.Gulliver. - Z., 1964. - P. 50.
7. Ленин В.И.. ПСС. - Т. 2. - С. 495.
8. Gluckman M.Order and Rebellion in Tribal Africa. - N.Y., 1963. - P. 148.
9. Wrigly C.Crops and Wealth in Uganda. - Kampala, 1959. - P. 10.
10. См. Аграрный вопрос и крестьянство в Тропической Африке. - М., 1964. - С. 136.
11. Fallers L.Bantu Bureaucracy. A Centuru of Political Evolution among the Busoga of Uganda. - Chicado, 1965. - P. 7.
12. Winter E.H. Bwamba Economy. The Development of a Primitive Subsistence Economy in Uganda. - Nampala, 1953. - P. 106.
13. Плеханов Г.В. Поземельная община и ее вероятное будущее. Соч. - Т. 1. - С. 93.
14. См. Кудрявцев М.К. Община и каста в Хиндустане. - М., 1971; Алаев Л.Б. Сельская община в Северной Индии. - М., 1981; Куценков А.А. Эволюция индийской касты. - М., 1983 и др.
15. Алаев Л.Б. Сельская община... - С. 58.
16. Там же. - С. 146.
17. Там же. - С. 158.
18. См. например, Куббель Л.Е. Сангайская держава. - М., 1974; Кабицапов Ю.М. мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах. - М., 1982.
19. Кабицапов Ю.М. мелконатуральное производство... - С. 154.
20. Там же. - С. 154, 155.
21. Кудрявцев М.К. Община и касты в Хиндустане... - С. 43.
22. Куценков А.А. Эволюция индийской касты... - С. 137.
23. Там же. - С. 137.
24. Тяпкина Н.И. Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая. - М., 1984.
25. Там же. - С. 100-101.
26. Там же. - С. 59.
27. Там же. - С. 128.
28. Sanchez P.A. Properties and Management of Soils in the Tropics. - Z., 1976. - P. 38.
29. Zand Clearing and Development in Tropics. - Boston, 1986. - P. 6.
30. Характеристика и основы обработки почв в тропиках и субтропиках. - Краснодар, 1975. - С. 3-4.
31. Ивончик П.Н. Система земледелия в условиях тропиков и субтропиков. - Киев, 1984. - С. 18.
32. См. Энгельс Ф. Соч. - Т. 19. - С. 333.
33. Ивончик П.Н. Системы земледелия... - С. 12.
34. См. например, Иванов Ю.М. Аграрный вопрос и формирование армии наемного труда в Тропической Африке. - М., 1974; Иванов Ю.М. Урбанизация и формирование городского пролетариата. - М., 1985; Растяников В.Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. - М., 1973.
35. Давыдов А.Д. Сельская община и патронимия в странах Ближнего и Среднего Востока. - М., 1979. - С. 68.
36. Энгельс Ф. Соч. - Т. 19. - С. 331-332.

Пятой колонны не получилось

© 1995

В. Кузнецов

В 1931 г. Япония, захватив Маньчжурию, взяла курс на завоевание Китая. В осуществлении своих захватнических устремлений японское руководство рассчитывало использовать в качестве "пятой колонны" китайских мусульман.

Для военно-политических руководителей Японии они представлялись подходящим инструментом японской экспансии по следующим соображениям: в религиозном отношении, в расовом и, в некоторой степени, социальном китайские мусульмане чувствовали себя в стороне от громадной массы китайцев-немусульман и составляли важное меньшинство или даже большинство в некоторых районах, которые имели важное стратегическое значение для японцев¹.

При этом отношения между мусульманами и немусульманами были традиционно неприязненными. К тому же в памяти людей еще были живы воспоминания об ужасах, связанных с мусульманскими восстаниями конца XIX в. "Но для обычного жителя северо-запада, будь то китаец или маньчжур. "хуэй-хуэй", как они (мусульмане. - В.К.) именуются, одинаково есть объект ненависти и страха. Ужас последнего магометанского восстания еще дает себя знать: могилы, пещеры, сухие колодцы, укрепления на холмах еще остаются свидетельствами страха. И конца еще нет"².

По расчетам японцев, сплоченность мусульман и их воинственность сделала бы их более подходящим орудием, чем, например, гораздо более многочисленные китайские буддисты³.

После захвата Маньчжурии и создания Маньчжоу-го японский интерес к проблеме ислама в Китае переходит в сферу политической практики. До этого японская компания Южно-Маньчжурской железной дороги и Квантунская армия вели изыскания, связанные с исламом. Упор был сделан на сбор информации о мусульманских руководителях, которые работали на северных милитаристов, так как они, вероятно, были бы более подходящими в конечном счете для использования японцами, нежели чем прочие мусульмане⁴. С созданием Маньчжоу-го многие мусульмане оказались под властью японской военщины.

Для контроля над ними и одновременного оказания влияния на мусульман в Северном Китае в июле 1932 г. японцы создали Исламскую лигу (Ислам шэхуэй) в Синьцзине (Чанчунь) - столице Маньчжоу-го. Основателем лиги был Кавамура Кёдо, член "Общества Черного Дракона", который много

лет ранее был направлен изучать китайских мусульман.

Действуя под эгидой Общества согласия, однопартийной организации, учрежденной японцами, Исламская лига имела 166 отделений в Маньчжурии с общим количеством членом-мусульман 15 тыс. человек. Она издавала периодическое издание "Ислам" ("Исулань"). Кроме него во время японской оккупации Маньчжурии были созданы по меньшей мере еще два исламских периодических издания: "Хуэй гуан юкань" (ежемесячник "Свет ислама"), который начал издаваться в Синьцзине в 1934 г. и "Синь ши бао юкань" (ежемесячник "Пробуждение"), учрежденный в Мукдене (Шэньян) в июне 1937 г.

Вскоре после создания Лиги в Дайрене была основана просветительная организация, известная как Институт исламской культуры (Хуэйцзяо вэньхуа сюэюань). Возглавил его Чан Дэцзюнь. Сакума Сэйдзиро, основавший в 20-х годах в Шанхае первую исламскую организацию, поддерживаемую Японией, в своем памфлете (изданном в 1923 г.) назвал Чан Дэцзюня в качестве муллы Северной мечети в Мукдене. В 1938 г. на церемонии открытия новой мечети в Токио Чан Дэцзюнь присутствовал в качестве официального делегата от Маньчжоу-го. Свою деятельность Институт начал с 80 мусульман, изучавших исламскую культуру. К 1942 г. было выпущено два класса, число обучавшихся в которых превысило 100 человек⁵.

События вокруг мусульманства в Маньчжоу-го достигли апогея в 1935 г., когда в ислам был обращен член императорской "правящей" фамилии Пу Гуан, молодой кузен императора Пу И. По сообщению каирского еженедельника "Аль-Фатх," в 1935 г. ему было дано мусульманское имя Али и его обращение в ислам явилось результатом длительного интереса к магометанству, относящегося к тем дням, когда он ещё жил в Пекине. Обращению Пу Гуана, возможно, способствовало также то обстоятельство, что его жена уже была мусульманкой. Афганское периодическое издание "Кабул" сообщило в своем выпуске от 22 марта 1935 г., что она была в числе первых, кто получил экземпляр Корана, когда он распределялся на митинге в Токио в августе 1934 г. в Институте по изучению ислама, японской организации, основанной в Токио в 1925 г. "Кабул" поместил фотографию принцессы, державшей копию Корана⁶.

После 1935 г. Пу Гуан и его жена играли важную роль в японских мероприятиях, связанных с исламом. Они были заметными делегатами среди представителей многих стран, присутствовавших на освящении мечети в Токио в 1938 г. Тогда Пу Гуан будто бы сделал заявление, в котором указал, что глубокое уважение японцев к исламу побудило его стать мусульманином. Пример Пу Гуана, по расчетам японских правящих кругов, должен был вызвать определенный резонанс в умонастроениях мусульман в остальных частях Китая и способствовать положительному сдвигу в их отношении к Японии.

После инцидента у Лугоуцяо, положившего начало полномасштабной агрессии Японии, японское военно-политическое руководство, намереваясь использовать исламский фактор в борьбе против гоминьдановского режима, налаживает интенсивный сбор разведывательных данных о мусульманах в собственно Китае. Главный орган, координирующий эту деятельность, находился при исследовательской группе в японском министерстве армии. Ежемесячная сводка данных публиковалась в секретном издании "Состояние ислама", рассылавшимся в высшие инстанции для ознакомления⁷.

Захват Северного Китая японцами в 1937 г. явился важным поворотным пунктом в политике Японии в отношении китайских мусульман. В планы японского руководства входило склонить к коллаборационизму определенных представителей мусульманской общины Китая, в той или иной степени подключить ее к управлению оккупированными территориями. 14 декабря

1937 г., т.е. на следующий день после занятия Нанкина японской армией, японцы создали Временное правительство Китайской республики. Эта администрация включала в себя мусульманскую ассоциацию⁸.

"Новый порядок", насаждаемый японцами на оккупированной территории Китая, предусматривал соблюдение мусульманской религиозной обрядности. Причем речь шла, очевидно, не только о соблюдении "мусульманских религиозных церемоний". Забота японских оккупационных властей о сохранении авторитета главы семьи, сильных семейных уз отвечала и традиционным бытовым представлениям, определявшим уклад жизни ортодоксальных членов мусульманской общины.

Основным средством идейно-организационного контроля за мусульманами японские оккупационные власти считали создание конфессиональных организаций на занятых территориях.

В Маньчжурии, которая явилась первоочередным объектом японских захватов, после 1937 г. создается "Лига мусульман Маньчжоу-го" ("Маньчжоу-го хуэйцзяо миньцзу шэхуй"). Она заменила прежнюю Исламскую лигу, созданную в Синьцзине в 1932 г. Первоочередной целью новой лиги было активизировать антикоммунистические настроения среди ее членов. Например, информационное агентство Домэй сообщало из Харбина в 1938 г., что 20 тыс. мусульман Харбина "сильно желали" сотрудничать с японцами в борьбе против коммунизма⁹.

С 1931 по 1937 г. Маньчжурия была базой, с которой направлялась японская деятельность среди мусульман в остальных частях Китая, где японцы опробовали приемы, позднее применявшиеся в больших масштабах в собственно Китае¹⁰. После 1937 г., однако, центр тяжести исламистской деятельности японских правящих кругов был перенесен в Бэйпин, бывший в течение долгого времени культурным центром китайского ислама, тогда как функцией Маньчжурии стало прежде всего то, что она обеспечивала обученным мусульманским персоналом организационную работу к югу от Великой стены.

Семь месяцев спустя после начала войны с Китаем, т.е. 7 февраля 1938 г., в Бэйпине состоялось официальное открытие под эгидой японского правительства Всекитайской мусульманской лиги. На церемонии открытия помимо китайских мусульман присутствовали и многие видные японцы, включая генерал-майора Кита Сейичи, важную фигуру в Северном Китае после его оккупации¹¹. Душой лиги был японец Такагаки Шинцзо, принявший ислам и носивший имя Абдулла¹².

Расходы бэйпинской штаб-квартиры превышали 500 тыс. новых китайских долларов ежегодно и покрывались управлением особых дел японской армии¹³. Зависа от нее в финансовом отношении, Лига была обильно укомплектована японскими "советниками".

Лига имела свой флаг: белый полумесяц на правой стороне зеленого диска, с двумя белыми звездами в рогах полумесяца, разделенными горизонтальной красной полосой.

Своими целями Лига провозглашала: "В международном плане содействовать тесным связям между Китаем, Японией и Маньчжоу-го; стойко противостоять коммунизму; решительно поддерживать и защищать Новый порядок; распространять азиатскую культуру; оберегать вечную религию (Ислам). Внутри страны объединить всех единоверцев-мусульман; поощрять образование; изыскать средства излечения болезней и страданий среди единоверцев-мусульман".

Очевидно, не все называлось в манифесте полностью и прямо. Лига выставила в ложном свете отношения между собственно китайцами и народностью хуэй, исповедующей ислам, осуществляла планы создания в

Северном Китае самоуправления хуэй, учреждения мусульманского хуэйхуэйского государства¹⁴.

Бюро просвещения Лиги поддерживало Молодежный корпус китайских мусульман, бэйпинскую организацию. Учебные классы Молодежного корпуса впервые были открыты в 1938 г.

Молодежный корпус был в сущности военной организацией. Нося униформу и тратя много времени на обучение японским манерам, студенты были пропитаны духом антикоммунизма и панисламизма. О характере обучения можно судить по списку экзаменационных вопросов. Среди них были, в частности, следующие: "Как скажется отказ от частной собственности на благосостоянии народа и национальной мощи?" Или: "Если во время учения или в аудитории раздастся сигнал тревоги, что надлежит сделать?"¹⁵. Выпускникам обычно предоставлялись должности или в жандармерии, или в особом отделе японской армии в Северном Китае.

В марте 1939 г. командование Квантунской армии создало Всобщую мусульманскую лигу Северо-Запада. Она была призвана поддерживать контакты с единоверцами в неоккупированных районах¹⁶.

Квантунская армия имела Суйюаньский мусульманский молодежный корпус. На учебных курсах в нем в первую очередь делали упор на военную подготовку, затем на японский язык и географию, военные условия и политическую обстановку Северо-Западного Китая (Шэньси, Ганьсу, Нинся, Цинхай). К 1942 г. число выпускников-мусульман составило около 240 человек. Они направлялись для шпионажа и подрывной деятельности.

В 1939 г. японская Южно-Китайская армия в Кантоне учредила Кантонскую мусульманскую лигу (Гуанчжоу хуэйцзяо шэхоуэй) со штаб-квартирой в мечети Святого воспоминания (Хуан Шэн си), наиболее известной из мечетей города.

Японские оккупационные власти уделяли большое внимание печати как средству идеологического воздействия на мусульманскую общину. Под их контролем выходило несколько периодических мусульманских изданий. Это "Хуэйцзяо" ("Ислам"), орган Всекитайской мусульманской лиги, "Цзунцзяо чжоукань" ("Религиозный еженедельник"), "Новые народные вечерние новости", "Чэньцзун бао юэкань" ("Вечно вдохновляющий веру ежемесечник"), "Сибэй хуэйцзяо цзунле хэхуэй хуэйбао" ("Журнал Мусульманской лиги всего Северо-Запада").

Если в отношении мусульман Северо-Западного Китая действия Японии в основном сводились к подстрекательству, то на оккупированной территории собственно Китая они носили конкретный характер. Из мусульман японскими властями комплектовались воинские подразделения. Начало их формирования относится к маю 1938 г. Численность таких мусульманских подразделений в 1940 г. составила около 2 тысяч; они финансировались японцами¹⁷.

В политическом отношении установка Японии заключалась в том, чтобы усугублять разногласия, существующие между мусульманами и немусульманами, и свести на нет сколько-нибудь добрососедские отношения между ними. С этой целью японские специалисты по промыванию мозгов запустили в обиход понятие "исламская нация"¹⁸, имея в виду углубленные разобщенности китайского общества. Одним из методов политики "разделяй и властвуй" было выражение предпочтительного отношения мусульманам в сравнении с китайцами. Джордж Тэйлор указывает в связи с активностью Всекитайской мусульманской лиги, что "юридическая помощь оказывается мусульманам, которые возбуждают дела против китайцев. Говорят, что в некоторых местах магометанам позволено избегать обложения"¹⁹. Ян Цзинцзи на страницах "Дагун бао" категорически утверждал, что в тяжбах между

мусульманами и немусульманами японцы отдают предпочтение первым²⁰, что в Бэйпине мусульманам дают особые пропуска, которые освобождают их от обременительных правил, налагаемых на других, и что иными путями японцы помогают расположить мусульман, например посредством ассигнования средств для ремонта известной старой мечети в Бэйпине.

В некоторых случаях японцам удавалось усугублять межобщинные отношения. В провинции Шаньдун взаимоотношения между мусульманами и немусульманами стали особенно напряженными в результате назначения японцами мусульманина Ма Ляна марионеточным губернатором. Он входил в состав известного клуба Аньфу во времена теневого кабинета в Бэйпине, члены которого активно использовались для содействия японского проникновения. При губернаторстве Ма Ляна мусульманам Шаньдуна были предоставлены многие привилегии. Сообщалось, что японцы распространяли среди китайских партизан провинции слухи, что мусульмане-де всей душой приветствуют японский "Новый порядок". В провинции Суйюань японцы разожгли антагонизм между монгольскими войсками и мусульманами, который привел к вендетте, стоившей многих жизней. В этих столкновениях важную роль сыграл Суйюаньский мусульманский молодежный корпус, сформированный японцами²¹.

Те политические "привилегии", которые вроде бы достались мусульманам от японского господства, на деле сводились на нет разнообразным экономическим контролем, который был столь же тяжел для них, как и для масс китайцев-немусульман²². Вот, например, что произошло с самым известным в Бэйпине мусульманским рестораном "Тун Лай сюнь". До японской оккупации этот ресторан имел ежедневный доход от 3 до 34 тыс. кит.долл. Японцы вынудили владельца ресторана выдать часть пая группе японцев в обмен на некоторую сумму "невывлаченного капитала". С этих акций (паевых долей) японцы получали около 5 тыс. долл. в месяц. Когда владелец ресторана запротестовал, ему сказали, что это часть "японско-мусульманского сотрудничества".

Имела место также менее успешная акция со стороны японцев против 700 забойщиков крупного рогатого скота и баранов (все мусульмане) в Бэйпине. Пытаясь подчинить себе этот промысел, японцы поставили мусульманина главой "кооператива" по продаже говядины и баранины, пообещав ему 3% прибылей, остальное должно было пойти японским организаторам. Мясники возмутились. Нападению подвергся глава "кооператива", он лишился уха и глаза. В результате, как сообщалось, мясники остались без японских "опекунов".

Другим ударом по экономическим интересам мусульман было создание японцами "транспортного кооператива" - организации, которая ведала арендой багажных тележек по всей зоне, простиравшейся западнее Бэйпина до окраин оккупированного Китая. Эта деятельность составила конкуренцию промыслу нескольких тысяч мусульман - погонщиков верблюдов, которые прежде осуществляли большую часть транспортных перевозок в этом районе. Едва ли можно было ожидать, что мусульмане, которые обнаружили, что их экономическое положение ухудшилось в результате японского господства, могли найти большой комфорт в политических преимуществах, распространяемых на них, в прекрасных фразах пропаганды²³.

Говоря в целом, китайские мусульмане не стали пятой колонной японской военщины в Китае. Они в подавляющем большинстве остались патриотами своей земли.

1. Bodde Derk. Japan and the muslims of China. // Far Eastern Survey. 1946. - October 9. - V. XV. - N 20. - P. 313.
2. Keyte J.C. The Passing of the dragon. L. - 1925. - P. 61-62.
3. Bodde Derk. Japan... - P. 313.
4. Ibid.
5. Ibid.
6. Ibid.
7. Чжунго исылань цзяоши цанькао цзыляо. Сяньбянь (1911-1949). Иньчуань. - 1985. - Т. 2. - С. 1788.
8. Taylor George E. The struggle for North China. N.Y. - 1940. - P. 20.
9. Bodde Derk. Chinese muslims in occupied areas. // Far Eastern Survey. October 23. - 1946. - V. XV. - N. 21. - P. 330.
10. Bodde Derk. Japan... - P. 313.
11. Bodde Derk. Chinese muslims... P. 330.
12. Тагагаки Шинзо - выпускник коммерческого факультета университета Ниппон в Токио. После его окончания изучал экономику в Колумбийском университете. Благодаря своей репутации специалиста по дзюдо (имел 7-й дан), он два года обучал в Международном университете Рабиндраната Тагора в Бенгале и потом был инструктором по дзюдо в школе по подготовке офицеров в Кабуле. По рекомендации афганского военного министра был "обращен" в ислам. В 1938 г. он возвратился в Японию и почти сразу же отправился в Бэйпин для создания Всекитайской мусульманской лиги и также контроля над Мусульманским молодежным корпусом.
13. Bodde Derk. Chinese Muslims... - P. 330.
14. Чжунго исылань... - С. 1780. Прим. "хуэй хуэй" - вариация названия народности "хуэй", ныне принятое в КНР полное название "хуэйминь хуэйцзу".
15. Bodde Derk. Chinese muslims... - P. 331.
16. Taylor G. Op. cit. - P. 85.
17. Ibid. - P. 84.
18. Чжунго исылань... - С. 1789.
19. Bodde Derk. Chinese Muslims... - P. 331.
20. Ibid.
21. Ibid.
22. Ibid.
23. Ibid.

Документы. Архивы

Новые архивные документы о северном тактическом маневре советской политики в Китае (1925 г.)

В конце 1924 г. вышел из печати первый том сборника документов "ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае", в который вошли материалы 1920-1925 гг.¹ Второй том, включающий документы 1926 г. - первой половины 1927 г., планируется опубликовать в конце текущего года. Оба тома подготовлены совместно научными сотрудниками ИДВ РАН, РЦХИДНИ и Свободного университета Берлина. Почти все документы, вошедшие в упомянутое издание, публикуются впервые. Материалы сборника дают не только более полное, чем прежде, представление об общей стратегии и тактических установках советского руководства в отношении национально-освободительного движения в Китае, но и содержат массу новых фактических данных. С частью этих сведений, освещающих работу Китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) в конце 1925 г., журнал познакомил читателей в публикации А.М.Григорьева и К.В.Шевелева², настоящая подборка архивных документов является как бы продолжением и дополнением предыдущей публикации. "Ядро" предлагаемой читателю публикации составляют документы Политбюро ЦК ВКП(б), относящиеся к концу 1925 г., в том числе неизвестные ранее директивные установки, авторами которых были М.В.Фрунзе и И.В.Сталин.

Вторая половина 1925 г. в китайской политике советского руководства примечательна тем, что оставляя в силе прежние установки в отношении Гоминьдана, гуандунской революционной базы и массовых движений, оно сосредоточило основное внимание на военно-политических событиях в Северном Китае. Этот новый тактический поворот был нацелен на смену политического режима в Пекине военными средствами, в основном силами армии Фэн Юйсяна с привлечением любых возможных союзников. Внешняя сторона военно-политических событий в Северном Китае в конце 1925 г. подробно описана в исторической литературе. Однако их внутренние пружины до настоящего времени оставались неизвестными. Публикуемая подборка новых документов в значительной мере обнажает эти внутренние пружины.

Еще в разгар известных шанхайских "событий 30 мая" 1925 г., Политбюро ЦК РКП(б) приняло предложенную И.В.Сталиным директиву, в которой наряду с рекомендацией "двигать вперед обязательно, не боясь обострения", массовое антиимпериалистическое революционное движение в

Китае, содержалась установка на "разгон" тогдашнего китайского центрального правительства и создания "нового с привлечением гоминьдановцев, опираясь на армии Фэна и Гоминьдана"³. Когда стало ясно, что забастовочное движение в Шанхае идет на убыль, Москва дала команду о его прекращении. Но курс на "разгон" Пекинского правительства вооруженной силой подкреплялся форсированием крупномасштабных поставок оружия и снаряжения Фэн Юйсяну.

Детальный план смены политического режима в Пекине был разработан в публикуемой ниже записке М.В.Фрунзе, которая 29 октября 1925 г. была принята "в основном" Политбюро ЦК РКП(б) и одобрена "в качестве политической директивы для т.Карахана"⁴. В предложениях Фрунзе примечательно обоснование возможности и необходимости временного блока с У Пэйфу⁵, с которым затем предполагалось разделаться после победы над Чжан Цзолинем⁶. Любопытны и соображения Фрунзе относительно Шанхая, которые, не исключено, легли в основу планов шанхайских восстаний в конце 1926 г. - начале 1927 г. Дополнительные указания о составе нового пекинского правительства были даны в предложенной Сталиным директиве Политбюро ЦК РКП(б) от 3 декабря 1925 г. В той же директиве и дополнительной директиве печати и ТАССу, подготовленной Н.И.Бухариним, делалась попытка избежать обострения отношений с Японией, стоявшей за спиной Чжан Цзолиня. Дополнительные детали, связанные с директивами от 3 декабря, содержатся в публикуемом фрагменте письма Ф.Ф.Раскольников⁷ Г.Н.Войтинскому⁸ от 4 декабря 1925 г.

Как известно, не один из одобренных Политбюро планов использования северного военно-политического фактора не увенчался успехом. Не дала результатов и попытка "умиротворения" Японии. Трудности и неудачи, с которыми сталкивалось проведение советской политики в Китае, московское руководство было склонно не в последнюю очередь связывать с субъективным фактором. Об этом свидетельствует, в частности, решение Политбюро послать в Китай "крупного ответственного работника", которое частично реализовалось в форме инспекционной комиссии А.С.Бубнова ("комиссии Иваневского"), работавшей в Китае в первой половине 1926 г.⁹

№ 1

Из протокола № 86 заседания Политбюро ЦК РКП(б)

Москва, 29 октября 1925 г.

Протокол № 86 (особый №) заседания Политбюро ЦК РКП(б)

С л у ш а л и : 8. Вопросы НКВД.

3. О Китае. (тт. Карахан, Литвинов¹⁰)

П о с т а н о в и л и : 3. а) Предложить т.Карахану в кратчайший срок выехать в Пекин.

б) Принять в основном предложения т.Фрунзе в качестве политической директивы для т.Карахана (см. приложение № 2).

в) Вопрос о создании РВС отложить.

г) Поручить Оргбюро наметить кандидатуры политработников для отправки в Китай, в связи с необходимостью усиления общей политической работы в стране.

Секретарь

И. Сталин

Приложение N 2.

к п. 8-3 Политбюро пр. N 86

Выписка из письма Ф.*

Все последние материалы, прибывающие из Китая, убеждают меня в том, что наши работники в Китае твердой и определенной линии, в связи с последними китайскими событиями, не имеют. Двукратная беседа с Караханом (последняя вчера) показала мне, что этой линии в оформленном виде нет еще и у него. Вместе с тем, ход развертывающихся в Китае событий все больше и больше выдвигает на первый план У Пэйфу и возглавляемую им чжилийскую клику. У Пэйфу становится центральной руководящей политической фигурой и, вместе с тем, как бы центром новой вспышки национального движения. Роль и значение Народных армий и, в частности, Фэна** ступенчатые. Необходимость установления определенных взаимоотношений с У Пэйфу для Народных армий, Гоминьдана, Китайской компартии и пр. диктуется всей обстановкой. То же самое в отношении теперешнего китайского правительства. Дальнейшее промедление в этой области, колебания и нерешительность все больше и больше будут ослаблять позицию сочувствующих нам групп. Та директива, о которой я говорю, должна внести полную ясность и определенность в эти вопросы и дать конкретную практическую программу. Мне лично основные черты этой директивы представляются в следующем виде:

Главный враг национально-революционного движения в Китае по-прежнему - Чжан Цзолин. Задача нынешнего этапа гражданской войны должна заключаться в его военном и политическом разгроме. Выступление У Пэйфу создаст благоприятную обстановку, которой необходимо воспользоваться¹¹. Народные армии должны выступить. Выступление должно быть подготовлено соответствующей политической работой, проведенной в широком масштабе и имеющей задачей подчеркнуть и выдвинуть на первое место роль Гоминьдана и Народных армий, как наиболее последовательных и надежных поборников национально-освободительной идеи. Военное выступление Народных армий должно быть приурочено к моменту, обеспечивающему возможность нанесения решительного удара и установления фактического контроля Фэна и других гоминьдановских генералов в наиболее важных географических пунктах (такими пунктами я считаю, прежде всего, всю провинцию Чжили с Тяньцзинем, затем Жэхэ и Северную Маньчжурию (Хэйлуунцзянскую провинцию). Кроме того, в дальнейшем случае успеха должны быть приняты решительные меры к занятию сторонниками Гоминьдана линии, обеспечивающей связь Севера с Кантоном (провинцию Сычуань, Гуйчжоу и Гуанси). Значение Чжили как центральной провинции вполне понятно. Что касается Жэхэ и Хэйлуунцзяна, то закрепление здесь гоминьдановских сторонников необходимо для упрочения нашего

* М. В. Фрунзе

** Фэн Юйсян

положения на КВЖД и укрепления экономических и политических связей с Китаем.

Из изложенного вытекает необходимость блока с У Пэйфу. В результате этого блока должно создаться новое китайское правительство, представляющее в своем составе чжилийцев, гоминьдановцев Севера (Фэи) и Юг Китая (кантонское правительство). Так как этот блок никакой прочности представлять не может, то при ведении теперешнего этапа войны и при оформлении нового правительства следует исходить из идеи неизбежности продолжения войны за создание действительно единого Китая. На этот раз уже против У* и его сторонников. "Дележка добычи", в случае победы над Чжан Цзолинем и линия политической работы должны не упускать из вида этого. В частности, особое внимание должно быть обращено на Шанхай, где следует решительно добиться вооружения рабочих, как средства, обеспечивающего создание в Шанхае революционной народной власти. Мне кажется целесообразным выдвинуть идею выделения Шанхая с известным районом из провинции Цзянсу в организацию типа вольного города. В этом случае много шансов было бы за то, чтобы превратить Шанхай в действительный центр революционного движения в Китае.

Я не упоминаю об остающихся в силе прежних указаниях относительно углубления работы в Кантоне, расширения сферы влияния Гоминьдана на весь Китай, расширения, углубления политической работы в Народных армиях и т.п.

Верно: С.Чечулин.

РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 162, д. 2, л. 184, 185, 188-190.

Машинописный текст, протокол - подлинник, подпись И.Сталина - факсимиле, приложение - заверенная копия.

№ 2

Из протокола № 93 заседания Политбюро ЦК РКП(б)

Москва, 3 декабря 1925 г.

Протокол № 93 (особый № 72) заседания Политбюро ЦК РКП(б)

С л у ш а л и : 1. - Вопросы НКВД: А. Вопросы Киткомиссии. (ПБ от 15.X.25 г., пр. № 83, п. 2-А). (Тт. Уншлихт¹², Литвинов, Петров¹³, Аралов¹⁴).

П о с т а н о в и л и : 1.б) По вопросу о политическом и военном положении в Китае принять следующую директиву, предложенную т.Сталиным:

1) Ввести линию на то, чтобы вбить клин между Японией, с одной стороны, и Англо-Америкой, с другой, стараясь не портить отношений с Японией и вести переговоры с Японией в том смысле, что ей выгодно примириться с тем, что есть в Китае. Эту политику ни в коем случае нельзя смешивать с политикой сфер влияния.

2) Тов. Карахану дать в печать информацию в том направлении, что Чжан Цзолинь падает, между прочим, потому, что играл все время на обострении отношений между ССР и Японией, что в Маньчжурии может удержаться лишь такое командование, которое будет руководствоваться политикой сближения СССР и Японии.

3. Мы считаем в данный момент невозможным чисто гоминьдановское правительство. Мы думаем, что наши друзья в Пекине берут слишком левую

* У Пэйфу

линию. По-нашему, правительство в Пекине должно быть коалиционным с участием Фэна*, гоминьдановцев и других, более или менее умеренных.

4. Предполагаемый поход кантонцев на Север в данный момент считать недопустимым. Предложить кантонцам сосредоточить свои силы на внутреннем укреплении.

5. Потребовать от т.Карахана регулярной информации. Поручить т. Бухарину составить на основе принятых решений и обмена мнений в Политбюро директиву по вопросам китайской и японской политики для сообщения редакциям газет и ТАСС.

6. Признать необходимым посылку в Китай крупного ответственного работника и поручить Оргбюро наметить кандидатуру с представлением на утверждение Политбюро.

Секретарь ЦК

И. Сталин

РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 162, д. 2, л. 202, 203, 205.

Машиннописный текст, подлинник, подпись - факсимиле.

№ 3

Директива печати и ТАССу
(Принято Политбюро ЦК РКП(б) 3.XII.25 г.)

Ввиду необходимости нейтрализовать японский империализм и нежелательности перенесения центра тяжести борьбы в Китае с Англией и Америки на Японию, а равно ввиду необходимости не давать лишним козырей в руки капиталистических держав излишними криками о Востоке и о нашей роли в Китае, предлагается печати к руководству:

- 1) не зaoстрять нападков на Японию;
- 2) указывать на выгоду для Японии мириться с новым положением в Китае и на возможность и необходимость сохранения добрососедских отношений между Японией, с одной стороны, Китаем и СССР, с другой;
- 3) не раздувать восточной опасности для западноевропейского и американского капитализма;
- 4) по возможности меньше писать об активной роли СССР в восточных событиях.

Верно:

С.Чечулин.

РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 3, д. 533, л. 1, 6.

* Фэй Юйсян

N 4

Из письма Ф.Ф.Раскольникову Г.Н.Войтинскому

Москва, 4 декабря 1925 г.

Дорогой товарищ,

1. Когда Вы получите это наше письмо, Вам уже будут известны переданные по телеграфу указания инстанции¹⁵. Мы считаем полезным несколько осветить внутреннюю сторону, так сказать, подоплеку этих указаний.

При составлении указаний было также единодушие и у нас, и в комиссии инстанции¹⁶, и в самой инстанции. Вносимые поправки имели целью усилить общий характер указаний - непродуманность Вашего плана и в общем, и в деталях¹⁷. В комиссии были также попытки связать план персонально с Вами. Мы решительно возразили против этой попытки, указывая, в частности, что из Ваших докладов совсем не вытекает программа, которую осуждает комиссия, и с такой же энергией и единодушием также мы. Так, было усилено осуждение Северного похода. Общее единодушное впечатление от плана свержения и проч. - не забираете ли вы чересчур влево, переоценивая свои силы и влияние и недооценивая сил и значения империалистов и вьетгоминьдановских сил. На инстанции председатель¹⁸, резюмируя, формулировал примерно так задачи: всемерно избегать затрагивать интересы Асланиди*, правительство только коалиционное с участием Чжили, не форсировать переворота, всемерно усилить работу в массах, укреплять Кантон. Было внесено предложение дать понять Аслаиди, что происходящее на Севере является результатом того, что Чжан**, играл на обострении отношений Асл[аниди] и СССР и вмешивался во внутренние дела Китая. Это предложение более подробно передает прилагаемая передовая "Правды", написанная на основе постановления инстанции¹⁹. Если они будут сидеть на своих владениях, могут рассчитывать, что их не будут трогать ни с Юга, ни с Запада.

2. Теперь наши дополнительные замечания. Это действительно удивительно, как могла получиться такая программа, почему Б.*** до сих пор изображает из себя Наполсона, почему, несмотря на неопределенность позиции Фэна****, он в данном случае был выдвинут как опорное ядро. Когда берешь телеграммы за последние две недели и сравниваешь, в глаза бросается резкий импрессионизм оценки положения, резкие колебания от одной крайности к другой. Особенно характерна история со свержением. Сначала все подготовлено, вопрос часов, а на другой день, ввиду неопределенности, вопрос снят...

Петр [ов]

РЦХИДНИ, ф. 514, оп. 1, д. 123, с. 213-216.

Машинописный текст, копия, подпись - автограф.

* Кодовое название Японии.

** Чжан Цзолин.

*** М. М. Бородин²⁰

**** Фэн Юйсян

1. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1. 1920-1925. М. - 1994.
2. Проблемы Дальнего Востока. 1994. - N 4. - С. 85-95.
3. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. - С. 576-577. Фэн Юйсян - командующий 1-й Национальной армией. Под "армиями Гоминьдана" в ряде советских документов того времени подразумевались 2-я и 3-я Национальные армии, а не войска кантонского правительства.
4. М.В.Фрунзе - кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б), председатель Реввоенсовета СССР, нарком по военным и морским делам, председатель Китайской комиссии Политбюро ЦК РКП(б). Л.М.Карахан - полпред СССР в Китае.
5. У Пэйфу - лидер чжидийской клики милитаристов, контролировавший Северный Китай.
6. Чжан Цзолин - лидер фэнтяньской клики милитаристов, контролировавший Маньчжурию.
7. Ф.Ф.Раскольников - заведующий Восточным отделом Исполкома Коминтерна, член Китайской комиссии Политбюро ЦК РКП(б).
8. Г.Н.Войтинский - ответственный сотрудник ИККИ, постоянный представитель Коминтерна в Китае.
9. А.С.Бубнов - секретарь ЦК РКП(б), начальник Политуправления РККА.
10. М.М.Литвинов - заместитель наркома иностранных дел СССР.
11. Видимо, имеется в виду назначение У Пэйфу главнокомандующим объединенными вооруженными силами, выступившими против Чжан Цзолина, и заявление У Пэйфу о том, будто на его стороне находятся 18 провинций страны.
12. И.С.Унцихт - член Реввоенсовета СССР, заместитель наркома по военным и морским делам.
13. Петров - Ф.Ф.Раскольников.
14. С.И.Аралов - член коллегии НКВД.
15. См. док. N 2.
16. Имеется в виду Китайская комиссия Политбюро ЦК РКП(б).
17. Видимо, имеется в виду докладная записка Г.Н.Войтинского от 11 ноября 1925 г. См. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. - С. 658-663.
18. Видимо, имеется в виду выступление И.В.Сталина.
19. Имеется в виду редакционная статья газеты "Правда" от 4 декабря 1925 г. "Борьба за власть в Китае".
20. М.М.Бородин - главный политический советник ЦИК Гоминьдана.

Русские в Китае

Торгово-промышленная жизнь Харбина в 1906-1914 гг.

© 1995

М. Кротова

Харбин, задуманный как административный центр КВЖД, с первых дней строительства стал формироваться как торгово-промышленный город, чему способствовали многие факторы. Во-первых, он стал важнейшим транспортным узлом магистральной, соединявшей Россию с Дальним Востоком, а также имевшей выход на Порт-Артур и Дальний. Город был построен на берегу Сунгари - главной водной артерии Северной Маньчжурии. Во-вторых, окружавшие Харбин китайские населенные пункты - Ашихэ, Шуанчэнпу, Лалинь, Хулань и другие - были сложившимися центрами сельскохозяйственного, главным образом зернового, производства. В-третьих, Харбин стал также финансовым центром полосы отчуждения: отсюда в период строительства дороги и в военное время производились крупные денежные вливания, здесь сосредоточивались главные банковские операции, сюда поступали огромные средства из железнодорожного бюджета.

Крупных предпринимателей с солидным капиталом и мелких торговцев, наводнивших Харбин в первые годы строительства, привлекали значительный покупательский местный рынок, свобода от пошлин, дешевый китайский труд, отсутствие национальных ограничений. "Никакими искусственными мерами, никакими парками, аллеями, прекрасно оборудованными гостиницами нельзя было заманить предпринимателей в Дальний, - писал Генеральный консул в Харбине в своем донесении на имя посланника в Пекине, - а между тем Харбин, при всей его неблагоустроенности, тянул к себе народ со всех концов... Царство произвола и полное отсутствие всякого правосудия не утраивали массу, которая пробиралась сюда часто неизвестно какими путями..."¹

И тем не менее следует указать, что высокая конъюнктура в Харбине до 1906 г. поддерживалась сначала за счет инвестиций в строительство КВЖД, а потом за счет военных расходов и носила скорее спекулятивный характер. Рынок был в состоянии постоянного дефицита, цены росли. Оборотные средства доставались легко, удавались самые рискованные коммерческие операции. Существовавшие предприятия работали с лихорадочной напряженностью и

Кротова Мария Владимировна, аспирант кафедры русской истории РГПУ им. А.И.Герцена (Санкт-Петербург)

приносили высокие прибыли.

С окончанием войны и эвакуацией армии торговля и промышленность Харбина лишились огромного рынка потребителей. Запасы товаров были слишком велики, на местном рынке стало невозможно реализовать всю производимую продукцию. Подошло также время платежей по векселям, что оказалось многим предпринимателям не под силу. Последовал ряд банкротств русских и китайских фирм, несколько промышленных предприятий прекратили свое существование, часть торговых фирм и заводов перебралась в Приамурье и Приморье. По официальному сообщению директора Русско-Китайского банка А.П.Путилова, сумма потерь банка в 1907 г. дошла до 6 млн. рублей². Убытки банка за 1906-1908 гг. составили свыше 12 млн. рублей³. Газета "Дальний Восток" сообщала, что ввиду "сильного падения дел, многие русские бросают свои дела и уезжают на родину. Чувствуется полный застой в делах так много нашумевшей Маньчжурии. Знаменитый Харбин совсем застыл. Торговли и сделок почти нет"⁴.

Серьезных коммерсантов и промышленников отпугивало неопределенное положение России в Маньчжурии. После русско-японской войны за Россией сохранялась КВЖД с узкой полосой отчуждения и небольшой участок южно-маньчжурской ветви (От Харбина до ст. Куаньчэнцзы), отходившей в остальной своей части к Японии. Таким образом определились сферы влияния обеих держав. Южная Маньчжурия с Фушуньскими каменноугольными копьями и коммерческим портом в Дальнем стала в руках Японии фактически ключом ко всей Маньчжурии. Россия сохраняла влияние в Северной Маньчжурии с железнодорожной линией, требующей ежегодных миллионных расходов. Харбин становился городом, открытым для свободной торговли и проживания иностранцев (ст. I дополнительного соглашения к японо-китайскому договору 9 декабря 1905 г.)⁵.

После войны ситуация в Маньчжурии радикально изменилась. России приходилось иметь теперь дело с вступившим в эпоху национального возрождения Китаем, который, видя ослабление России, стремился свести ее роль в Маньчжурии к возможному минимуму. Русским правительством было решено придерживаться сдержанной политики. "В Китае нам не следует отождествлять свои интересы с интересами государств Западной Европы, - написал Николай II на телеграмме из Маньчжурии от 29 апреля 1906 г., - нужно стремиться к продолжению нашей политики до 1898 г., т.е. действовать миролюбиво и отдельно от других стран"⁶. Были и предложения об отказе от права на КВЖД, способной породить международный конфликт в любую минуту.

Деятельность России в Маньчжурии многие общественные деятели, печать оценивали как "дальневосточную авантюру", бессмысленную, непроизводительную трату огромных средств. Министр финансов В.Н.Коковцов в своей речи на совещании в Управлении КВЖД 12 октября 1909 г. признавался: "Сумма всех затраченных на постройку дороги капиталов составляет приблизительно 330-340 млн. рублей. Сумма эта громадна, и притом эти затраты русского золота сделаны на чужой территории, в чужой стране, что придает им особый неприятный характер"⁷. Печать подогревала настроения публикациями о коррупции, кумовстве, хищениях в Маньчжурии. "КВЖД - гнойная язва на теле России, язва эта отравляет кровь всего организма, необходимо предупредить заражение крови"⁸. Харбин считали городом без будущего: "Несчастное детище КВЖД - его престольный город - продолжает хиреть и опускаться. Нет никаких надежд на поправку. Ничто не в силах оживить Харбин, живущий сплошь за счет дороги и ее десятка - другого тысяч

человек служащих... Харбин привык питаться от дороги капиталами, и вряд ли есть возможность дать ему иное направление"".

Чиновник министерства иностранных дел, командированный в начале 1906 г. в Харбин, П.Усатый, ознакомившись на месте с состоянием торгово-промышленной жизни Харбина, указал в своем донесении на сомнительный и ненадежный контингент маньчжурских предпринимателей: "За время войны все они развращены огромными барышами, которые доставляла война. Все они хищники, вся деятельность которых сводится к одному - поскорее и возможно полнее взять все, что можно. Из-за обычных 10-15% они не станут работать. Поэтому с уходом армии харбинская торговля значительно сократится"¹⁰.

Однако в местных коммерческих кругах Харбина ситуация оценивалась не так пессимистично. Один из крупных купцов на тезис корреспондента местной газеты об упадке и кризисе Харбина отреагировал следующим образом: "Харбин не на шутку собирается стать хорошим городом. Ему не нужны сотни лавчонок со всякой российской завалью, на которой по старой привычке по 300% хотят зарабатывать. Опять же уезжает всякий наносной элемент, от которого никому ни тепло, ни холодно. Народ деловой никуда уезжать не станет"¹¹.

Сотрудник местной газеты "Юань-Дун-Бао" И.Доброловский в одной из своих статей призывал изменить поведение русских коммерсантов в Маньчжурии: "Мы живем и работаем на чужой территории, представляющей богатейшее поле для приложения нашей торгово-промышленной инициативы, но не являемся более господами положения. За свое преобладание или хотя бы сносное существование мы должны, с одной стороны, соединенными усилиями бороться с конкуренцией других иностранцев, а с другой - привлечь на свою сторону туземное население путем кооперации с ним"¹².

В 1906 г. в торгово-промышленных кругах Харбина возникла идея учредить биржевое общество, с помощью которого коммерсанты могли бы объединиться и более эффективно противостоять конкуренции иностранного капитала. 30 ноября 1906 г. устав биржи был утвержден министерством финансов в Петербурге, а 2 мая 1907 г. состоялись выборы в биржевой комитет. Первым председателем комитета стал С.Б.Габриель. В состав биржевых старшин был избран и китайский коммерсант Чжан Ванцун. Через несколько недель общим собранием были избраны биржевые маклеры. Регулярные биржевые собрания и сделки начались 5 июня 1907 г. С этого дня начала работать котировочная комиссия, а с 1 ноября - арбитражная комиссия при биржевом комитете. До конца 1907 г. через биржу было продано и куплено товаров на сумму 598950 руб.¹³ Но, судя по харбинской прессе, биржа долгое время не была популярна в городе. Мелкое купечество, городская торговля в услугах биржи практически не нуждались. Одним из главных биржевых товаров было зерно, поставщиками которого были исключительно китайцы. Но они избегали посредничества биржи, предпочитая по традиции решать все вопросы напрямую с покупателем. Тем не менее харбинский биржевой комитет развернул активную деятельность, поставив перед собой задачу защиты интересов местной торговли и промышленности.

В сентябре 1907 г. в Харбин прибыла комиссия министерства финансов для выяснения причин торгово-промышленного кризиса Харбина и "выработки мероприятий для поднятия его значения" под председательством И.П.Шипова. К ее приезду комитет подготовил докладную записку "О нуждах торговли и промышленности", где указывались факторы, препятствующие развитию Харбина, а именно отсутствие кредита, высокий железнодорожный тариф, существовавшая форма арендного пользования земельными участками, когда недвижимость не принималась в залог, отсутствие в Харбине общественного

самоуправления, неуравновешенность условий консульской юрисдикции в делах русских граждан с иностранцами¹⁴. Надо сказать, что почти все проблемы, за исключением ипотечного кредита, быстро были решены.

Большинство коммерсантов Харбина видели выход из послевоенного кризиса в развитии экспорта. "Маньчжурия - страна земледельческая. Все ее ресурсы заключены пока только в торговле сырьем... Первоисточником торгового оживления должен служить выгодный сбыт продуктов сельского хозяйства", - писал в газете "Харбинский вестник" Н.П.Штейнфельд, один из ее редакторов¹⁵. Он же доказывал важность развития экспортной торговли на страницах столичного "Вестника финансов, промышленности и торговли", выдвигая следующие соображения: во-первых, принимая участие в экспорте, русские фирмы приобретут огромное влияние в крае, так как китайцы как народ глубоко меркантильный ничему так охотно не подчиняются, как силе капитала: во-вторых, экспортная торговля принесет огромные прибыли железной дороге, порту, банкам, судоходству и т.д.; в-третьих, путем экспортной торговли в Маньчжурию будет вливаться новый капитал (английский и отчасти японский), который, обогащая земледельцев и посредников по торговле, увеличит платежные средства населения¹⁶.

К 1907 г. некоторые из харбинских коммерсантов пришли к заключению, что, пока местная продукция не получит выхода на внешние рынки, маньчжурская хлебная торговля обречена на застой. Активное участие в поиске рынков для маньчжурского зерна принимал Я.К.Поляков, маклер харбинской биржи. В Лондон и на другие важнейшие европейские рынки были посланы образцы зерна и получены благоприятные ответы, особенно в отношении маньчжурских бобов.

Осенью 1907 г. началась подготовка первой партии маньчжурского зерна на экспорт. Отправкой занималась крупная экспортная петербургская компания "С.К.Натансон", загрузившая около 5 тыс. тонн зерна на английский пароход "Гленеск". Первая партия зерна быстро разошлась. Успех побудил предпринимателей вкладывать в экспортное дело капиталы. Возникли крупные экспортные компании: Р.М.Кабалкина (представителя фирмы "Натансон и Ко"), Осминина. ("С.Соскин и Ко"). Особенно крупные операции по экспорту в 1909 г. осуществила японская фирма "Мицуй Буссан Кайся", которая имела свои отделения в главных европейских центрах. В 1909 г. в Харбине уже насчитывалось до 15 экспортных фирм (русских, японских, английских, германских, датских). Их число росло, и к 1913 г. руководящая роль в экспортной торговле перешла к иностранцам. Русские купцы были в основном посредниками между рынком и фирмами.

Еще в 1908 г. Р.М.Кабалкин, опытный экспортер, работавший в Петербурге, Риге, Либаве и имевший прочные, налаженные связи с зарубежными рынками, обратился в Управление КВЖД с ходатайством об установлении специального тарифа для вывозки зерна за границу, как это практиковалось на всех российских железных дорогах, проходящих через хлебные районы. Но такие тарифы не были благоприятны для харбинской мукомольной промышленности, финансировавшейся Русско-Китайским банком. Дело затянулось. Харбинская и владивостокская биржи обратились по этому вопросу в Петербург в Правление общества КВЖД и министерство финансов, доказывая, что КВЖД может стать доходным предприятием, если понизит тарифы на хлебно-зерновые грузы для экспорта. В это время был поднят вопрос об учреждении во Владивостоке Управления торгового порта, а КВЖД в связи с этим стала принимать меры к выделению для нее на территории порта специального участка. Это привело к тому, что администрация КВЖД встала на путь покровительственной политики маньчжурскому зерновому экспорту в своих

тарифах. Созданные пропорционально-уравнительные тарифы способствовали привлечению экспортных грузов из Северной Маньчжурии во Владивосток и повышению доходности КВЖД. Так, уже за 1911 г. КВЖД имела чистую прибыль около 4 млн. рублей¹⁷.

Постепенно стали появляться китайские посреднические фирмы, скупавшие зерно у населения. С конца 1908 г. в газетах "Харбинский вестник" и "Юань-Дун-Бао" был открыт справочный отдел, в котором 2 раза в неделю печатались таблицы цен на основные хлебные продукты в пунктах покупки на станциях КВЖД, а также в портах Японии и Китая, Здесь же помещались таблицы стоимости провоза хлебных грузов по КВЖД, курс русского рубля в дяо на китайских биржах.

Вывоз бобов из Маньчжурии быстро рос: в 1907 г. было вывезено через Владивосток 1,5 млн. пудов, в 1909 г. - 13,2 млн., в 1911 г. - 18,5 млн., в 1913 г. - 24 млн. пудов¹⁸. К 1915 г. доля вывоза бобов, жмыхов, масла в общем объеме экспорта составляла 57%¹⁹.

С 1908 г. стал развиваться экспорт из Маньчжурии других местных продуктов - леса, шерсти, кож, мехов и других продуктов животноводства и охоты. За 1912-1918 гг. из Харбина было отправлено на экспорт 55 тыс. голов крупного рогатого скота, 4 тыс. овец и баранов, 39,5 тыс. свиней²⁰. Маньчжурия была основным поставщиком мяса для русского Дальнего Востока. Только в Приморскую область в год в среднем вывозилось 370 тыс. пудов мяса²¹.

Вывоз сельскохозяйственной продукции из Маньчжурии год от года увеличивался независимо от внутренних и внешних условий. За 1903-1907 гг. из Маньчжурии по КВЖД было вывезено 293,2 тыс. тонн сельскохозяйственной продукции, за 1908-1913 гг. - 2758,6 тыс. тонн, за 1914-1920 гг. - 5102,7 тыс. тонн²². Рост экспорта, привлечение в Маньчжурию капиталов привели к расцвету торгово-промышленных центров - Дальнего, Инкоу, Харбина.

Харбин представлял собой типичный колониальный город, который вывозил зерно, сырье и полуфабрикаты в обмен на промышленные товары. Из России поступали мануфактура, табак, готовое платье, скобяные товары, сахар, вина, водка, керосин, спирт, соль, спички, обувь, бакалея и т.д. По стоимости русские товары в среднем составляли 1/5 часть, по количеству - 1/4 всего импорта²³. В 1907 г. в Харбине были построены "Московские торговые ряды", которые должны были стать оптовыми складами русских товаров для рынка Китая и Японии. Но торговый кризис 1906-1908 гг. напугал московские фирмы. Большинство из них предпочитало платить арендную плату за помещение, но склады так и не открыли. Только "Товарищество Викулы Морозова с сыновьями" и Эмиль Циндель решили ввозить русскую мануфактуру в Китай, и за 5 лет (1907-1912) ввоз русских тканей увеличился почти в 10 раз²⁴. Большим успехом в Маньчжурии и в Китае пользовались русские табачные и скобяные изделия. Однако из-за "непрочности" положения Харбина русское купечество не обнаруживало желания вкладывать свои капиталы в какие-либо долговременные предприятия, тем более что земельными участками в Харбине можно было владеть лишь на правах аренды, а не собственности. Местные предприниматели тоже предпочитали выписывать товары не из Москвы, а из Европы, Америки, Японии. Провоз был только немногим дороже, зато товары значительно лучше по качеству. Поэтому доля русских товаров в импорте постоянно уменьшалась: в 1914 г. она составляла 9 млн. рублей (1/6 часть)²⁵, тогда как японцы ввозили товаров на сумму более 22 млн. рублей в год²⁶.

Кроме русских и японских товаров в Харбин поступали товары из Германии, Австрии, Америки, Англии. Имея базу в Киао-Чао, Германия распространила свое влияние на Северную Маньчжурию. Из Гамбурга ввозились железо, сталь, жесть, олово, свинец, машины, электрические товары, бумага,

готовое платье, медикаменты и т.д. Цены на германские товары были низкими, а сами товары - хорошего качества. В Харбине германскими фирмами было открыто много импортных контор и агентств. Последние являлись представителями немецких фабрик, рекламировали их товары, принимали и исполняли заказы местных китайских фирм, открывая кредит на сроки от 3 до 12 месяцев. При этом тщательно обследовалась платежеспособность покупателей²⁷. Австрия снабжала Маньчжурию и Харбин обувью, галантереей, из Америки ввозились консервы, велосипеды, машины, Франция поставляла вина, различные парфюмерные товары.

В основном торговый баланс Харбина был положительным. Это обеспечивало накопления и способствовало развитию молодого города.

Продовольственно-сырьевой характер экономики Северной Маньчжурии обусловил развитие отраслей, связанных с переработкой местного сырья - мукомольной, винокуренной, маслобойной промышленности. Развитие промышленности задерживалось прежде всего из-за недостатка свободных капиталов. Русские и иностранные предприниматели предпочитали вкладывать средства в торговые операции, транспортные предприятия и т.п. Неблагоприятное воздействие на развитие промышленности оказывали политическая нестабильность, хунхузничество, неурожай, частые изменения налогов и пошлин, спекуляция и т.п. Тем не менее обрабатывающая промышленность Харбина, фактически созданная русскими, состоявшая из мукомольных, винокуренных, водочных, пивоваренных, лесопильных, механических, мыловаренных, конфетных, колбасных, макаронных, маслodelьных, папиросных, кожаных, шерстомойных и других предприятий, производила в 1909 г. различной продукции на сумму около 12 млн. рублей²⁸. Японский генеральный консул в Харбине Каваками Тосихико в своем исследовании "Промышленность в Северной Маньчжурии" отмечал, что "русские стараются употребить самые новые и усовершенствованные системы машин и улучшенного устройства заводы"²⁹.

Производимая продукция находила сбыт в Харбине и вывозилась за пределы Маньчжурии, в основном в Приамурье и Забайкалье, так как там обрабатывающая промышленность была развита слабее из-за недостатка сырья и рабочих рук. Надо сказать, что до 1913 г. вся промышленность Харбина была в руках русских предпринимателей. К 1913 г. в Харбине насчитывалось 46 фабрично-заводских предприятий, из них 15 мельниц³⁰. К началу первой мировой войны русские капиталовложения в обрабатывающую промышленность Харбина могли быть оценены в размере около 35 млн. рублей³¹.

Ведущей отраслью промышленности была мукомольная. Мукомольное дело было очень выгодным из-за низкой цены пшеницы в Маньчжурии. В 1900 г. возникло "Первое маньчжурское мукомольное товарищество", а уже к концу 1905 г. Харбин имел 8 мельниц с ежедневной производительностью в 47 тыс. пудов, снабжая всю армию хлебом³². С окончанием войны в мукомольной промышленности наступил тяжелый кризис. Огромное количество муки осталось нереализованным, интенданство задерживало платежи, появились громадные долги. Задолженность Русско-Китайскому банку четырех главных мельниц достигала 3,5 млн. рублей³³. Чтобы спасти свои предприятия, мукомолы стали объединяться в акционерные общества с общим капиталом, имуществом, администрацией. Так было создано Русское мукомольное товарищество (1906), которое в 1912 г. вырабатывало 12 тыс. пудов муки в сутки³⁴.

После русско-японской войны маньчжурская мука стала проникать в Приморье, где стала вытеснять американскую муку, стоившую в 1,5 раза дороже. В 1912 г. на русский Дальний Восток было вывезено свыше 2,3 млн. пудов муки³⁵.

С 1913 г. в промышленность Харбина стали активно вкладывать деньги иностранцы. Японская "Северо-Маньчжурская акционерная мукомольная кампания" приобрела мельницу Лобачева, француз Рессигье купил в Харбине рефрижератор, английский торговый дом Макензи организовал птицеводство в предместьях города для экспорта птицы и яиц, германо-китайская компания построила большой сахарный завод, начали работать несколько китайских маслобойных заводов³⁶.

В 1911 г. по оборотам внешней торговли среди городов Китая Харбин занимал 4 место (43 млн. таэлей), уступая лишь Шанхаю (378 млн. таэлей), Китаю (79 млн. таэлей), Дальнему (48 млн. таэлей)³⁷. Масштаб торговых операций постоянно увеличивался, несмотря на различные неблагоприятные условия. Так, в начале 1910 г. в разгар хлебной кампании китайскими властями был запрещен вывоз зерна из Маньчжурии (вскоре запрет был отменен). Летом 1910 г. разлив Сунгаря затопил 25% посевной площади. С ноября 1910 по март 1911 г. вся Маньчжурия переживала эпидемию легочной чумы, парализовавшей всю торговлю. Летом 1911 г. началось революционное движение на юге Китая, гражданская власть ослабла, оживилось хунхузничество, курс китайской валюты и серебра стал резко колебаться.

Торговый оборот Харбина год от года увеличивался. По данным харбинского биржевого комитета в 1911 г. он достиг 41 млн. руб.³⁸, в 1912 г. - 53 млн. руб.³⁹, в 1913 г. - около 60 млн. руб.⁴⁰. В основном увеличение торгового оборота происходило за счет расширения операций по экспорту зерна и особенно бобов, увеличения импорта табачных изделий, мануфактуры, каменного угля и др. После кризисов 1906-1908 и 1911-1912 гг. быстро восстановили и усилили свои позиции ведущие торговые фирмы в городе: Мицуй Буссан Кайся, Ньюман, Англо-Китайская Восточная торговая компания, Маньчжурское экспортное товарищество, Натансон, Соскин (экспорт); крупные мукомолы - Алексеевы, Буяновы, Кувшиновы, Тетюковы, Русское мукомольное товарищество, Кунст и Альберс, И.Я.Чурин и Ко (универсальные магазины); Чистяков (чайная торговля), Кулаев, Бликанов, Патушинские, Гюбнер, Эмиль Циндель, В.Морозов с сыновьями, товарищество Ашихэ и др.

Эти фирмы не жаловались на недостаток кредита, наоборот, им покровительствовали все банки. Экспортные фирмы, по-видимому, не особенно нуждались в бирже: многие сделки заключались в кондитерской Зазунова на Китайской улице, где присяжным маклерам биржи предпочитали частных маклеров, которые на русско-китайском жаргоне назывались "конходниками"⁴¹. Запустение биржи местная пресса объясняла тем, что "Харбин - город маленький, все друг друга знают. Поэтому продавцы и покупатели легко находят один другого и для этого им нет надобности посещать биржу. Тем более что местный обычай отдает предпочтение сделкам негласным, на бирже же сразу становится известным кто с кем и по какой цене совершил сделку"⁴². Были даже предложения на время закрыть биржу, оставив только биржевой комитет как орган представительства интересов местной торговли и промышленности и как справочное учреждение.

Харбинский биржевой комитет старался быть в центре торгово-промышленной жизни города. Он составлял статистические сведения и обзоры, выпускал торговые бюллетени, отчеты об урожаях и проч. К его заслугам следует отнести материалы к пересмотру Торгового договора 1881 г. России с Китаем, материалы по вопросу о русской торговле в Монголии, докладные записки о русской торговле и промышленности в Маньчжурии, о морском транспорте, о мерах улучшения денежного рынка, о сунгарийском судоходстве и т.д.⁴³. Член Государственного Совета, председатель Российской экспортной палаты В.И.Денисов во время совещания на харбинской бирже 21 октября 1913

г. отметил: "В России есть много комитетов, существующих на бумаге - только, дабы иметь право участия в выборах в законодательные учреждения. Просматривая ваши отчеты, я убеждаюсь, что комитет отвечает действительным запросам местной торгово-промышленной жизни... Ваш биржевой комитет - один из наиболее деятельных в России"⁴⁴.

Комитет защищал интересы средних торговых слоев города, не обладающих крупными оборотными капиталами. Этот слой предпринимателей особенно страдал от недостатка кредита со стороны Русско-Китайского (с 1910 г. - Русско-Азиатский) банка, который долгое время был единственным русским банком в Харбине и во всей Северной Маньчжурии. Вопрос о кредитах встал особенно остро с появлением в Харбине с 1909 г. иностранных фирм и усилившейся в связи с этим конкуренцией. Банк предпочитал иметь дело с крупными, солидными фирмами, а сделки со средними и мелкими предпринимателями считал ненадежными, находя, что такая клиентура "сомнительных качеств, за которой необходим бдительный и постоянный контроль"⁴⁵.

Кроме того в Маньчжурии, как и на русском Дальнем Востоке, кредит был очень дорогой. Учетный процент достигал 10-12% плюс различные надбавки "за комиссию", "за бланк" и т.д. (для сравнения: в Западной Европе учетный процент был 3-4%, в России - 4-7%)⁴⁶. Пытаясь как-то исправить ситуацию, харбинский биржевой комитет стал инициатором создания в Харбине Общества взаимного кредита, которое начало свою деятельность 6 ноября 1908 г. с первоначальным капиталом в 28 тыс. рублей. Директором банка общества стал С.П.Циринчиков. Уже через 10 месяцев обороты банка достигли 680 тыс. рублей в месяц⁴⁷. В 1914 г. годовой оборот банка общества достиг 300 млн. рублей при чистой прибыли 72 тыс. руб.⁴⁸.

В 1910 г. было образовано второе общество взаимного кредита, учредителями которого стали лица с небольшими средствами - ремесленники, служащие, мелкие торговцы. Капитал банка при открытии составил всего 6290 рублей - членские взносы 636 человек. За 3 года деятельности банка число членов общества возросло до 1781 чел., а капитал - до 106582 руб.⁴⁹.

Тем не менее работа новых банков не могла полностью удовлетворить потребности населения Харбина в кредите из-за недостатка средств и высокого процентного процента. Вексельный портфель обоих обществ достигал только 12-13% общего оборота в Харбине⁵⁰. Проблема кредита оставалась актуальной. К 1914 г. Харбин обслуживали Русско-Азиатский банк, банки первого и второго обществ взаимного кредита, Спеш-банк, Гонконг-Шанхайский банк, ссуды выдавали КВЖД и некоторые иностранные фирмы, но всего этого было недостаточно. Вексельный рынок в 1913 г. оценивался в 4 млн. рублей - это составляло лишь треть нужной суммы⁵¹.

Одним из острых вопросов, который постоянно поднимался харбинским биржевым комитетом, был ипотечный кредит. Дело в том, что в Харбине было ограничено право владения недвижимостью. В полосе отчуждения КВЖД земля не была собственностью владельца, а сдавалась в аренду. По условиям арендного пользования, недвижимость в залог не принималась и в случае принудительной ее продажи продавалась только на снос. Дома, производственные помещения, как бы дорого они ни стоили, оказывались в Харбине мертвым капиталом - их нельзя было заложить.

Биржевой комитет несколько раз ходатайствовал об осуществлении какой-либо формы ипотечного кредита в Харбине. В 1909 г. из канцелярии Министра финансов пришел ответ: "Вопрос о поземельном кредите является слишком сложным и найти выход из создавшегося положения не так легко. Над этим вопросом работал целый ряд комиссий как при министерстве финансов, так

и при министерстве юстиции с участием выдающихся юристов и законовсего, которые пришли к заключению, что с точки зрения действующего законодательства ни заклад арендного права, ни залог самих участков в пределах территории, уступленной китайским правительством обществу КВЖД, не представляется возможным ни для Общества, ни для тех лиц, коим Общество передало участки в арендное пользование"⁵².

Многочисленные записки биржевого комитета, ходатайства местного купечества о поддержке редко находили отклик в Петербурге. Председатель харбинского биржевого комитета М.И.Фрид в беседе с членом Государственной Думы Ф.И.Родичевым 24 сентября 1913 г. сказал: "Не ждем мы денег от метрополии. Мы ей пересылаем очень много, но пусть не удушают наши инициативы - и купцу, и промышленнику, и исследователю не дают здесь вздохнуть, все время ставятся препятствия"⁵³.

Тем не менее в маньчжурскую промышленность, торговлю, судоходство, банковское дело были помещены значительные капиталы (по подсчетам американского экономиста К.Ф.Ремера, русские капиталовложения в различные торговые фирмы в 1908-1914 гг. составили 60 млн. руб.⁵⁴). Маньчжурия являлась главной поставщицей хлеба, мяса и других продуктов для Приамурья. Для метрополии она все же представляла интерес только как рынок для русских фабрикантов, а на русские предприятия в Маньчжурии правительство смотрело как на зарубежные.

1. РГИА. Ф. 323, оп. 1, д. 983. Л. 45об-46.
2. Вестник Востока. - 1908. - 30 марта.
3. Русско-Китайский банк. 1904-1909 гг. - СПб, б.г. - С. 45б.
4. Дальний Восток. - 1907. - 17 ноября.
5. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. - СПб, 1906. - С. 75б.
6. Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892-1906). - Л., 1928. - С. 29.
7. РГИА. Ф. 323, оп. 1, д. 712. Л. 156об.
8. Русская казна на железной дороге. - СПб, 1910. - С. 5.
9. Ст.Харбинский. Что такое КВЖД и куда идут ее миллионы. - СПб, 1908. - С. 102.
10. РГИА. Ф. 323, оп. 1, д. 973. Л. 71.
11. Харбинский вестник. - 1907. - 14 марта.
12. Харбинский вестник. - 1907. - 26 сентября.
13. Харбинский вестник. - 1908. - 14 марта.
14. РГИА. Ф. 323, оп. 1, д. 983. Л. 34-38.
15. Харбинский вестник. - 1908. - 15 июня.
16. Вестник финансов, промышленности и торговли. - 1909. - N 52: - С. 657.
17. Вестник Азии. - 1913. - N 13. - С. 15.
18. Записки Приамурского отдела императорского общества востоковедения. - 1915. - Вып. 111. - С. 237.
19. Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. - М., 1991. - С. 276.
20. Мещерский А.С. Полоса отчуждения КВЖД как распределительный центр мясных продуктов. - Харбин, 1920. - С. 18.
21. РГИА. Ф. 323, оп. 10, д. 753. Л. 7.
22. Юбилейный сборник харбинского биржевого комитета. - С. 241.
23. РГИА. Ф. 323, оп. 1, д. 698. Л. 18б.
24. Денисов В.И. Россия на Дальнем Востоке. СПб, 1913. - С. 101.
25. Мартынов Е.И. Работа наших железнодорожных дельцов в Маньчжурии. - М., 1916. - С. 9.
26. РГИА. Ф. 323, оп. 1, д. 983. Л. 83.
27. Любимов Л.И. Очерки по экономике Маньчжурии. - С. 114.
28. РГИА. Ф. 323, оп. 1, д. 983. Л. 83.
29. Материалы по Маньчжурии и Монголии. - Харбин, 1909. - Вып. 32-33. - С. 45.

30. Харбинский вестник. - 1913. - 10 августа.
31. Романова Г.Н. О роли капиталовложений России в развитии экономики Маньчжурии. - Общество и государство в Китае: восьмая научная конференция. - М., 1977. - Вып. 2. - С. 146.
32. Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке. - СПб, 1911. - С. 69.
33. РГИА. Ф. 323, оп. 1, д. 983. Л. 47об.
34. Отчет коммерческого агента КВЖД А.П.Болобана. - Харбин, 1912. - С. 203.
35. Юбилейный сборник харбинского биржевого комитета. - С. 189.
36. РГИА. Ф. 323, оп. 1, д. 983. Л. 199-200.
37. Записки Приамурского отдела императорского общества востоковедения. - Хабаровск, 1912. - Вып. 1. - С. 240.
38. Харбинский вестник. - 1912. - 3 апреля.
39. Харбинский вестник. - 1913. - 17 октября.
40. Харбинский вестник. - 1914. - 14 марта.
41. Маньчжурская газета. - 1911. - 20 ноября.
42. Там же.
43. Политтехник. - Сидней, 1978. - N 10. - С. 194; РГИА. Ф. 323, оп. 1, д. 983. л. 34-37, 64-68, 199-200; Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. - 1913. - N 20. - С. 12; Юбилейный сборник харбинского биржевого комитета. - С. 35-37.
44. Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. - 1913. - N 40. - С. 3.
45. РГИА. Ф. 323, оп. 1, д. 983. Л. 165.
46. Быт и культура Востока. - 1910. - N 1. - С. 1.
47. РГИА. Ф. 323, оп. 1, д. 983. Л. 77об.
48. Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. - 1913. - N 43. - С. 11.
49. Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. - 1913. - N 22. - С. 8.
50. Юбилейный сборник харбинского биржевого комитета. - С. 370.
51. Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. - 1913. - N 40. - С. 5.
52. РГИА. Ф. 323, оп. 1, д. 983. Л. 78.
53. Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. - 1913. - N 37. - С. 12.
54. Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX - начало XX вв. - М., 1987. - С. 102.

Клуб Конфуция

Предлагаемая вниманию читателей "ПДВ" статья видного американского философа и теолога Роберта Невилла кажется розыгрышем. И в самом деле, как еще можно отреагировать на обсуждение темы о путях развития "бостонского конфуцианства"? Однако юмор автора при изложении проблемы не должен скрывать от нас ее значимость и весомость.

Американская философская синология вышла на тот уровень, когда вслед за стадией "количественного" роста, состоящей в накоплении переводов китайских философских текстов и базовых комментаторских исследований, пришло зрелая "качественного" этапа, на котором генерируются и аккумулируются новые идеи. С конца 70-х годов конфуцианская философия в США существует как философское течение, а не как обычный раздел историко-философских исследований. Это заслуга многих мыслителей. Можно вспомнить крупнейшего постконфуцианского теоретика Ду Вэймина, профессора Гарвардского университета, отнесенного в статье к школе бостонского конфуцианства северного берега реки Чарльз, профессора Гавайского университета в Маноеа Чэн Чжуньина и других, многие из которых упоминаются в статье Невилла.

Современные конфуцианские исследователи из США, как азиатского, так и неазиатского происхождения, публикуют свои работы, преимущественно, на английском языке. Благодаря этому современное конфуцианство не только продолжает процесс освоения достижений западной философской традиции, но и само начинает оказывать влияние на последнюю. Помимо лингвистической доступности, изложение существа конфуцианской мудрости на европейском языке влечет значительные изменения в области концептуально-понятийного аппарата. Лишившись многовековых иероглифических одежд, китайская мысль дискурсивно соединяется с европейской, используя собственные понятия в рамках европейского философского языка.

Подчеркнем, что работы американских конфуцианцев являются не только "американскими", но и вполне "конфуцианскими". Теоретическое содержание их работ вполне органично прочитывается в контексте развития и становления традиционной китайской философии в эпоху современности. Ориентация Ду Вэймина на постижение внутреннего духовного мира человека как Конфуцианской Личности, на определение путей его морального самосовершенствования вкупе с его интересом к религиозно-

спиритуалистическим аспектам конфуцианского гуманизма дают основания для причисления его к современным продолжателям неоконфуцианского "учения о сердце-разуме" (синь сюэ) Лу Цзююаня - Ван Янмина. С другой стороны, акцент Чэн Чжунфуна на исследовании китайской космологии, метафизики бытия мироздания и его курс на аналитическую реконструкцию китайской философской традиции характеризуют его как наследника неоконфуцианской школы "учения о принципе-законе" (ли сюэ) братьев Чэн - Чжу Си.

Конфуцианская философия перестает быть уделом одних лишь ученых китайского происхождения, к обсуждению серьезных проблем активно подключаются философы-профессионалы, не ограниченные в своем мировоззрении узкими рамками синологии. Р.Невилл принадлежит к философской элите США - с 1977 по 1987 он был деканом отделения изящных искусств и гуманитарных наук Университета штата Нью-Йорк в Стоун Бруке, с 1988 возглавляет Школу теологии Бостонского университета. В его послужном списке посты президента Американского метафизического общества (1989), Американской академии религий (1992), Международного общества китайской философии (1992-1993). Предложенный к публикации в "ПДВ" текст представляет собой выступление Р.Невилла на весьма авторитетном научном форуме - Всемирном философском конгрессе в Москве в августе 1993 года.

О причинах интереса философа и современного протестантского богослова к конфуцианству читатель сможет узнать из первых рук, ознакомившись с публикацией. Хотелось бы лишь предостеречь от необоснованных обобщающих суждений о мировоззрении автора. Философские взгляды Р.Невилла отнюдь не сводятся к прагматизму в духе Ч.Пирса. Напротив, по признанию большинства своих коллег, Р.Невилл является одним из ведущих продолжателей организмической "философии процесса" А.Уайтхеда. Интерес автора к конфуцианству вовсе не ограничивается его морально-этической поведенческой ипостасью. В своих публикациях Р.Невилл уже давно уделяет значительное внимание онтологическому наследию традиционной китайской философии, полагая, что может быть весьма продуктивным содержательное сравнение креационистских идей христианства с аналогичными проблемами из восточноазиатской мысли.

Заметим также, что Р.Невилл принадлежит к числу тех американских философов, что возлагают большие надежды на взаимодействие китайской и американской философских традиций. Кажется, что нет ничего общего между тысячелетними путями конфуцианского Китая и несколькими столетиями американской цивилизации. И тем не менее, современная американская философия сохранила в себе немало классических черт, обойдя в своем пути модернистские течения, захлестнувшие Европу (подробнее см.:Neville R.,The Highroad around Modernism. Albany, SUNY Press,1992). В этом плане у американской ветви западной философии, сохранившей осязательные компоненты реалистической, натуралистской или прагматической мысли, есть весьма много общих точек для соприкосновения и взаимодействия с китайской философской традицией.

"Бостонское конфуцианство" - корни восточной культуры на западной почве

© 1995

Р.Невилл

В 1991 году вместе с коллегами из Бостонского университета Джоном Бертронгом и Чунг Кай-сиком мне довелось принять участие во второй конференции по проблемам диалога конфуцианства и христианства в Беркли, Калифорния. Мы трое также участвовали в первой конференции в Гонконге в 1988 году, но в тогда лишь я один представлял Бостон; Ду Вэймин из Бостона участвовал в первой конференции и помог в подготовке второй. Из-за этого на конференции в Беркли было сделано немало шуточных замечаний относительно растущей школы бостонского конфуцианства. Часть этой шуточки относилась к людям, перебравшимся в Бостон из Кореи и Канады. Но по большей части фраза "бостонское конфуцианство" звучала оксимороном: бостонцы могут быть брахманами, но лишь представители Восточной Азии могут быть конфуцианцами. Ду Вэймин может быть конфуцианцем в Бостоне, но далее всегда ставится вопрос о китайской диаспоре.¹

В ходе конференции основные споры разгорелись вокруг вопроса о том, в какой мере конфуцианство так неразрывно связано с выражением китайской этнической культуры, что оно может быть пересажено в другие земли только через массивный рост китайского влияния. Действительно ли конфуцианство вырастает и может произрастать только в восточноазиатских культурах? Или же, напротив, конфуцианство есть философский образ жизни, несущий в своей сердцевине диалектический и критический реформаторский подход к культуре, в связи с чем, хотя оно и развилось исторически в Восточной Азии, в принципе оно может быть культивировано и в Бостоне? Стоит ли сегодня конфуцианство перед лицом проблем многокультурного воплощения и приспособления к местным условиям, подобно христианству, исламу и буддизму? "Бостонское конфуцианство" было отождествлено на конференции с последней точкой зрения, поскольку идею защищали участники из Бостона и оксимороническое звучание названия лишь подчеркнуло проблему.

Некоторые феминистские критики нападали на конфуцианство за патриархальное угнетение женщины в Восточной Азии и на эти нападки было дано несколько различных интересных ответов. Одни признавали значение этой критики и отвергали конфуцианство. Другие признавали сущность обвинения,

но говорили о правоте конфуцианства в подчинении женщины; впрочем, эта позиция защищалась вяло и в основном в ходе перерывов для кофе. Третий ответ гласил, что обвинения в патриархальном угнетении преувеличены.

Четвертый, наиболее интересный ответ, проводил четкое разграничение между патриархальной восточноазиатской культурой и конфуцианским движением, дающим критический толчок в пользу гармонии против всякого угнетения, которое не в состоянии почитать Принцип в каждом человеке. Отождествляясь с бостонским конфуцианством, четвертый ответ предполагает, что хотя конфуцианство зачастую ориентировалось на сильную половину, принуждая женщин к занятию подчиненной роли, это вина не конфуцианства как живой философии, но первичной культуры, над которой конфуцианство никогда не доминировало полностью. Подобно даосизму, в своих основных текстах конфуцианство издавна более акцентировало взаимность, чем угнетающую субординацию, и, подобно даосизму, вело критическую и часто проигрышную борьбу с первичной патриархальностью. То, что конфуцианство чаще даосизма становилось носителем патриархальных обычаев в Восточной Азии, говорит лишь о его большей испорченности властью, а не о его основных устремлениях.

"Первичной культурой" Бостона является рационалистический эгалитаризм европейского просвещения, против которого конфуцианству потребуются переработать свою критику моизма и подчеркнуть "любовь с различением". Анализ диалектического и критического отношения, которое должно сформировать конфуцианство по отношению к американской культуре, может заодно пролить ретроспективный свет на его диалектическое и критическое отношение к первичной культуре Восточной Азии.

Большое число ученых годами пытались вывести конфуцианство за пределы границ специфической исторической культуры и развить его в мировую философию.² До настоящего времени даже в диаспоре современные конфуцианцы обеспокоены своим этническим восточноазиатским наследием и тем, как реагирует конфуцианство на модернизацию восточноазиатских обществ. Неазиатам приходилось думать о себе как об исследователях, симпатизирующих конфуцианству, нежели как о конфуцианцах внутри невовосточноазиатских культур, связанных с ними по происхождению. Идея "бостонского конфуцианства" позволяет этническим представителям Восточной Азии увидеть конфуцианство как традицию со многочисленными культурными воплощениями. Второе, третье и четвертое поколения граждан западных стран с восточноазиатским этническим наследием, жили только в контексте западного конфуцианства. Те из нас, кто не связан этнически с Восточной Азией, кто пытается сформировать свою личную и общественную жизнь по конфуцианским стандартам, могут признать себя конфуцианцами невовосточноазиатского типа.

Далее я попытаюсь обрисовать подающиеся пересадке корни конфуцианства, обсудив также пути понимания отношений этих корней к культурам, в которые они могут быть высажены и побегам, которые могут из них произрасти.

1. Пересадка конфуцианства : корни и ветви.

Хотя бесплодно пытаться обнаружить "сущность" конфуцианства как некую исторически нейтральную абстракцию, тем не менее утверждение ядра влияния традиции является императивным для любого вопроса о межкультурном переносе этого влияния. Идентификация "ядра" традиции является точкой идущих споров, и я могу предложить лишь свою гипотезу, в соответствии с

которой ядро состоит из трех элементов - первичных писаний, вторичных писаний и контекста истолкования.

С моей точки зрения конфуцианские первичные писания состоят из "Четверокнижия", т.е. текстов "Бесед и изречений (Лунь юй)" Конфуция, "Учения о середине (Чжун юн)", "Великого учения (Да сюэ)" и "Мэн-цзы", дополненного книгой "Сюнь-цзы". Вторичные писания конфуцианства образованы основными неоконфуцианскими текстами династий Сун и Мин, включая важные работы Чжоу Дунъи, Чжан Цзая, Шао Юна, Чэн Хао, Чэн И, Лу Сяншаня, Чжу Си и Ван Янмина. Контекст истолкования включает в себя исторический фон и сопутствующие тексты, необходимые для понимания того, каким образом первичные и вторичные тексты приобрели имеющуюся форму. В дополнение к некоторому пониманию китайской, корейской и японской истории, контекст истолкования включает "Книгу перемен (И цзин)", книги даосов, моистов и легистов, тексты китайского буддизма наряду с его духовной практикой и социальной организацией.

Итак, первичные писания состоят из текстов, песен или ритуалов, которые принимаются всей традицией в общем и по большей части как содержащие ее нормативные принципы и мотивы самопонимания. Часть чьей-либо претензии на правильность реконструкции ценного в традиции состоит в демонстрации того, что его реконструкция дает обоснованное усвоение первичных писаний. Первичные писания интерпретируются по-разному различными школами: ставятся различные акценты, одни элементы преувеличиваются, другие уводятся в тень. Интерпретации первичных писаний могут просто противоречить друг другу, и должно быть признано, что роль которую играли первичные писания для той или иной школы есть функция самой школы, но не писаний. Хороший случай испытания "канона" первичных писаний возникает тогда, когда новое движение внутри традиции признает свою частичную гетеродоксию из-за исключения чего-либо из канона или из-за попытки инновации.

Конфуциевы "Беседы и изречения" выступают в качестве первичного писания не только из-за своей основополагающей роли в том, что получило название "конфуцианства", но и по двум другим принципиальным причинам. Во-первых, они предоставляют основные темы и мотивы конфуцианства, элементы, развивавшиеся впоследствии почти каждым крупным мыслителем. Сюда относятся гуманность, ритуальная благопристойность, должностное отношение, сыновняя почитательность, взаимность, важность развития личных отношений, признающих различия наряду с равенством в дружбе, обязательства общественной жизни и службы - все это обычно ассоциируется со случаями или персонажами, конкретизирующими их.

Во-вторых, "Беседы и изречения" дают особую ориентацию на жизнь мудреца, а именно на интеллектуальную критику и поиск практического совершенствования существующих социальных привычек в лучшую сторону. Для Конфуция это приняло формы сожалений о утрате общественной и личной добродетели в сравнении с золотым веком ритуальной благопристойности и ратования за восстановление этих добродетелей через осознанное возожобновление ритуальной благопристойности.

Из-за центральности этого пункта для бостонского конфуцианства стоит заметить, что проект Конфуция имеет аналог у Платона. Вспомним, что Платон писал в тот период, когда классические ценности в Греции (выраженные, к примеру, Периклом) были подорваны. Войны с Персией и возможности для путешествий в Египет показали, что есть другие пути создания высокой культуры, отличные от греческого. Софисты развили серьезную философию культурного релятивизма. Рост демократии в определенных сферах означал, что

мнение каждого столь же достойно уважения, как и мнение любого другого, вне зависимости от образования, опыта, общественного духа или глубины мысли. Философский проект Платона должен прочитываться в свете этой ситуации. Он создавал тончайшие метафизические схемы для описания природы истинных ценностей, показывая, как просто они могут релятивизироваться и неправильно пониматься. Платон вновь и вновь демонстрировал диалектический процесс определения того, что ценно в ситуациях, он развил для образованных людей теории и практические процедуры выделения истинного среди относительностей, ставя истину в положение выше политики. Он поставил вопрос о том, что же должен делать справедливый человек в несправедливом мире, когда даже лучшие политические усилия ведут к несправедливым результатам и ответил, что справедливые люди должны идти за знанием. Платон создал западный университет подобно тому, как Конфуций создал или, по крайней мере, популяризовал роль конфуцианского учителя. Когда конфуцианство привносится в культуру, подготовленную Платоном, трагический смысл жизни Конфуция и его неудача в большой политике могут быть поняты в свете его чрезвычайно успешной альтернативной стратегии.⁵

"Учение о середине" является первичным писанием потому, что содержит классическое выражение конфуцианской модели "я" как полярной структуры, простирающейся от внутреннего сердца, обладающего сосредоточенной готовностью отвечать всем вещам в соответствии с их ценностью к десяти тысячами вещей. Каждая личность идентична любой другой по заложенной в ее центре готовности ответить, что позднее отождествлялось с универсальным принципом; однако каждый человек имеет свое расположение в перспективе десяти тысяч вещей и должен отвечать по-своему. Структуры души, знаний, чувств и умений соединяют два полюса, образующие Я. Конфуцианский урок состоит в том, что они должны стать чистосердечными и утонченно-прозрачными, чтобы центральное сердце могло видеть десять тысяч вещей без искажений и должным образом, без отклонений действовать по отношению к ним. Привычная структура Я, состоящего из души, знаний, чувств и умений эгоистична, она искажает видение и дезориентирует действия, тогда как конфуцианский путь дает лекарство от этого эгоизма.

"Великое учение" выступает в качестве первичного писания поскольку показывает, что задача образования не ограничивается уединенностью души или даже личной жизни, но пролегал с определенными сдвигами в природе через личные общественные роли, через семейные структуры и жизнь сообщества к самым всеобщим и отдаленным структурам политики. Такое сопоставление Я и общества, опосредованное космическим добром, такая непрерывность обязательств, существующих между личной и общественной жизнью, дают темы, удивительно конгениальные платоновским, хотя и выраженные уникальным образом конфуцианскими классиками.

Книга "Мэн-цзы" является первичным писанием из-за разработки природы сосредоточенной готовности отвечать подлинным ценностям вещей, описанной Мэн-цзы в его дискуссии о "четырех началах". Сквозь всю книгу развивается тема изначальной доброты человеческой природы и ее постоянного расстройств и искажения. Он выделил неправильное образование и неадекватные общественные структуры в качестве источника неудач в проявлении и должном культивировании изначальной доброты. Здесь сфокусировалось направление конфуцианского образовательного проекта.

Работы Сюнь-цзы не были включены Чжу Си в его канон первичных писаний, и я признаю здесь риск гетеродоксии; тем не менее, нет ничего более ортодоксального в конфуцианской традиции, чем спор о каноничности. Сюнь-цзы всегда глубоко почитался и его вклад состоит в теории порчи. Если

человеческая природа изначально добра, почему люди столь эгоистичны? Его ответ заключался в том, что люди формируются ритуальной благопристойностью или ее искаженными и превращенными формами, они могут также потерпеть неудачу в формировании человечности из-за недостатка форм благопристойности. Поэтому содержание конфуцианского проекта состоит в исправлении и очищении форм ритуальной благопристойности. С точки зрения образования эта озабоченность благопристойностью гораздо важнее восхваления изначально доброты человеческой природы или внимания к строгим деталям обязательств, что более всего занимало Мэн-цзы. Скорее конфуцианский проект будет направляться по линии Сюнь-цзы к стилизованным или конвенциональным социальным формам, опосредующим отношения людей между собой, с природой и с другими институтами, такими как семья, порядок сообщества, правительство, искусства и письменность.

Сердцевинной бостонского конфуцианства является возрождение внутри конфуцианства призыва к ритуальной благопристойности. Очеловечивающие конвенции в применении к американской ситуации полностью отличны от тех, что существовали в Древнем Китае или в эпоху династии Мин, восходя в своих истоках к западной традиции, особенно к Просвещению. Акцент бостонского конфуцианства состоит не в возобновлении старых форм личных манер - иначе это будет бостонский брахманизм. Речь идет о фокусировке этической жизни на развитии социальных форм и стилей, способных к должной гуманизации, когда гуманизация рассматривается в контексте Я, общества и доброты, выражаемой конфуцианскими и западными классиками. Стратегическим аргументом для ортодоксии бостонского конфуцианства будет то, что избрание Сюнь-цзы как переносимого корня для высадки в Америке принесет с собой лучшее из конфуцианства в имеющейся ситуации.

По контрасту с переносимыми первичными писаниями переносимые вторичные писания не образуют комплекса текстов, которые должны быть освоены и которым должно дать некоторое позитивное истолкование. Но они образуют сложный диалог, свое отношение к которому должны определять последующие конфуцианцы. Нам нет необходимости становиться на сторону Чжу Си или Ван Янмина, нет нужды соглашаться с Чжоу Дуньи о том, что совершенно пусто. Однако мы должны быть в курсе проблем, формировавших дискуссии и иметь к ним свое отношение. Это похоже на то, как современному философу приходится относиться к великим мыслителям ранней современности Декарту, Гоббсу, Локку, Юму, Спинозе, Лейбницу и Канту как к авторам вторичных писаний; ему не нужно соглашаться с одними и спорить с другими, но он должен иметь свою позицию по отношению к ним. Возможно, современные конфуцианцы сумеют "покончить" с неоконфуцианством так, как постмодернистские западные философы предполагают "покончить" с модерном; и все же это есть проблема текущей работы с формированием подхода к этим вторичным писаниям. Конечно, не все исповедующие бостонское конфуцианство должны быть философами или учеными, они могут иметь весьма мало прямых познаний о дебатах династий Сун и Мин; однако их практика будет сформирована этими дебатами и тем, как они относятся к настоящему.

Переносимый контекст истолкования для конфуцианства состоит в знании китайской культуры и истории, достаточном для способности располагать первичные и вторичные писания и в особенности первые. Конечно, здесь никогда не будет достаточного исходного знания, ученые будут продолжать представлять герменевтические прочтения древних конфуцианских текстов вне зависимости от их переноса за пределы Восточной Азии и восточноазиатской диаспоры. Но не будет завышенным ожидание от свободно образованных людей Запада изучения восточноазиатского культурно-исторического фона для

возможности располагать конфуцианские тексты во времени и культуре. При нынешнем упадке исторического знания западной традиции в западных культурах, дать жизнь конфуцианским текстам среди студентов колледжа будет не труднее, чем сделать для них доступными древних греков или средневековых христиан.

Я подчеркнул новые элементы конфуцианства, которые должны быть перемещены из Восточной Азии на иные культурные основания, к примеру, американские и даже бостонские.

Эти корни должны быть пересажены и расти с тем, чтобы стал возможным новый невостоочноазиатский расцвет конфуцианства. Тема корней и ветвей есть плодотворный путь выражения отношения полностью укорененной и процветающей культуры Азии к новым виноградникам на новой культурной почве.

2. Выдающиеся заслуги бостонского конфуцианства.

Хотя значительное число ученых восточноазиатского и западного происхождения, пытавшихся развить конфуцианство в мировую философию, не живет в Бостоне, я хотел бы поднять вопрос об особых чертах бостонских дискуссий.

Большая территория метрополии Бостона разделена рекой Чарлз, текущей с запада на восток. Бостон стал центром творческих конфуцианских исследований благодаря прекрасной работе Ду Вэймина в Гарварде, расположенном на северном берегу реки Чарлз. Ду не просто познакомил с конфуцианской традицией многих западных ученых, подобных мне. Своими работами и незаурядной одаренностью в общественной интеллектуальной жизни, он сумел развить богатый современный смысл конфуцианства, подходящий для Бостона и не только для него одного.

Краеугольным камнем проекта современного конфуцианства, принадлежащего Ду Вэймину, скорее всего, является его идея "опекающего сообщества". Впервые она была разработана в его книге "Центральность и общность: Эссе о Чжун-юнь" /1976/. В третьей главе этой книги, названной "Опекающее сообщество" /"The Fiduciary Community"/, Ду доказывает, что в "Учении о середине", как и в древнем конфуцианстве вообще, присутствует вера в то, что хорошее сообщество основано не просто на отношениях силы, хотя последние также присутствуют. Оно основывается более на символических актах, передающих подлинное сочувствие от правителя ко всем людям, охватывая тех, кто находится на нижних ступенях социальной лестницы и гостей из чужих стран. Символы этого включают заботу о своей семье и осуществление "любви с различием". Они также включают предоставление государственной поддержки министрам и чиновникам без смещения управления государством с назначением родственников, которых стоит привечать дарами и признанием, но не службой, по крайней мере если они не обладают выдающимися заслугами.

Хотя символы царственного сочувствия взяты из образов родительской заботы и тесного личного внимания, на деле они должны передавать гуманизованную беспристрастность через все царство, делая целое гармонизованным, персонально оживляемым опекающим сообществом. Ду пишет: "В более глубоком смысле, однако, правитель не может использовать свою силу по отношению к народу непосредственно; его политическое влияние может быть постепенно расширено через посредничество назначенных чиновников. Если он не может отождествить себя с благосостоянием тех, кто

ответственен за выполнение его политики, его руководство будет значительно ослаблено. Что он должен делать, так это видеть, что его уважение к ценным, его забота о своем роде и уважение к великим министрам не подрывают его заботы обо всем чиновничестве - включая также массу подчиненных бюрократов. Конечно, этот процесс включения должен также охватывать ремесленников, крестьян и даже чужаков из дальних стран. Моральное принуждение правителя может быть подлинно эффективным только если оно проводится в духе подлинной беспристрастности. Как только забота правителя ограничивается группами специальных интересов, его эффективность как лидера всей страны становится проблематичной".⁵

Основная направленность анализа Ду Вэймина нацелена, однако, не на ритуалы и символы, передающие персонализированную беспристрастность, а на развитие характера правителя или мудреца. В этом он прямо следует направленности "Чжун юн". И в других своих работах Ду продолжает подчеркивать культивирование социально углубленного Я, как это видно из его биографии молодого Ван Янмина⁶, книг "Человечность и самосовершенствование: очерки конфуцианской мысли"⁷ и "Конфуцианская мысль: Личность как творческая трансформация"⁸. Его последняя книга не содержит акцента на гуманности в своем названии, но фактически продолжает его⁹. Утонченные и далеко идущие писания и учение Ду Вэймина сделали бостонское конфуцианство северного берега реки Чарлз философией трансформации личности в полностью человечную в современном мире - не только в мире Восточной Азии, но в мире современности и, возможно, постмодерна. В этом аспекте бостонское конфуцианство принимает направленность мысли Мэн-цзы и Ван Янмина, особенно в интерпретации учителя Ду Вэймина - Моу Цзунсяня, которому он посвятил книгу "Centrality and Commonality".

Это же принимается и конфуцианцами южного берега реки Чарлз, но с важным добавлением - принципиальный путь гуманизации характера всех социальных классов и ролей пролегает через реформирование ритуальной благопристойности. Герберт Фингаретт начал развивать эту линию в Америке в восьмью книге "Конфуций - мирянин как святой", в которой невольно возвысил ритуальную благопристойность до столь же почитаемого уровня, что и гуманность (жэнь) в толковании Конфуция.¹⁰ Его аргументация выстраивалась на основе понятия исполнения в символическом действии, сопоставляемого с простым значением символа. Он показал, что вещи, образующие человеческие качества жизни, - например, сыновняя почтительность вместо биологической связи, сообщество вместо силовых отношений, дружба вместо прагматического сотрудничества - все они образованы исполнением символических актов. Эти акты не символизируют ничего иного как знаки, обозначающие объекты, но их исполнение выступает гуманизирующим элементом жизни. Дружба не описывается и не обозначается дружественным поведением, но состоит из него.

Бостонское конфуцианство южного берега Чарлз развивает далее акцент Фингаретта на ритуальном должествовании, интерпретируя его при помощи прагматическую теорию Чарлза Пирса о привычках и знаках. (Хотя Пирс родился и вырос в Гарварде, то есть на северном берегу Чарлз, он пересек реку чтобы сделать свое лучшее дело). Для Пирса, чьи корни полностью западные, человеческая жизнь состоит из практикования огромного комплекса привычек. Привычки вырастают из биологических форм, подобно привычке сердца биться или привычке легких обмениваться химическими веществами. Но наиболее интересные привычки формируются теми знаками, что истолковывают окружающий мир, обрамляют ценные задачи, позволяют переживать вещи на расстоянии. Поскольку привычки включают в себя взаимодействие с природным

и социальным окружением, они постоянно корректируются и реформируются происходящим. Для Конфуция значимый человеческий слой жизни тот, что состоит из практикования привычек, образованных высшими знаками. Высшие знаки, блестяще проинтерпретированные Пирсом в его семиотике, развиваются через социальные взаимодействия, вырастают и приходят в упадок под диктатом обстоятельств. Для Пирса одним из наиболее важных аспектов человеческой жизни было развитие привычек, которые предоставляют нам некоторый контроль над нашими реакциями на вещи, включая наши реакции на изменения привычек. Мораль для Пирса состоит из развития привычки к различению истинных ценностей и контролирования поведения с уважением к тому, что делает жизнь наиболее человеческой. Он говорил, что логика есть вид этики, а этика есть вид эстетики. Этика озабочена практикованием интеллектуального контроля над выращиванием благого как такового, выделяемого эстетикой.

Вклад бостонского конфуцианства южного берега Чарлз состоит в пересадке корней конфуцианства на почву американского прагматизма с его теорией привычек и знаков. На уровне определяющей человечности знаки включают в себя не только язык, но и жесты, позы, привычки зрительного контакта, манеры вступления в беседу и выхода из нее, способы настаивать на своем или уступать. Сюда входят и социальные привычки, образующие семейную и общественную жизнь, институциональные привычки в образовании, средствах массовой информации, торговле, производстве, труде и изготовлении продуктов питания. Знаки включают в себя все пути, которыми мы представляем себя, наши цели, нашу работу и наш мир, пути, которым мы следуем, пытаемся выработать собственную идентичность.

Бостонское конфуцианство, в особенности с южного берега реки Чарлз, указывает на то, что привычки, образующие персональный и социальный характер человека и являющиеся общественными по своему происхождению и применению, часто оказываются недостаточными для выражения и реализации подлинной человечности. Они часто искажают или преуменьшают семейные связи, сводя их к биологии в сочетании с социальным благосостоянием. Они сводят экономическую деятельность к рациональной эксплуатации себя и других. Они сводят политику к соревнованию сил среди заинтересованных групп. Они сводят искусство к выражению идеологии. С другой стороны, подчас попросту отсутствуют знаки для привычного выражения того, что составляет собственно человеческое измерение жизни. Например, современный западный акцент на дружбе в том виде, как он сформировался внутри нуклеарной семьи, тесно ассоциируется с эротической привязанностью мужа и жены, в итоге чего не остается модели для тесной дружбы между представителями одного пола, не намекающей на гомосексуальность. Это частное отсутствие значимых социальных знаков, характеризующее современный Запад, не было таковым в античной или средневековой культурах того же Запада, как и во многих других культурах, отделяющих сексуальную интимность от дружеской.

Пересаживая на американскую почву прагматических привычек и семиотики конфуцианские первичные писания, в первую очередь текст Сюнь-цзы с его акцентом на ритуальной пристойности, бостонское конфуцианство восстанавливает конфуциев проект критики существующего общества в понятиях идеалов, выраженных в ритуальной пристойности человечности. Широта поля знаков в американском смысле выходит далеко за пределы ритуала в церемониальном смысле. Но Конфуций и Сюнь-цзы имели весьма широкий взгляд на значение церемоний и обобщение, идущее от ритуальной пристойности к культуре гуманизированных привычек, формируемых соответствующими знаками, является естественным развитием их озарений. Посредством такого расширяющего развития конфуцианство диалектически

соединяется со всей традицией западной культуры, а не только лишь с одними этническими культурами Восточной Азии. Программа бостонского конфуцианства есть не просто призыв к самопреобразованию, но критика объективной природы знаков, образующих нашу культуру, и призыв к их изменению различными путями, приемлемыми в настоящей ситуации. Поскольку фактически личность-Я формируется объективными социальными привычками, в соответствии с которыми реализуется ее человечность, бостонское конфуцианство с южного берега Чарлз подчеркивает прежде всего критику и реформирование объективных значимых социальных структур, а не ориентированное на внутренний мир личностное самопреобразование. Здесь нет противоречия с точкой зрения школы северного берега Чарлз, это лишь разница в акцентах¹¹. Единство позиций состоит в признании того, что подлинная человечность личной и общественной жизни зависит от культурной доступности и преобладания должных знаков над окружающими привычками. Иначе говоря, подлинная человечность зависит от должным образом обобщенной ритуальной пристойности, и здесь мы можем что-то предпринять, особенно через образование.

3. Конфуцианские инновации.

Кто-то воспримет дискуссию о бостонском конфуцианстве с большой долей юмора. В самом деле, тот факт, что Чарлз Пирс, Ду Вэймин и я являемся бостонцами, суть совершенная случайность, и я говорю о гораздо более широком круге людей в Америке и Азии, подходящих к конфуцианству как к мобильной мировой философии. Развитие конфуцианских исследований и практика Теодора де Бари в Колумбийском университете в Нью-Йорке были более длительными и продуктивными, чем любого из бостонских конфуцианцев, даже если он и его ученики Джудит Берлинг, Родни Тэйлор и Мэри Эвлин Такер ответили на призыв алтаря. Лю Шусянь в Гонконге и Чэн Чжунъян на Гавайях разделяют общую программу бостонского конфуцианства, имея весьма незначительную связь с Бостоном. Но если мы возьмем бостонское конфуцианство как символ глобального развития, то можно выделить четыре инновации, которые должны быть введены в конфуцианскую традицию.

Во-первых, осознанное развитие невосточноазиатских форм конфуцианства требует интернационализации исторического сознания до уровня, не имеющего прецедента в традиции. Начиная с Конфуция, конечно же, традиция была озабочена историческим расстоянием и изменением, даже если понятия о прошлом носили по большей части легендарный характер. Важность первичных писаний конфуцианства для живой традиции Запада, однако, требует того, чтобы контекст истолкования состоял не только из "И цзина", но и из "Государства" Платона, как это было показано выше. Как неоконфуцианство училось у буддистов и даосов, так и бостонское конфуцианство учится у прагматистов и должно истолковывать себя кантонианцам, феноменологам и западным логикам. Масштаб исторических трансформаций, степень изменений и риск переплетения корней с ветвями ныне возрастают.

Во-вторых, в той степени, в какой конфуцианство будет расцветать в новых формах на Западе, будут появляться люди, отождествляющие себя с ним, живущие в соответствии с его первичными текстами и программами и при этом не являющиеся профессиональными учеными. Лишь немногие из конфуцианцев в Восточной Азии являются серьезными учеными - большинство тамошних конфуцианцев впитывает философию вместе с культурой. Но на Западе вплоть до недавнего времени связь с конфуцианством имели только представители

восточноазиатской диаспоры или серьезные ученые. Как и любая религиозная философия, конфуцианство выглядит много лучше тогда, когда оно представлено своими образованными лидерами. Но с настоящего времени оно будет представляться иногда и людьми вроде меня - не претендующими на китаеведческую ученость и читающими тексты в переводе. Как водится, платой за большой успех является популяризация, в данном случае жителями Запада.

В-третьих, успех на Западе сделает двойственную религиозную тождественность вынужденным выбором для конфуцианцев. Природа религиозной принадлежности является сложной проблемой, которая нами здесь не рассматривалась. Не обсуждался и вопрос о том, является ли конфуцианство религией, хотя оно безусловно связано с выбором жизненного пути и формированием "предельной озабоченности"¹². В Восточной Азии в различные времена конфуцианство было связано с буддизмом, даосизмом, синтоизмом и шаманизмом в соответствии с различными моделями, обладая при этом некоторой двусмысленностью в понимании религиозной принадлежности.¹³ На Западе возникнет вопрос о совместимости конфуцианства с христианством, иудаизмом и возможно, исламом. Касаясь первой встречи конфуцианства и христианства, заметим, что спор о "ритуалах" завершился негативным ответом на этот вопрос.¹⁴ В настоящей ситуации, я полагаю, ответ будет иным.

Конечно, не все религии являются совместимыми, даже если они интерпретируются в самых неважноисключающих терминах, какие тут только возможны. Несколько параметров делают конфуцианство совместимым с западным христианством. Когда конфуцианство призывает к критике и реформе культурных форм Запада, то это те же формы, на критику и изменение которых нацелено христианство. Фундаментальными целями христианства являются справедливость, благочестие, вера, надежда и любовь, они мало отличаются от конфуцианских характеристик гуманности и проблема для конфуцианства на Западе состоит в том, как изменить существующие социальные формы, поощряя развитие указанных качеств. Как христианство, так и конфуцианство ценят семейные отношения и расширяют эти отношения метафорически; путаница в понимании и реформировании существующей практики семейных отношений в Америке является общей как для христианских, так и для конфуцианских корней. Христиане понимают себя как часть особого тела, которым является церковь, несущая через различные исторические обстоятельства служение, начатое Иисусом; назначение церкви как исторически расширившегося "Тела Христова" состоит в завершении его служения через восстановление изначального согласия, когда люди жили в мире друг с другом, природой и Богом. Если это служение будет полностью успешным в историческое время, христианское движение будет деконструировано и жизнь будет идти в Новом Иерусалиме, не имеющем церкви ("Храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель - храм его и Агнец" - Откр.21,22). Хотя этому нет параллели в конфуцианстве, способной укротить пыл реформаторов, в частной исторической христианской идентичности нет ничего исключающего поиск идеала мудреца или реконструкцию знаков и социальных привычек для вскармливания подлинной человечности. Конечно, конфуцианская картина идеального гармоничного общества более напоминает безрелигиозность Нового Иерусалима. Конфуцианство всегда признавало, что социальные привычки и ритуальная благопристойность являются конвенциональными, а всякое соглашение является удовлетворительным лишь до тех пор, пока его практика вскармливает гуманность. Иудаизм и, возможно, также ислам аналогичным образом открыты конфуцианской форме практики.

В-четвертых, наконец, важность добродетелей общественной жизни для бостонского конфуцианства стала более очевидной в свете акцента на

восстановлении ритуальной благопристойности. Конфуцианский путь, что характерно прежде всего для представителей бостонского конфуцианства южного берега реки Чарлз, состоит в достижении совершенствования всех социальных и значимых форм, образующих персональные и социальные привычки. Через эти привычки и формирующие их знаки посредуются все человеческие отношения, вплоть до отношения к самому себе. Что есть общественная служба как не забота о социальных структурах? Что есть ученый-чиновник как не носитель государственной должности, видящий в образовании главное средство и заботу управления? Вся чиновничья деятельность не может быть приравнена к образовательному процессу. Однако образование, может быть, выступает как наиболее эффективный путь исполнения обязанностей чиновника, поскольку состоит в приобщении людей к знакам, направляющим их поведение, если эти знаки отсутствовали ранее или им плохо следовали. Человеческие существа непосредственно чувствительны к изменениям знаков. Любое другое администрирование привлекает силу, что неэффективно и контрпродуктивно в отношении свободной жизни человека.

Я иногда беспокоюсь, что конфуцианство выглядит необычайно привлекательным для деканов. Деканы пытаются управлять на основе соединения распространения взглядов и вознаграждений за хорошую практику, иных полномочий у них нет. Не сводится ли конфуцианство к представлению о том, что весь мир суть нечто вроде сорвавшейся с цепи школы? Думаю нет, по крайней мере что касается его бостонского прочтения. Война есть зло, сформированное ритуальными знаками враждебности, алчности и горькой памяти. Нищета формируется ритуальными знаками, определяющими собственность и обмен. Физическое и сексуальное насилие как поведение сформированы знаками, формирующими потребности и страсти. Безнадежность, отчаяние, насилие и саморазрушение, обращенные в субкультуру есть функции знаков, формирующих реальность нашей культуры. Знаки и ритуальное поведение не есть что-то иное как они сами в контексте: они в своей реализации дают подлинную реальность человеческой жизни. Конфуцианцы выявили жесткие реальности жизни и предложили путь реформирования их к объединению личности и общества в добре.

© 1995

Перевод с английского А.Ломанова

1. См.: "The Living Tree: The Changing Meaning of Being Chinese Today" // Daedalus (Spring 1991) 120/2. Изначальной темой этого номера была китайская диаспора. Однако она была изменена, дабы поразмыслить над различием центра и периферии и меняющихся отношений между ними. Но в каждом из этих образов - "диаспора" или "центр-периферия", содержится предположение, что конфуцианство относится лишь к понятию "быть китайцем". Настоящая статья оспаривает это мнение.
2. Среди китайских авторов, пишущих на английском, приходят на ум имена Чэнь Юнцзе (Wing Tsit-chang), Чэн Чжуньина (Cheng Chung-ying), Антони Кыюа (Antony Cua), Лю Шусяня (Liu Hsiu-shen) и Ду Вэймина (Tu Wei-ming). Среди западных ученых вспоминается В.Т.де Бари (Wm. Theodore de Bary).
3. Среди ученых, занятых религиозной компаративистикой, популярно утверждение, что христиане верят в изначальный грех, тогда как конфуцианцы верят в изначальную доброту человеческой природы. Это ошибочно по ряду причин. Христиане верят, что человеческая природа была создана доброй, но была испорчена; конфуцианцы верят, что хотя человеческая природа готова к развитию в сторону доброй жизни, она обычно и по большей части испорчена. Мы можем видеть, однако, что на глубинных уровнях неизбежная трагичность человека принадлежит не только христианской части одной лишь западной традиции. Она имеет свои мощные формы

- как у Платона, так и у Конфуция. Человеческие качества должны подчиняться общественной жизни, неизбежно разлагаясь или разрушаясь под ее влиянием, из-за чего ближайшей и лучшей альтернативой предстает создание квазинезависимой системы образования.
4. Tu Wei-ming, *Centrality and Commonality: An Essay on Chung-yung* (Honolulu: University of Hawaii Press, 1976). Monograph No.3 of the Society for Asian and Comparative Philosophy.
 5. *Ibid.*, p.87
 6. Tu Wei-ming, *Neo-Confucian Thought in Action: Wang Yang-ming's Youth (1472 - 1509)* (Berkeley: University of California Press, 1976).
 7. Tu Wei-ming, *Humanity and Self-Cultivation: Essays in Confucian Thought* (Berkeley: Asian Humanities Press, 1979)
 8. Tu Wei-ming, *Confucian Thought: Selfhood as Creative Transformation* (Albany: State University of New York Press, 1985)
 9. Tu Wei-ming, *Way, Learning, and Politics: Essays on the Confucian Intellectual* (Singapore: Institute of East Asian Philosophies, 1989).
 10. Herbert Fingarette, *Confucius -- the Secular as Sacred* (New York: Harper & Row, 1972). Хотя эта книга может быть стала началом определенно американской формы конфуцианства, она давно цитируется учеными типа Ду Вэймина, чья традиция изначально была восточноазиатской линией интерпретации.
 11. Первые две главы книги Ду Вэймина "Humanity and Self-Cultivation" озаглавлены "Творческое напряжение между "жэнь" и "ли" и "Ли" как процесс гуманизации". Мой первый анализ конфуцианской мысли в книге "Soldier, Sage, Saint" (New York: Fordham University Press, 1978) был полностью посвящен внутренней личностной трансформации.
 12. "Предельная озабоченность" (ultimate concern) есть определяющая точка религиозности по Паулю Тиллиху и, в некоторых отношениях, это должно быть верно. См. его книгу *Systematic Theology*, Vol. I, "Introduction" (Chicago: University of Chicago Press, 1952). Я полагаю, что признаками религии выступают ритуал, описывающий предполагаемое отношение людей к жизни, мифология или космология, символизирующие характер вселенной и ее пределы и духовная практика, направленная на улучшение или совершенство. См.: *Behind the Masks of God* (Albany: State University of New York Press, 1991), pp. 156 - 163. См. также: Robert Eno, *The Confucian Creation of Heaven: Philosophy and the Defence of Ritual Mastery* (Albany: State University of New York Press, 1990).
 13. Смотри, например: Judith Berling, *The Syncretic Religion of Lin Chao-en*. (New York: Columbia University Press, 1980).
 14. Более подробное рассмотрение первой встречи конфуцианства с христианством см.: Jonathan D. Spence, *The Memory Palace of Matteo Ricci* (New York: Elisabeth Sifton/Penguin Books, 1984)

Культура

На пути к "Истории тайваньского кино"

© 1995

С.А.Торопцев

На улице Циндао в Тайбэе, на 4-м этаже невысокого серого здания размещается Государственный киноархив Китайской Республики. Это практически в самом центре столицы. По утрам я садился на 237-й автобус и, расслабляясь в кондиционированной прохладе, доезжал почти до самого железнодорожного вокзала. Чуть левее вальяжно раскинулся президентский дворец, поглядывая на жестко поставленные напротив него щиты с внушительных размеров иероглифами "Фань гун би шэн" - "В борьбе с коммунизмом мы победим" - и в свою очередь подвергаясь тщательному присмотру мальчиков в гражданской одежде и с как бы студенческими сумками на плечах - из них они время от времени достают автономные телефоны, переговариваясь с бдями по всей округе коллегами.

Напротив почтамта, увенчанного колониального стиля башенкой с часами, - правительственный комплекс, обнесенный оградой, стилизованной под колючую проволоку. У ворот часовые - залюбуясь этими "восковыми фигурами": каски до бровей, высокие краги, стоят как вкопанные, и только глаза зыркают, с любопытством провожая прохожих. В боковом флигеле - Правительственное управление информации, в ведение которого включена и сфера кинематографии.

Именно это управление, откликнувшись на предложение Тихоокеанского фонда культуры помочь мне в работе над "Историей тайваньского кино", нашло в своих резервах необходимую сумму, позволившую мне добраться до острова, пробыть там месяц, поработать в Киноархиве, набрав исходный материал, лишь после изучения которого будущая "История" обретет реальные черты.

Какой материал? Ну, прежде всего это шесть десятков художественных фильмов самых разных этапов развития тайваньского кино: тот базовый материал, без которого все обилие печатных рассуждений критиков осталось бы для меня пустым звуком, чужим, не обретшим плоти мнением, которое я был бы в состоянии воспроизвести, но не проанализировать, чтобы с чем-то согласиться, а против чего-то и возразить.

Более того, оказалось, что полной современной "Истории тайваньского кино" пока не существует. Пишется, говорят, но последняя изданная "История" датирована началом 70-х - трехтомник Ду Юньчжи, в котором собственно кино Тайваня занимает последний тоненький томик, а сам автор уже живет в Канаде. Отсутствие такого исследования - серьезный пробел в изучении национального культурного достояния. Да и не только культурного. Кино - весьма и весьма социализированное искусство, оно запечатлевает на пленку, пусть даже вопреки своим намерениям, и материальное, и духовное бытие народа, и совершенно

необходимо уразуметь, в какой степени соотношения с реальностью находится язык национального кинематографа, всегда обладающий тем или иным уровнем условности.

В этом плане для меня крайне важно было не только посмотреть фильмы, но и увидеть саму жизнь тайваньцев на уровне простого, неформального общения. И я благодарен директору Киноархива Цзин Инжюю за то, что почти целый день провел у него в доме на склоне одной из гор, среди которых, как полная чаша, покоится Тайбэй. Было начало июня, праздник Дуанью, красочные лодки-драконы на ближайшем водоеме, а в доме - огромный круглый стол с традиционными цзунцзы, завернутыми в поблекшие-зеленые пальмовые листья, которые маслянисто поблескивали вытекающим жирком. Возглавлял стол не хозяин дома, а глава рода - его отец, известный художник Цзин Сунлин, на картинах которого пронзительные голубые пятна, вспыхивающие в пейзажах континентального Китая, давно оставленной родины, показались мне отражением ностальгической боли. Нет, далеко не каждый колодец (а именно так переводится фамилия Цзин) ограничивает кругозор, как утверждает древняя притча, живущих в нем.

Праздник Дуанью был еще впереди, когда, преодолевая тридцатиградусную влажную жару, я облачился в пиджак и повязал галстук, чтобы нанести официальный визит в Управление информации. Чиновные нравы на Тайване строгие, мужчины всенепременно в темных костюмах, в крайнем, самом крайнем случае в белой рубашке и при галстуке, женщины - обязательно в колготках, и так все они, кто еще не обзавелся авто, несутся по утрам в свои офисы на сумасшедших мотоциклах, расцвеченные яркими шлемами. Правда, нельзя не учесть, что солидное учреждение не может не быть кондиционировано, и климат тревожит чиновника лишь на кратком отрезке пути на и с работы.

Заместитель начальника У Чжунли встретил меня, как старого знакомого приветливой улыбкой, изысканными манерами, отсутствием в речи отрицаний. У нас в самом деле уже годичный стаж знакомства со времени первого фестиваля тайваньских фильмов в России, где он возглавлял делегацию. Через несколько дней мы столкнулись на премьере каннского лауреата фильма Чжан Имоу "Жить", в создании которого участвовал тайваньский капитал. И господин У Чжунли любезно приветствовал меня, пробиравшегося мимо его начальственного кресла в более отдаленный ряд. Прошел месяц, я покидал гостеприимный остров, и в прощальной беседе господин У Чжунли с улыбкой вновь пообещал обдумать привезенные мной предложения по тайвано-российскому кинесотрудничеству.

Протокольный визит в Тихоокеанский фонд культуры застал это учреждение "на чемоданах" - Фонд готовился покинуть обжитое помещение на улице Наньцзин, чтобы второе десятилетие своего существования провести в новом здании на улице Чунцин. Это в самом центре тайбэйской культуры, в районе столичных книжников, регулярно посещающих "Марко Поло" и другие книжные магазины на этой улице.

Тихоокеанский фонд культуры субсидирует международные академические конференции, семинары, симпозиумы, различную деятельность в области театра, балета, музыки, художественных выставок, выделяет гранты иностранным ученым, специализирующимся в области китайской культуры, как древней, так и современной. Им основан Центр по изучению китайской культуры, он участвует в публикациях научных монографий и периодики. Так, в 80-е годы были проведены Американско-китайская конференция по связям в области культуры и образования, Международная конференция профессоров, Симпозиум по специальным методам обучения, Конференция китайских ученых-эмигрантов, организованы концерты нескольких оркестров из Японии, певицы из Аргентины, хора из Калифорнийского университета, хора мальчиков из Бельгии, танцевального ансамбля из Украины, классического национального балета из Южной Кореи, художественные выставки из США, Малайзии...

В небольшом по объему ежемесячнике Фонда "Ньюслеттер" мы находим лаконичную информацию и столь же краткие, но вдумчивые размышления о традиционной одежде, о стилях изображения пионов в классической живописи, о выставке керамики, о концертах израильского скрипача. В одном из номеров - список ученых, получивших гранты. Спектр любопытен: культурная

идентификация Китая, минский портрет, изображение пищевых продуктов в живописи XVIII века, каннибализм в китайской прозе, литература эмигрантов из Азии.

В перечне визитеров, педантично отмечаемых журналом, среди ученых из США, Канады, Франции значится и россиянин - ваш покорный слуга: 1 июня 1994 г. мы весьма оживленно беседовали с милейшим Лай Юйжэнем (Натан Юйжэнь-лай, как значится на англоязычной стороне его визитной карточки), вице-президентом Фонда, и заведующей академической секцией Чэнь Исюань (Маргарет Чань), которые и наполнили меня всей вышеприведенной информацией о Фонде, столь много делающем для развития международных культурных и научных контактов.

Весьма содержательно ориентировали меня частные беседы с давними знакомцами - кинокритиками Цзяо Сюнпин, Хуан Цзянье, Ли Тяньдо, Лян Лян. С первыми тремя мы познакомились четыре с половиной года назад на конференции в Лос-Анджелесе, где дискутировались проблемы самоидентификации и взаимопресечения кинематографий КНР, Тайваня, Гонконга (см. ПДВ. 1990. № 6. С. 228-231), а с Лян Ляном - тоже на конференции, но уже в Гуанчжоу в мае 1988 г. (см. "Новое время". 1988. № 51. С. 47). Каждый из них с доброй охотой исписывал мой блокнот рекомендательными списками фильмов, не всегда совпадавших, отражая различные художественные пристрастия советчиков, но в итоге и внесших немалую лепту в те шесть десятков картин, что были просмотрены. Вель я старательно отработывал рекомендации, составляя для себя объемное представление о самых разных течениях в тайваньском киноискусстве, как сегодняшнем, так и прошлом, как недавнем, так и первых после 1949 г. десятилетий.

Всю нагрузку от моего рвения нес на себе Киноархив. Организация довольно молодая, но уже принятая в Международную федерацию киноархивов. Лет 20 назад Правительственное управление информации создало Фонд развития кино, при котором в 1978 г. открылась кинобиблиотека, в августе 1982 г. преобразованная в нынешний Государственный киноархив - вот ступени его развития к сегодняшнему статусу.

Таким образом, ядро Архива - собрание печатной продукции. На железных стеллажах собрано более 8 тысяч книг на китайском и английском языках (теперь к ним прибавилась и моя первая для них книга на русском языке) о китайской и мировой кинематографии. Красочными пятнами со стендов читального зала смотрят обложки восьми десятков журналов, издающихся на Тайване, в США, Франции, Индии и прочих странах.

Архив не просто собирает, он еще и анализирует собранное, публикуя выводы в "Ежегодниках кино" (в 1994 г. вышел Ежегодник по фильмам 1992 г.), журнале "Дняньин синьчан" и других изданиях. Возьмем наугад журнал № 65 (октябрь 1993 г.). В нем огромная подборка материалов по короткометражным фильмам, обычно выпадающим из поля зрения критики, но крайне важным как своего рода кинематографический "лабораторный материал", в котором отрабатываются пути развития "большого" кино. Тут же старые японские исследования о еще более старом тайваньском кино - о первых демонстрациях и съемках начала века: это было опубликовано в Японии в 40-х годах и недавно обнаружено тайваньским киноведом Ли Даомином. Заметки Ли Юнцюаня о Тарковском, чьи фильмы он внимательно просмотрел и перевел книгу режиссера. Заметки называются "Личный Тарковский". Это лишь самые крупные материалы журнала, чей объем переваливает за 120 страниц (иероглифического, довольно плотного текста). А вот образец популярного издания - брошюра "Я люблю отечественные фильмы". Она выпущена как бы вдогонку 1993 г., который на Тайване был объявлен Годом кино, и в преддверье 1995 г. - столетнего юбилея мировой кинематографии и девяностолетнего юбилея кинематографии Китая. Рассказ о 10 фильмах от 30-х до 90-х годов - не особенно объемный, но яркий штрих в картину юбилейной подготовки.

Где-то отдельно хранятся около 8 тысяч фильмов на киноленте, а в самом Архиве - 4 тысячи видеокассет с записью картин, произведенных преимущественно в последние три десятилетия. Из предыдущих далеко не все удостоены перевода в видеоформу. Не все из старых записей достаточно высокого качества. Так, у моей любимой "Осенней казни" Ли Сина (1971)

хрипели диалоги. К счастью, почти все фильмы снабжены иероглифическими и английскими субтитрами - можно остановить кадр и не торопясь прочитать их. По просьбе режиссера Архив сделал мне высокого качества копию этого фильма для показа по Российскому ТВ в рубрике "Киномарафон".

Хранение фильмов как достояния национальной культуры - это, так сказать, пассивная функция Киноархива. Активная же его функция - пропаганда этого достояния, чтобы оно не лежало мертвым грузом, а зарубежное кино из фондов Архива участвовало в формировании культурной ауры страны. Архив регулярно устраивает фестивали, ретроспективы, тематические показы, лекции. Бесплатно. С отпечатанными программками. Так, почти весь месяц моего пребывания в Тайбэе в небольшом, на 65 мест зальчике шла ежедневная ретроспектива И.Бергмана: "Земляничная поляна", "Осенняя соната", "Фанни и Александр", "Седьмая печать", "Крики и шепоты" и так далее - 79 сеансов. Шла серия тематических просмотров "Кино и физический труд", предназначенных для индустриальных рабочих города: отечественные фильмы "Мелкие происшествия со служащей", "Рабочий клуб", "Пиши историю по компасу", гонконгский "Рождение профсоюза", картины из Италии ("Похитители велосипедов" Витторио де Сика), США, Австралии, Англии, Никарагуа.

В одну из недель июня Россия, вероятно, своей экзотической отдаленностью, соединилась с Африкой: профессор Нью-Йоркского университета, директор Центра изучения негритянской культуры Мантиа Дайовара прочитала лекцию "От африканского кино к негритянскому кино Англии и Америки", а через 3 дня ваш покорный слуга рассказал о кинематографической ситуации в России, что пришлось проиллюстрировать, увы, не столь уж свежим фильмом "Похороны Сталина" Е.Евтушенко - советская классика в Архиве еще как-то представлена (Эйзенштейн, Пудовкин...), а нового, тем более "российского" кино нет вовсе, хотя на ежегодном тайбэйском кинофестивале "Золотой конь" уже была "Прорва" И.Дыховичного. Интерес же аудитории, своими вопросами продлившей беседу, показал, что тут есть явная ниша, которую мы, к сожалению, как всегда, заполнять не торопимся.

Ну, а что до результатов моих кинобдений в небольшой кондиционированной "исследовательской комнате" с видеоманитофоном и мягким диваном, весьма нелишним для долгих просмотрных часов, то о них вы узнаете из будущей "Истории тайваньского кино", которая должна быть написана в 1995 г., а издана... Когда деньги на издание найдутся.

Научная жизнь

От Pax Sinica к стратегии развития по модели "f".

(Роль Китая в региональной структуре Азии в XXI в.)

© 1995

Хуан Чжунлинь

Введение

Настоящая публикация является частью более объемистого труда по созданию теории, пригодной для аналитического исследования регионального порядка и его влияния на национальное развитие. Здесь изложен новый теоретический и методологический подход, по сути своей позволяющий исследователю перешагнуть через научные дисциплины, культуры, через столетия. Ясно, что в условиях азиатско-тихоокеанского макропорядка сильная страна с ее экономической и политической мощью и высокоразвитой цивилизацией обычно занимает видное положение, благодаря чему способна оказывать существенное влияние на социально-культурное устройство меньших и более слабых соседних государств, образуя таким образом политическую, экономическую и культурную зону, которую можно рассматривать как обособленный круг.

В этом контексте в период между 1830 и 1980 гг. господствующий общественно-политический порядок представляли собой Pax Britannica и Pax Americana. Он был нарушен на короткий срок с 1930 по 1945 гг., во время империалистического вторжения Японии. Конечно, здесь находились и анклавные не англо-саксонского культурного влияния, представленные голландским контролем на Индонезийском архипелаге и французским господством в государствах Индокитая. В период с 1950 по 1980 г. серьезный вызов исходил из недавно распавшегося Советского Союза. Англо-саксонское влияние, с учетом все еще сильных позиций США, остается, несомненно, доминирующей силой в историческом развитии азиатско-тихоокеанского региона на пороге XXI в.

До вторжения западных держав и установления их господства в азиатско-тихоокеанском регионе существовал Pax Sinica (китайский миропорядок), обеспечивавший некое подобие регионального порядка, в пределах которого имперский Китай и большинство его соседей утрясали свои дела. Азиатские государства, особенно из числа расположенных в Северо-Восточной Азии, в своих внутренних делах и отношениях с Китаем придерживались так или иначе конфуцианской ориентации.

Исследование Pax Sinica

Автор свыше 12 лет изучал китайские, корейские и японские первоисточники в Гонконге, Сеуле и Токио, поставив целью раскрыть структуру и механизм Pax Sinica.

Этот порядок, по всей видимости, характеризуется в основном следующими чертами.

- Имперский Китай был центром макропорядка, считал себя великой цивилизацией и центром мира.

- К Китаю его соседи относились как к великому государству и создателю социально-культурных систем, которые имели всеобщее значение.

- С сознанием собственного предназначения Китаю надлежало быть и военной державой, однако правители соседних государств противились господству Китая в опоре на одну только военную силу и рассматривали любые проявления такого господства как отклонение от принятого порядка. Все соседние государства оставались фактически суверенными и ревностно охраняли свою территориальную целостность и национальные интересы. Пекинский двор не посылал свой военный или гражданский персонал для управления этими государствами. Если бы он пошел на это, то посланные им чиновники не были бы приняты в этих государствах.

- Соседние государства сами проявляли инициативу в устройстве своих внутренних дел, не принимая во внимание беспокойство китайцев. Их отношение к китайской цивилизации и политика определялись их собственным выбором и суждениями.

- Взаимные связи между имперским Китаем и дружественными государствами носили главным образом церемониальный характер, причем они осуществлялись строго в соответствии с набором установленных ритуалов и формальностей. Этим подчеркивалась важность соблюдения иерархического порядка, управлявшего небесными и земными делами, при недвусмысленном сознании того, что императорский Китай находился на вершине мироздания.

- Так называемую "вассальную систему", "данническую систему" не следует рассматривать как систему уплаты налогов стране-метрополю зависимыми от нее государствами в современном значении колониализма и империализма. Это больше напоминало ритуальное подношение в виде ограниченного обмена предметами потребления. В пределах существования Pax Sinica международная торговля между Китаем и его соседями, как и между азиатскими государствами в целом, не поощрялась и не находила развития.

Таким образом китайский порядок отличался от современного колониализма и империализма, характерного для западных держав в период с XVIII столетия.

Имперский Китай в принципе не был колониальной державой, подчинявшей соседние государства и устанавливавшей над ними свое военное, политическое и экономическое господство. Он не осуществлял прямое правление из своего державного центра с помощью своего персонала, размещенного на местах.

В равной мере очевидно, что имперский Китай, являясь аграрной страной, экономически сам себя обеспечивал. Система семейных, родственных и клановых отношений строилась на натуральном хозяйстве, которое превратилось в замкнутую, консервативную структуру. Это оказало влияние на формирование личных качеств и норм поведения людей, особенно тех, кто входил в правящую элиту, то есть чиновников. Кроме того, вся общественная и политическая система отражала ценности внутреннего мира человека и демонстрировала большую стойкость. В силу этих качеств она на деле была весьма хрупкой и

уязвимой перед такими явлениями, как стихийные бедствия, рост населения и вызовы сильных соседей.

С учетом этих факторов в отношениях с соседними государствами у имперского Китая не было:

- экономической необходимости и мотивации устанавливать господство над ними;

- материальных средств для содержания мощной военной силы, которая могла бы постоянно направляться в соседние государства;

- правящей элиты, обладающей достаточно агрессивной идеологией и личными качествами, чтобы пуститься в поиск империалистических завоеваний;

- политической и административной системы, пригодной для того, чтобы справиться со всей сложностью империалистических действий;

- широких слоев населения, которое стремилось бы заработать деньги и скопить богатство на заморской торговле.

Далее, соседствующие с Китаем государства являлись скотоводческими либо земледельческими с относительно низким уровнем развития. У них не было внутренних потребностей и возможностей для развития активных экономических связей с внешним миром, в том числе с Китаем. Правящие круги осуществляли ограниченные обмены культурными ценностями и предметами обихода с правящей китайской элитой через "вассальную систему", однако эти обмены не достигали такого уровня, чтобы стать составной частью внутренних обменных операций.

Полезно было бы провести сравнительный анализ, однако и так ясно, что Рах Синца был уникальным историческим феноменом и ходом развития, и его следует воспринимать таким, каким он был.

Отношения между Кореей и Китаем в условиях Рах Sinica

Для понимания построения, сущности и действия Рах Sinica автор провел обстоятельное изучение отношений имперского Китая с корейскими государствами.

Большинство ученых сходится на том, что исторический анализ корейско-китайских отношений может быть разделен на три периода.

В течение первого периода, до 600 г. н.э., в различных частях Корейского полуострова проживали несколько соперничающих групп. Они находились на относительно примитивной стадии исторического развития с матриархатом в основе своей социальной организации и низким уровнем сельскохозяйственного производства. Они представляли фактически часть скотоводческих миграций, шедших с нынешнего русского Дальнего Востока и из Северо-Восточного Китая и не считавших нужным соблюдать какие-либо национальные границы. В процессе развития в их общественной организации был введен патриархат и были усилены меры по созданию аграрного общества. Как раз при таком стечении событий китайская феодальная культура и патриархальная организация общества оказалась привлекательной и полезной на полуострове, который стал посылать своих послов в Китай в то время, когда он распался на северную и южную династии.

Второй период связей между материком и полуостровом был отмечен серьезными конфликтами и многочисленными войнами. Соперничающие группы любыми путями стремились занять господствующее положение и призывали китайского соседа выступить на их стороне. Это побуждало другие группы нападать через границы на китайцев, чтобы побудить последних на ответные действия. Династия Сун направила свои войска на Корейский полуостров, а

позже этому последовал второй император Танской династии. По иронии судьбы, хотя Тайцзуна обычно считают образцовым императором Китая, его вторжения в Корею окончились полной неудачей.

Когда воюющие группы в конечном счете объединились в единое государство Когуре, они поняли, что мир на границе больше отвечает корейским, чем китайским интересам. В этом развитии событий примечательной была потребность нового государства в достижении социальной стабильности и культурной самобытности, опирающейся на хорошо развитое сельское хозяйство и усовершенствованный патриархальный строй. В известном смысле вновь созданное корейское государство осуществляло у себя модернизацию, добровольно заимствовав китайскую культуру.

Наряду с этим китайцы также извлекли уроки, осознав, что нельзя захватывать или контролировать малые соседние государства военной силой и что в интересах Китая проводить политику невмешательства в междоусобную борьбу за власть на полуострове, если побеждающая группа согласна не нарушать мир на границах. Танская династия фактически не уделяла внимания перенесению китайской культуры в Корею.

Такого рода взаимное согласие стало первоосновой двусторонних отношений через реку Ялуцзян, начиная с середины правления Танской династии, и оставалось таким в последующих отношениях корейской династии с Киданьской и Сунской династиями с X по XII вв., а затем с династией Юань с XII по XIV вв. После короткого периода трудностей отношения между Кореей и Китаем при династиях Мин и Цин стали опять развиваться.

Китайско-корейские отношения можно суммировать следующим образом.

- Поддержание согласия было извилистым и мучительным с вовлечением в этот процесс соперничающих государств по обе стороны границы.

- Благодаря объединению Кореи в одно государство был устранен очень важный повод для вмешательства имперского Китая в дела Корейского полуострова по собственной инициативе или по приглашению одной из корейских враждующих сторон.

- Объединившиеся государства по обе стороны границы пришли к пониманию того, что невмешательство во внутренние дела друг друга отвечает национальным интересам каждого из государств; исключительно важным было также не нарушать мир в приграничных районах.

- Как великая держава с предначертанной судьбой и комплексом превосходства, Китай мог иногда вести себя с налетом шовинизма, но он должен был воздерживаться от ущемления суверенитета Кореи. При этом имелась в виду необходимость не навязывать малым соседним государствам свои ценности и социокультурное устройство.

- Корея переняла китайскую культуру, в частности, буддизм и конфуцианство в соответствии внутренними потребностями, но в противовес были предприняты меры по сохранению корейских устоев и традиций.

- Между корейским и китайским дворами осуществлялись ритуальные связи, предусматривавшие ежегодный обмен посланцами, и эти связи достигли своего апогея в период правления императора Цяньлуна в середине XVIII в.

Из этого следует совершенно очевидный вывод, что в условиях китайского миропорядка имперский Китай и корейские государства обычно поддерживали нормальные, мирные и взаимовыгодные отношения, хотя в них и присутствовала некоторая сдержанность и отчужденность. Однако при монгольской династии Юань подобное состояние дел в корейско-китайских отношениях было нарушено. Проявилось это, с одной стороны, в прямом вовлечении монголов в ситуацию на Корейском полуострове и, с другой, в стремлении корейцев образовать политический союз путем бракосочетания своих

принцев с принцессами пекинского двора. Отмеченное отклонение от т.н. конфуцианских ритуально-этических правил и норм дало повод императору монгольской династии принудить корейцев играть активную роль в его походах на Японские острова. Установившиеся таким образом особые отношения корейцы и монголы использовали для взаимного усиления своего положения.

Прямой реакцией на сложившуюся внутреннюю и внешнюю ситуацию явились целеустремленные меры третьего вана вновь образовавшегося корейского государства Чосон - вана Тхэджона к тому, чтобы вернуть отношения Кореи с Китаем, которым уже правила династия Мин, в орбиту китайского миропорядка и тем самым устранить китайское влияние на внутренние дела Корейского полуострова. Своей решимостью распространить конфуцианство в новой Корее он преследовал цель создать новое общество, в котором соблюдались бы патриархальная система и авторитарный режим. Этот корейский ван сам был большим мастером дворцовых интриг, устроив несколько успешных заговоров против последних правителей окончившего свое существование государства Коре. В два из упомянутых переворотов были фактически вовлечены члены его семьи - отец, первый ван Чосона, и его старший брат ван Чонджон. В этой связи Тхэджону необходимо было предотвратить перерастание игр по захвату престола в традицию, что могло бы обернуться и против него, великого творца или "создателя королей". Его сын, четвертый ван Седжон не отказался от амбициозного и величественного начинания отца по строительству конфуцианского государства.

Интересно привести несколько важных решений вана Тхэджона для понимания сущности и характера отношений между Чосон и минским Китаем. Во-первых, это его отказ от получения для сына жены из минского двора на том основании, что зависть на этой почве при дворе способствовала бы политическим заговорам, а также отказ от переплетения внутренней политики Кореи с внешней политикой Китая, сопряженного с подрывом корейского суверенитета. Еще один аспект его мудрого руководства просматривается в его отказе послушаться совета о сооружении корейских форпостов с гарнизонами вдоль границы в ответ на слухи, будто третий император Минской династии Чэнцзу готовится к вторжению на Корейский полуостров.

Мудрость ванов Тхэджона и Седжона нашла отражение в их усилиях, с одной стороны, к поддержанию корректной и независимой политики в отношении Пекина и, с другой, к использованию китайской культуры для модернизации корейского общества. Усилия этих правителей содействовали как относительно благополучным отношениям между корейским королевством Чосон и минским Китаем, так и многолетнему правлению новой корейской династии Ли. Она бесспорно стала династией, стоявшей у власти самое длительное время в истории Азии, вплоть до ее упразднения японскими империалистами в 1910 г.

Обозревая *Pax Sinica*, китайский миропорядок в действительности, мы убеждаемся, что корейско-китайские отношения дали пример наиболее успешного прецедента *Pax Sinica* по следующим причинам:

- Сохранялся мир на границе.
- Пекинский двор относился к Сеульскому двору относительно благосклонно и на равных.
- Государство Чосон сохраняло свою независимость и умело предотвращало вмешательство Китая в свои внутренние дела.
- Корейцы ввели у себя конфуцианскую культуру без насущного давления со стороны имперского Китая.
- Стороны обменивались регулярными миссиями как средством связи, информируя друг друга о положении в своих государствах и подтверждая неизменность их хороших двусторонних отношений.

Именно на этом фоне, невзирая на страшные слухи о корейско-японском сговоре, минский двор положительно откликнулся на обращения корейцев и в период 1592-1598 гг. направил свои вооруженные силы для противодействия японским вторжениям, осуществлявшимся под водительством Тойотомы Хидеэси. Эта была первая корейская война с вовлечением Китая и, несомненно, первый вызов, брошенный японцами Pax Sinica. Несмотря на то, что совместными усилиями Кореи и Китая удалось восстановить мир в Северо-Восточной Азии в рамках существовавшего китайского миропорядка, Японии удалось вытеснить этот порядок, повторно бросив ему вызов после Реставрации Мэйдзи в конце XIX в.

Неудачные Эпизоды в Pax Sinica

В отличие от удачного примера корейско-китайских отношений имел место ряд исключений для китайского порядка, одним из которых наиболее заметным были японо-китайские отношения. Ясно, что Япония не была постоянным участником Pax Sinica.

Другая весьма безуспешная попытка распространения китайской культуры относится к более широким заморским связям Китая, в частности, морским походам адмирала Чжэн Хэ в районы Юго-Восточной Азии и Индийского океана. Ему было поручено совершить семь плаваний в период с 1400 по 1420 гг. третьим минским императором Чэнцзу. Эти беспрецедентные заморские походы были совершены почти на сотню лет раньше плавания Христофора Колумба к берегам Америки и для их осуществления потребовалось больше людей и средств, однако они не оказали никакого заметного влияния на историческое развитие в районах этих походов. Китайская культура, включая конфуцианство, не распространилась на страны Южных и Западных морей несмотря на предпринимавшуюся широчайшую популяризацию.

С учетом этой поразительной неудачи представляется возможным дальнейший анализ значения Pax Sinica:

- страны, которые посетил адмирал Чжэн Хэ, не являлись феодальными государствами. Там не было натурального хозяйства с патриархальной социо-культурной системой и потому не существовала внутренняя потребность использовать конфуцианскую политическую культуру с доминировавшим в ней мужским началом в своем традиционном социальном устройстве.

- эти страны оставались на низком уровне общественного развития, более низком, чем тот, при котором заимствование более развитой чужой культуры в качестве толчка для дальнейшего развития.

- многие государства Юго-Восточной Азии и района Индийского океана находились под сильным влиянием индуизма и ислама, которые были помехой для принятия китайской культуры, отличавшейся нерелигиозным восприятием жизни и истории.

Вызовы в отношении Pax Sinica со стороны Запада

Ниже мы могли бы подытожить влияние китайского миропорядка еще в одном аспекте, предположив, что он зависел в основном от замкнутого натурального хозяйства с патриархальной социо-культурной системой, управляемой сильной центральной властью. Отношение неазиатских государств к китайскому порядку зависело в значительной мере от их потребности в создании схожего хозяйства и социального устройства.

При этих условиях логично предположить, что брошенные вызовы могли быть действительными и успешными только в том случае, если пришельцы представляли иную цивилизацию с иной системой ценностей.

Такой пример фактически появился, когда китайский миропорядок отступил под напором западных держав в XIX в., как это видно из следующего:

- Англия, Франция и другие европейские державы были капиталистическими странами, опиравшимися на современную промышленность.

- У них были сильные правительства, ведомые устремленной во внешний мир агрессивной элитой, которая стремилась к мировому господству, опираясь на материальные богатства и военную силу.

- Более того, это была совершенно другая христианская цивилизация, в которой важное место занимала наука и техника.

Как теперь известно, китайская элита со своими сложившимися традициями и натуральным хозяйством была обречена, когда столкнулась с новой ситуацией. В отличие от положения с вторжениями Тойоми Хиддеси в Корею, Китай был абсолютно не в состоянии отстоять Pax Sinica, когда на него напали западные державы. Поскольку китайцы не смогли защитить даже свою страну, они, естественно, оказались беспомощными, когда западными странами были поглощены такие соседние государства, как султанат Малакка, Сиам, Бирма, Аннам, Рю-Кю и Корея. Японцы сумели модернизировать свою страну и общество, а заодно накопили достаточно сил, чтобы продолжать угрожать китайскому порядку, превращая Японию в первое европеизированное государство за пределами Европы и Северной Америки. Японцы, в конечном счете, смогли покончить с китайской империей и с Pax Sinica.

В известном смысле японцам удалось создать сильное и объединенное государство только в результате осуществления модернизации по западной модели. Они никогда не стремились достичь единой государственности через восприятие китайской культуры, точнее, с помощью конфуцианского искусства управлять государством. Когда японцы опять бросили вызов китайскому порядку почти 270 лет спустя после их первой неудачи, новый успех мог быть отнесен к принятию ими новой цивилизации.

Новый Pax Sinica под эгидой Китайской Народной Республики в XXI веке?

Создание Китайской Народной Республики под руководством коммунистической партии Китая знаменовало конец унижениям, которым подвергался Китай со стороны западных держав с начала XIX в. Установление нового режима позволило новому китайскому государству проводить новую внешнюю политику, которой фактически не существовало на протяжении нескольких десятилетий из-за внутреннего и внешнего кризиса старого Китая.

Развитие нового Китая, в особенности его быстрый экономический рост с 80-х годов под руководством Дэн Сяопина, вызвали, несомненно, некоторое беспокойство и тревогу среди его соседей и западных держав. Это касается как потенциала развития Китая, так и его поведения на международной арене в будущие десятилетия. В этой связи можно поставить несколько интересных вопросов, а именно:

- Станет ли Китай новой небесной божественной империей?

- Восстановит ли Китай Pax Sinica?

- Что означает для мира, в особенности для соседних государств быстрый экономический рост Китая?

- Если Китай не собирается повторить историческую модель внешней политики в виде Pax Sinica, то что он сможет или пожелает предпринять в формировании структуры нового регионального порядка на XXI век?

- Что могут Китай и азиатские государства извлечь из исторических уроков на примере Pax Sinica?

Ответы на все эти вопросы, относящиеся к возможности появления второй священной небесной империи и нового китайского миропорядка, могут быть даны в отрицательном смысле по той простой причине, что Китайская Народная Республика создавалась при совершенно иных обстоятельствах. У нее совершенно другая экономика, другая идеология правящей элиты нового склада.

В марксистско-ленинском государстве новая правящая элита исповедует философию, которая совершенно несовместима с такой системой традиционных ценностей, которая воплощена в конфуцианстве. Современное положение в мире рассматривается как вступление в сложный период соревнования между капитализмом и социализмом после крушения колониализма и империализма, проводившегося европейцами, японцами и американцами. Нынешний период пережил также некий вариант "социал-империализма", проводившегося бывшим Советским Союзом.

Внезапное крушение КПСС, СССР и восточного блока явно оказало существенное воздействие на внутреннюю политику Китая и его поведение в международных делах с конца 80-х гг. До известной степени Китай оказался в положении, предоставившем ему больше свободы в оценке обстановки в мире в период после холодной войны и выработке собственной политики и стратегии в соответствии со своими национальными интересами. Эта свобода предоставляет руководителям Китая больше возможностей для переоценки китайской традиции, в частности, конфуцианской культуры в процессе построения т.н. социализма с китайской спецификой к 2000 г.

В целом положение Китая в мире и его внешнюю политику на пороге XXI в. можно свести к следующим параметрам:

- С учетом опыта Pax Sinica - поддержание мира на границах мирными средствами, т.е. с помощью прагматических соглашений по урегулированию территориальных споров с соседними государствами. Далее, Китай должен проводить политику невмешательства в отношении других азиатских государств в связи с их внутренними событиями.

- В этом плане осуществление пяти принципов мирного сосуществования может представлять собой наследование самих идей, воплощенных в Pax Sinica.

- Провозглашение принципа отказа от гегемонии, как это записано в совместных коммюнике с США (Шанхай, 1972), Японией (Пекин, 1972 г.) и бывшим СССР (Пекин, 1989 г.), является дальнейшим шагом в продвижении нового образца позитивной активной дипломатии, отличающейся от колониализма, империализма и всех разновидностей экспансионизма. Любопытно, что первое возвращение Дэн Сяопина в политику сопровождалось его поездкой в апреле 1974 г. в Нью-Йорк в качестве специального представителя Китая на специальную сессию ГА ООН по развитию и его выступлением с важным заявлением. В этом новом заявлении он дал торжественное завершение, что, даже став сильным, Китай никогда не будет проводить политику гегемонизма.

Стратегия развития на основе "триединого пересечения" (triple-crossing).

Отмеченные выше политические декларации недостаточны для Китая в выработке внешней политики на период перехода в третье тысячелетие. Сущность проблемы состоит в том, что ни при существовании Pax Sinica, в соответствии с политикой мирного сосуществования Китай не будет являть собой полезный и стимулирующий фактор в экономическом развитии региона. Разумеется, не следует смешивать политику невмешательства во внутренние дела своих соседей со вкладом Китая в социально-экономическое развитие, - вкладом, пересекającym его границы.

Как известно, во времена Pax Sinica ни имперский Китай, ни соседние государства не развивали экономическое сотрудничество, поскольку их натуральное хозяйство не стимулировало потребность в этом. Китайский миропорядок по своей сути предполагал неэкономические или даже антиэкономические взаимоотношения.

Внешняя политика нового Китая 1950-1970 гг. также не была приспособленной для международной торговли и экономического сотрудничества, ибо китайский социализм возводился на базе замкнутой и антирыночной экономики и на антибуржуазной идеологии. Без внутреннего рынка не могло быть основы для выхода на внешний рынок. Только с началом осуществления Дэн Сяопином политики реформ и открытости внутренний рынок появился на свет в результате разрушения централизованной плановой экономики сталинского типа. На ее месте вводятся горизонтальные связи, приводящие в действие закон предложения и спроса на всех уровнях. Ход событий в конечном счете как теоретически, так и практически оживил экономическую деятельность с ее выходом за пределы границ, соединяя таким образом внутренние горизонтальные обмены с внешними.

Приграничная торговля Китая с Россией, Бирмой, Вьетнамом быстро выросла с 80-х гг., когда экономическая реформа и политика открытости открыли собственную логику развития и воспользовались собственным шансом. Китайские бизнесмены развернули торговую деятельность по всем миру. Более того, в приграничных районах в повестку дня встало также экономическое сотрудничество между различными секторами промышленности. Примером является Туманганский проект с участием России, обеих Корей, Японии и Китая под эгидой Программы развития ООН (UNDP).

Будущая внешняя политика Китая будет привязана к ее внешнеэкономической политике и может быть смоделирована следующим образом:

- Она будет выступать в виде так называемой стратегии развития на основе триединого пересечения границ, секторов промышленности и культур ("triple-crossing development strategy"). Это означает, что приграничные сделки не должны ограничиваться сферой обслуживания, а должны охватывать обрабатывающие и сельскохозяйственные секторы на локальном, провинциальном и общенациональном уровне по обе стороны данной границы. Так будет создана привлекательная среда для участия иностранных партнеров, особенно из Японии, Европы, Юго-Восточной Азии и США. Следовательно, здесь будет существовать открытый процесс, в котором групповые интересы и различные способы вести дело должны быть вовлечены в абсолютно новую экономическую структуру, исключающую необходимость превращения ее в некий "общий рынок"; "экономический блок" или "экономическую зону", которые бы в той или иной мере влекли за собой протекционизм и ту или иную исключительность.

С учетом этого нового содержания стратегии "трех пересечений" недавно я заменил свою прежнюю концепцию о "китайском общем рынке" (Chinese Common Market), который включал бы континентальную часть Китая, Тайвань, Гонконг и Макао, новой концепцией - координационной системой для китайской экономики - The Coordination System for the Chinese Economies (CSCS).

- Далее, может быть использована парадигма "f", чтобы изобразить экономическую координацию в действии с помощью вертикали "f", указывающей на то, что Китай при вводе в действие стратегии развития, основанной на "трех пересечениях", должен вести свою международную экономическую и политическую деятельность с соблюдением пяти принципов мирного сосуществования и принципа антигегемонизма (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1

"f" парадигма новой международной экономической политики Китая

Мирное сосуществование

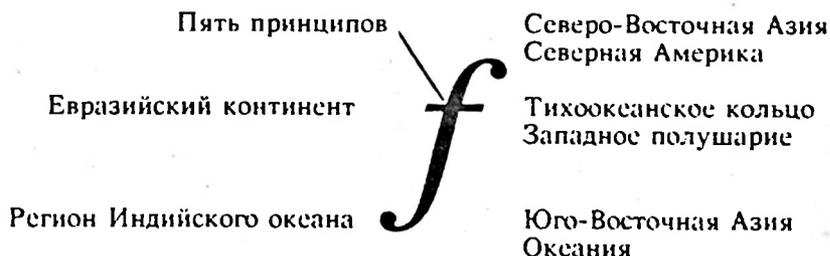

- Другую стратегию развития в форме "f" можно использовать для описания открытой политики Китая. Верхняя точка вертикали "f" указывает на открытость российскому Дальнему Востоку и Северной Америке через пролив Беринга, а нижний конец вертикали связывает Юго-Восточную Азию, Океанию и регион Индийского океана. Далее, левая часть горизонтали "-" представляет участие Китая в становлении сотрудничества на евразийском континенте, а правая часть отражает растущий интерес Китая в делах Тихоокеанского кольца и в углублении отношений со странами Северной Америки. В точке скрещивания вертикали и горизонтали воплощена приверженность Китая принципам Бандунгской конференции 1954 г. и антигегемонизму.

(см. диаграмму 2).

Диаграмма 2

Внешняя политика Китая в форме "f" на пороге XXI в.

- Символ "f" также может быть использован, чтобы подчеркнуть общую стратегию развития Китая. Точка пересечения фиксирует социализм с китайской спецификой под твердым руководством КПК, вертикаль показывает продвижение реформы, политики открытости и развития через порог веков, а горизонтальная линия указывает на экономические связи между китайскими экономическими зонами и через границы с соседними странами, интегрирующие внутренний рынок с внешними рынками. Горизонтальная линия может также указывать на одновременное строительство материальной и духовной культуры, либо на то, что экономическая реформа и развитие должны сопровождаться адекватными программами в социальной и политической сферах (см. диаграмму 3).

Диаграмма 3

Генеральная стратегия развития в форме "f" под руководством КПК

Новая внешняя политика в развитии новой цивилизации

Если т.н. социализм с китайской спецификой с вкраплениями культур Гонконга, Макао и Тайваня при капитализме действительно вырастет в новую цивилизацию, то она несомненно стала бы новым витком цивилизации, обладающей важными элементами для развития человечества. Китай смог бы тогда играть намного более стимулирующую и полезную роль на международной арене в XXI в.

У меня нет желания быть вовлеченным в спор вокруг определения понятий "культура" и "цивилизация", но скажу, что цивилизация может рассматриваться как макрокомплекс, который включает многочисленные культуры, или виды культур. В этом смысле китайская цивилизация до 1900 г. представляла собой макроструктуру, или макрокомплекс, внутри которого функционировали и воспринимались как разные компоненты целого конфуцианская культура, даосская культура, буддийская, исламская культура, лингвистическая система, вместе с китайской традиционной медициной, архитектурой, музыкой и производством шелка, земледелием и ремеслами или, в подлинном смысле, это есть виды культур, которые образуют китайскую цивилизацию. *Rex Sinica* был плодом китайской традиционной культуры. Иными словами, *Rex Sinica* в своей сущности и конструкции воплотил ценности китайской цивилизации.

Региональный порядок всегда держится на великой цивилизации. Речь идет о том, что любые важные модели международного порядка близко ассоциируются с определенными великими культурами, такими как *Rex*

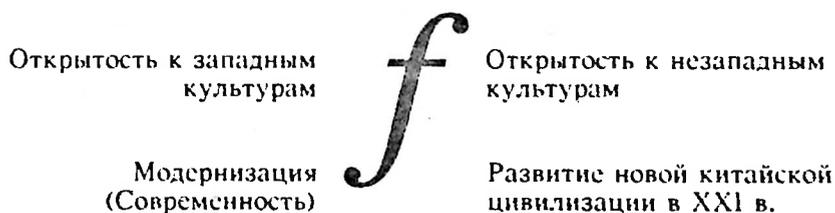
Britanica, Pax America или Pax Sovietica. Государства - участницы великого порядка присоединяются к региональной структуре по той причине, что это полезно для использования культуры большой державы в целях утверждения порядка в психологической, социологической, физической и сверхъестественной категориях. Мое определение "культуры" или "цивилизации" содержится в том аргументе, что именно они дают способы и средства индивидам для разрешения их повседневных проблем, возникающих в упомянутых выше категориях. Культура должна быть эффективным средством для решения проблем индивидуумов, проблем социальных, естественных и сверхъестественных. Это есть процесс и результаты самого процесса. Когда корейцы, к примеру, ввели у себя на полуострове китайскую культуру, они рассчитывали на приобретение лучших учений, лучшей идеологии, методологии, мастерства, чтобы должным образом использовать все это для улучшения условий жизни и повышения ее разнообразия. Искренне восприятие конфуцианской системы корейским государством Чосон объяснялось тем, что его новая династия нуждалась в консолидации сельского хозяйства и ремесел с целью стабилизации политического положения. Очевидно, китайская культура также явилась для корейцев хорошим советчиком в улаживании их личных и семейных отношений. Вместе с тем китайская цивилизация оказалась неспособной дать корейцам гибкость и созидательный дух, что помогло бы им противостоять второму японскому вторжению и вызовам надвигавшейся модернизации. Именно в силу этой причины возрождение конфуцианства и восстановление Pax Sinica не имели реальной основы и не приветствовались корейцами и даже китайцами.

Из этого как раз следует, что теория Сэмюэля Хантингтона о конфуцианской цивилизации и об антагонизме цивилизаций должна быть отвергнута, поскольку он не владеет исторической истиной и не видит реальных тенденций будущего развития в Восточной Азии (см. диаграмму 4).

Диаграмма 4

Стратегия развития китайской цивилизации в XXI в по модели "f"

Оценка китайской традиции

В заключение надо сказать, что будущее внешней политики Китая и его отношений со странами Азии во времена "пост-Pax Sinica" и "пост-Westernism" будет зависеть во многом от способности китайцев развить уникальную цивилизацию, которая предстанет как новый полезный для них образец для подъема на новую ступень, чтобы жизнь стала намного богаче, мирной и плодотворной.

Для достижения этой цели Китаю предстоит пройти длинный и трудный путь, чтобы найти новую модель для регионального устройства на XXI век.

Рецензии

И.Н.Наумов. "Проблемы формирования и подъема уровня жизни населения КНР". Москва, Наука, 1993, 300 с.

Рецензируемая монография написана одним из ведущих современных российских китаеведов-экономистов. Работа представляет собой результат многолетних исследований автора, и отличается широтой охвата проблемы и глубиной анализа.

Монография состоит из 8 глав, представляющих собой крупные проблемные блоки. В первой главе раскрываются экономическое содержание понятия "уровень жизни" и метод его исследования. Представив различные точки зрения, автор дает свое собственное понимание данной категории. По его мнению, с точки зрения политэкономии, понятие "уровень жизни" представляет собой "сложную социально-экономическую систему, состоящую из ряда подсистем, включающих, в свою очередь, большое число различных, но связанных между собой элементов... Уровень жизни - главный результирующий показатель исторически сложившегося уровня производительности труда, эффективности социально-экономической организации общества, а также социального, физического и культурного развития народа, класса, группы и отдельной личности" (с.14). В философском же смысле понятие "уровень жизни" идентично для автора условиям производства и воспроизводства непосредственной жизни.

Во второй главе анализируется процесс накопления и экономического роста в КНР. Автор определяет источники накопления, раскрывает механизм извлечения финансовых и материальных средств в фонд накопления. Оценивая практическую политику в области использования накоплений, автор отмечает, что "это была линия на максимизацию производственного накопления в ущерб непроизводственному, внутри производственного накопления - на максимизацию капиталовложений в промышленность в ущерб сельскому хозяйству, в промышленности - на максимизацию капиталовложений в тяжелую промышленность в ущерб легкой, а в тяжелой - на развитие металлургии в ущерб другим отраслям" (с.46-47).

Принцип максимизации был распространен также на распределение капиталовложений между новым строительством и реконструкцией действующих предприятий. Наряду с этим огромные средства затрачивались на военные цели. Так, например, с 1953 г. по 1985 г. из госбюджета на оборону было ассигновано в 13 раз больше средств, чем на развитие сельскохозяйственного машиностроения и химической промышленности (с.47).

Таким образом, как отмечается в монографии, в 50-е годы по необходимости, а в 1958-1978 г.г. по политическим соображениям игнорировались объективные требования закона накопления, волевыми методами создавалась однобокая, уродливая структура китайской экономики, где гипертрофированно огромное место заняла тяжелая промышленность. Вместе с этим в 1958-1978 г.г. происходило снижение качества экономического роста и нарастание различного рода трудностей.

В процессе экономической реформы норма накопления была сокращена (с 36,5% в 1978 г. до 28,3% в 1981 г.). Переориентация инвестиционной политики была нацелена на уменьшение капиталовложений, перераспределение их в пользу отраслей инфраструктуры за счет ограничения вложений в металлургию, химическую промышленность и другие отрасли тяжелой промышленности. Это было связано с крупными преобразованиями в социально-экономическом строе общества и переходом к многоукладности, с сокращением сферы централизованного управления, переводом капитального строительства с бюджетного финансирования на кредитование и т.п.

Однако этап урегулирования оказался недолгим. К 1985 г. норма накопления вновь повысилась до 35,2%. По существу, это был уже переход к следующему этапу реформ - к

внутренней открытости экономики. В сфере накопления политика открытости стимулировала новую горячку. По мнению автора, "столь высокая норма накопления носит, по существу, оборотный характер. Если в 50-70-е годы периоды роста нормы накопления сменялись периодами ее снижения, то с 1984 г. высокая норма накопления, по-видимому, сама становится нормой" (с.58).

Экономические реформы благоприятствовали улучшению управления инвестиционным процессом. Перераспределение инвестиционных ресурсов способствовало некоторому ослаблению диспропорций в экономике, но не устранило их. В силу ряда причин инвестиционный процесс не получил сбалансированного устойчивого развития. В результате не исчезли подъемы и спады в капитальном строительстве (с.65).

Третья глава посвящена сдвигам в структуре общественного продукта и формированию фонда личного потребления. К началу реформ в китайской экономике сложился своеобразный тип воспроизводства общественного продукта: высокая норма накопления - создание в больших масштабах технически отсталого производственного аппарата - низкий коэффициент использования энергии и сырья - производство низкокачественной и дорогостоящей продукции - низкие производительность труда и эффективность производства. В конечном счете такой тип воспроизводства привел к глубокому структурному кризису в материальном производстве, вызвал кризис в социально-экономической сфере.

После 1978 г. в КНР стали предприниматься некоторые шаги по преодолению глубоких диспропорций и изменению структуры общественного производства с упором на подъем сельского хозяйства и легкой промышленности. Однако уже в конце первого периода реформ и особенно во втором все снова начало возвращаться на круги своя и в политике накоплений, и в структуре общественного продукта. По мнению автора, структура общественного продукта, несмотря на некоторые подвижки, не претерпела коренных изменений. Инерция развития производства за предшествующие 30 лет не была преодолена.

В этой же главе рассматривается процесс формирования фонда личного потребления, представляющего, по мнению автора, совокупность материальных и духовных благ и услуг и являющегося основой жизни населения, воспроизводства рабочей силы, развития способностей людей (с.75). Автор анализирует формирование продовольственного фонда, развитие легкой и ремесленной промышленности, формирование фонда личного потребления нематериальных благ. Отдельно рассматривается роль торговли и услуг в формировании фонда личного потребления.

Проанализировав все составляющие фонда личного потребления, автор приходит к выводу, что экономическая реформа "затронула все отрасли народного хозяйства КНР: работающие на удовлетворение потребностей населения, благотворно отразилась на формировании фонда личного потребления, который увеличился количественно и до некоторой степени изменился в качественном отношении. Однако рост национального дохода и фонда потребления не привел к крупным изменениям в производстве материальных благ на душу населения, по важнейшим из которых Китай продолжает далеко отставать не только от развитых, но и от среднеразвитых стран мира, что, в свою очередь, накладывает существенный отпечаток на всю систему экономических отношений и, естественно, на уровень жизни населения. Более того, во второй половине 80-х годов трудности в формировании фонда личного потребления стали вновь возрастать" (с.93).

В четвертой главе исследуются личные потребности населения КНР и возможности их удовлетворения. Анализируя потребности китайского населения в продовольствии, средствах приспособления к окружающей среде (одежда, обувь, жилье), труде, развитию интеллекта и т.д., автор приходит к выводу, что одной из отличительных и существенных черт социально-экономической жизни китайского общества в прошлом, настоящем и обозримом ближайшем будущем является колоссальное недопроизводство важнейших жизненных средств. В Китае очень низкий уровень удовлетворения самых насущных потребностей, и вследствие многочисленности населения объем неудовлетворенных потребностей приобрел огромные масштабы. В КНР продолжает нарастать абсолютная и относительная необеспеченность многими продуктами первой необходимости, в первую очередь это касается продовольствия.

Низкий уровень производства жизненных средств и их колоссальный дефицит оказывают огромное воздействие на все стороны жизнедеятельности китайского общества. Первым следствием этого является снижение качества биологического воспроизводства человека. Кроме этого, огромный дефицит в насущных жизненных средствах непосредственно воздействует на отношения, законы и способы распределения, обмена. Последние, в свою очередь, оказывают обратное отрицательное влияние на производство.

Исходя из этого автор формулирует основное противоречие современного китайского общества: между гигантским ростом потребностей в насущных жизненных благах и низким уровнем их производства.

В пятой главе "Отношения распределения и доходы трудящихся" вскрываются проблемы и противоречия становления новых распределительных отношений, рассматриваются основные направления совершенствования заработной платы рабочих и служащих с упором на реформу зарплат в 1978-1990 г.г., анализируются распределительные отношения в деревне.

Специальный раздел посвящен проблеме формирования и использования общественных фондов потребления. Эти фонды невелики по абсолютным размерам, мала их доля в расходах государственного бюджета. Однако, по мнению автора, при современном душевом уровне производства ВВП поднимать долю фонда социального обеспечения нерационально, так как это будет еще более ущемлять непосредственных тружеников в оплате труда, усиливать уравниловку и подрывать трудовую активность. Как полагают китайские экономисты, в 90-е годы в распределении должна расти доля индивидуальной зарплаты и сокращаться дотации и доплаты, компенсирующие цены на продукты питания и услуги.

В данной главе также анализируется влияние соотношения спроса и предложения на формирование реальных доходов населения. Этот вопрос крайне актуален для Китая, поскольку острый дефицит товаров первой необходимости создавал серьезные трудности в области реализации денежных средств населения. В ходе экономической реформы большое беспокойство у китайского руководства стал вызывать рост цен.

По мнению автора, инфляционный всплеск в КНР вскрыл слабость и запущенность всей совокупности распределительных отношений, отрыв ее от уровня производства материальных благ. В частности, денежные доходы населения постоянно обгоняют рост производительности труда, расходы бюджета превышают доходы. При переходе на экономические методы хозяйствования неподготовленными оказались кредитная и банковская системы, а также механизм ценообразования.

Сложные процессы в области доходов и цен оказывают неоднозначное воздействие на социально-психологический климат в китайском обществе. В ходе экономической реформы государственная политика в области доходов и ценообразования эволюционировала в соответствии с изменением ситуации в экономике и обществе. Постепенно от политики урегулирования и либерализации цен правительство перешло к активному и жесткому контролю за ростом доходов и цен.

Автор отмечает, что Китаю удалось избежать взрыва цен и потребительского спроса в результате освобождения цен и ликвидации карточной системы распределения благодаря эволюционному характеру преобразований. В КНР отказались от политики "больших скачков", избрав путь постепенного сближения государственных и рыночных цен. Однако до сих пор многие насущные проблемы в области доходов и ценообразования в силу объективных и субъективных причин не устранены и должны решаться в течение 90-х годов.

В шестой главе раскрывается личное потребление трудящихся. Автор приходит к выводу о чрезвычайной сложности и неоднородности его динамики: "С одной стороны, за годы реформ реальное потребление основных жизненных средств увеличилось, но, с другой, - вследствие опережающих темпов роста потребностей и осовременивания их структуры разрыв между ними и уровнем их удовлетворения не только не сокращается, но продолжает увеличиваться" (с.212-213). В будущем, по мнению автора, можно ожидать дальнейшего насыщения быта китайцев современными промышленными потребительскими товарами при одновременном увеличении трудностей в обеспечении населения необходимыми продуктами питания, одеждой, обувью, жильем.

В седьмой главе автор обращается к проблемам занятости и условий труда. В перенаселенной стране решить проблему занятости крайне сложно. Настоятельная необходимость полного использования рабочей силы в КНР и весьма ограниченные материальные возможности для ее реализации обусловили и "политику всеобщей и безусловной занятости".

Осуществление этой политики, как отмечает автор, дало значительные результаты. Возросла трудовая активность населения. В производственную деятельность были вовлечены огромные человеческие ресурсы. Вместе с тем обнаружились глубокие проблемы: низкая эффективность производства, огромные растраты ресурсов, некачественная продукция и др.

Поэтому в ходе экономической реформы в политику "всеобщей занятости и единого распределения" трудовых ресурсов стали вноситься различные поправки. Переход деревни

на семейное хозяйствование и быстрое распространение рыночной торговли сельскохозяйственными продуктами в городах стимулировали миграцию сельского населения в города. 80-е годы стали периодом ускоренной урбанизации КНР. В связи с этим правительство разрешило крестьянам иметь в городах временную прописку, а государственным предприятиям были расширены права по набору и увольнению рабочих и служащих.

На рубеже 80-90-х годов обстановка в сфере занятости обострилась и в городе, и в деревне. Одной из причин был высокий демографический рост. В то же время сократились возможности приложения новых рабочих рук. В этой ситуации правительство КНР решило следовать курсом, получившим название "сочетание трех". При этом за государством остаются такие функции, как выработка политики использования трудовых ресурсов, единое планирование и управление, регулирование и изменение структуры трудовых ресурсов на макроуровне (с.224).

Непосредственной подготовкой и переподготовкой трудовых ресурсов призваны заниматься компании, предприятия, учреждения и управления трудовых услуг, которые получили название рынков трудовых услуг. Эти рынки труда стали вторым элементом системы "сочетание трех". Третьим же элементом является сам трудящийся. Ему формально предоставляется право выбирать род деятельности, отказываться от предлагаемой работы, увольняться и т.д. В 1993 г. на государственных предприятиях по контрактам работал 21% рабочих и служащих государственного сектора¹. Что же касается оценки современного состояния в сфере занятости, то, по мнению автора, здесь действуют одновременно и старые принципы, и частично новые: начинает действовать и служба занятости.

Характеризуя условия труда в Китае, автор отмечает исторически сложившийся высокий удельный вес ручного труда. Прямыми следствиями тяжелых условий труда являются высокая заболеваемость, неудовлетворительное состояние здоровья, а также низкая трудовая активность и трудовая дисциплина. Трудные жизненные условия: недостаток питания, одежды, обуви, жилья, топлива, электроэнергии, бумаги, неразвитость сети культурных и спортивных учреждений, отсутствие вокруг городов и сел зеленых зон не благоприятствуют плодотворному использованию трудящимися вне рабочего времени. Автор приходит к выводу, что несмотря на большие достижения, все главные проблемы воспроизводства рабочей силы в КНР остаются нерешенными, а некоторые из них еще более углубились.

В восьмой, заключительной, главе рассматривается проблема подъема уровня жизни населения КНР. Анализируются процесс пересмотра экономической стратегии после 1978 г., развитие сельского хозяйства в качестве важнейшего условия улучшения жизни китайского народа, перспективы развития демографической ситуации и решения проблемы занятости.

Автор отмечает, что в ближайшем будущем в Китае возрастет потребность в первую очередь в продуктах сельского хозяйства. Однако на развитие сельскохозяйственного производства ограничивающее воздействие будут оказывать многие факторы: снижение земледобеспеченности населения, прогрессирующее истощение почвенного плодородия и разрушение окружающей среды, проблемы в ирригационном строительстве и др. К этому следует добавить исчерпание возможностей роста производства за счет перехода на семейный подряд. Даже при достижении намеченных показателей валовых сборов сельхозпродуктов (500 млн. т зерна в 2000 г.) Китай, по мнению автора, "в обозримой перспективе будет продолжать испытывать острый дефицит в основных продуктах питания и сырья для промышленности" (с.245).

Что касается демографических проблем, то, по мнению автора, в настоящее время обстановка требует активного использования всего набора средств для ограничения прироста населения, поскольку численность населения в КНР давно перевалила за оптимальную величину (650-750 млн. чел.) и подошла к критическому рубежу (1 млрд. 185 млн. 170 тыс. чел. на конец 1993 г.)². Автор считает, что проблема народонаселения КНР превратилась в общечеловеческую.

В заключении изложены основные положения программы развития КНР на 90-е годы, принятой на 4-й сессии ВСНП 7-го созыва (март-апрель 1991 г.). В соответствии с положениями этой программы, 90-е годы в КНР должны пройти под знаком крупных преобразований в сфере производства, народонаселения, взаимодействия общества и природы, продолжения и углубления экономических реформ.

Оценивая возможность практической реализации данной программы, автор убежден в том, что количественные показатели программы будут выполнены и даже перевыполнены. В отношении же качественных показателей автор настроен скептически,

поскольку задачи по повышению качества экономического роста в КНР до сих пор никогда не выполнялись. В целом же 90-е годы, по мнению автора, "станут для китайского общества десятилетием суровых испытаний в решении очень сложных и неординарных социально-экономических, демографических, экологических и политических задач" (с.261).

На наш взгляд, монография И.Н.Наумова, написанная на высоком теоретическом уровне, основанная на большом количестве оригинальных материалов, содержащая глубокие выводы и обобщения, вносит весомый вклад в дело изучения экономики современного Китая, позволяет лучше понять процессы, протекающие в недрах китайского общества. Проведенный автором расчет баланса производства и потребностей в КНР позволил выявить колоссальный дефицит важнейших материальных благ, что высветило многие внутренние проблемы Китая и тенденции их развития, помогло осознать специфику китайского общества и его функционирования.

На примере Китая автору удалось убедительно показать, что выбор вариантов, форм распределения, обмена и потребления сужается по мере снижения уровня душевого производства материальных благ. От размеров материальных ресурсов зависят и степень свободы, возможности экономического маневра. Чем жестче экономический детерминизм, тем консервативнее система, тем труднее произвести в ней радикальные преобразования.

Думается, эта мысль автора вполне применима и к российским условиям, объясняя те трудности, с которыми сталкивается экономическая реформа в России. На наш взгляд, в данной работе содержится немало поучительного для российских реформаторов, и издание подобных монографий может стать лучшим аргументом в споре с противниками фундаментальных научных исследований.

© 1995

*И.А.Балюк,
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник
Института Дальнего Востока РАН*

-
1. Цзинцзи жибао. - 1994. - 1 марта.
 2. Там же.

**Michael Sweine, The Military & Political Succession in China.
Leadership Institutions Beliefs. / RAND. Santa Monica, CA. 1992**

Что произойдет в Китае после смерти Дэн Сяопина и ухода уже немногочисленной, но весьма влиятельной группы престарелых государственных и партийных деятелей? Кто будет контролировать основные рычаги власти в стране? Возможен ли заговор и государственный переворот по типу того, что произошел после смерти Мао Цзэдуна в 1976 году? В каком направлении будет развиваться страна при новом руководстве? Эти вопросы занимают не только людей, ведущих чисто научные изыскания в области политических и социальных наук. Они волнуют и государственные и деловые круги тех стран, которые имеют тесные контакты с Китаем. Под такие исследования, в значительной мере прикладные, носящие чисто прагматический характер, выделяются немалые средства. В 1992 г., как раз накануне 14-го съезда КПК, по заданию военно-воздушных сил США в неправительственной исследовательской корпорации "RAND" была проведена такая работа. Автор обширного доклада, Майкл Свэйн, известный специалист в области социально-политических исследований по современному Китаю, занимающийся в основном проблемами военной стратегии и военной безопасности в тихоокеанском регионе. В рецензируемой работе он попытался ответить на поставленные вопросы под углом зрения возможной вовлеченности военного истеблишмента Китая в процесс перехода власти в руки более молодых деятелей. При этом отправной точкой его анализа является утверждение, что политическая власть в Китае по-прежнему остается высоко персонифицированной, тесно связанной с армией, военными, которые и в пост-маоцзэдуновскую эпоху являются в конечном счете верховным судьей в фракционной борьбе группировок в китайском руководстве. Именно поэтому, считает он, без подробного анализа роли армии во внутренней политике Китая невозможно ответить на вопрос о переходе власти.

С этим утверждением автора вполне можно согласиться. Принцип "винтовка рождает власть" сохраняет свою силу в Китае и сегодня. Кроме того, влияние военных, особенно после Тяньаньмэньских событий, по-видимому, действительно несколько возросло. Однако при оценке этого влияния следует быть весьма осторожным и не преувеличивать его. Несмотря на сохраняющуюся довольно значительную вовлеченность армии во внутривластные дела и в процесс принятия важнейших политических решений, ее роль, начиная с дела Линь Бяо и особенно после 1985 г., когда была выработана новая военная доктрина и значительно урезан военный бюджет, постоянно сокращается. Это вызвано, пожалуй, не столько опасениями вмешательства военных в управление страной (по типу некоторых стран третьего мира), сколько требованиями модернизации и политики экономических реформ в стране. В опубликованной работе это обстоятельство часто упускается из виду и потому создается впечатление некоторого преувеличения роли армии. Впрочем, в беседе с автором данных строк М.Свэйн, согласился с данным замечанием.

Основой анализа является распределение высшего китайского руководства (главным образом руководителей старшего поколения) на пять

фракций, тесно связанных с системой бывших полевых армий. Такой подход, предложенный в работах Люсьена Пая¹ и Уильяма Уитсона², несмотря на всю его уязвимость в применении к пореформенному Китаю (о чем будет сказано ниже) по-прежнему широко используется в американском китаеведении при анализе политической ситуации в Китае. Конечно, подчеркивается в работе, ни одна из фракций не имеет четких границ. Тем не менее все они построены по строго иерархическому принципу. Каждая возглавляется авторитетным престарелым военным или политическим деятелем, поддерживающим тесные контакты с ветеранами той или иной полевой армией. Эта фракционная сеть является подлинным носителем власти в стране в обход институциональных органов. Баланс сил между этими немногими деятелями в конечном итоге и определяет политику в Китае.

Впрочем, как отмечает автор, между фракциями не существует принципиальных крупных разногласий в этой сфере. (с. 8).

Три фракции возглавляются профессиональными военными, часть из которых уже ушла в отставку, но тем не менее сохраняют контроль над фракцией. Две остальные контролируются престарелыми высшими партийными лидерами, которые в прошлом имели тесные контакты с той или иной полевой армией.

Наиболее мощной и влиятельной является группировка ветеранов 2-й полевой армии, к которой принадлежит и Дэн Сяопин. Среди важнейших ее членов М.Свэйн называет Лю Хуацзиня, который и после 14-го съезда КПК остался заместителем председателя Военного совета ЦК КПК и практически контролирует всю повседневную работу совета, а следовательно и армии, генералов Цинь Цзивэя, Сян Шоучжи и Ю Тайчжуна. Лю в 50-х годах учился в военно-морской академии в Ленинграде и по возвращении в Китай возглавлял работы по созданию и усилению военно-морского флота страны. В 1982 г. он был командующим ВМС Китая. Три других генерала долгое время возглавляли различные военные округа. Все они поддерживают тесные контакты между собою и связаны с Дэн Сяопином. Примыкает к этой группировке Хун Сюэчжи, который не является ветераном 2-й полевой армии и который в свое время был репрессирован вместе с Пэн Дэхуаем и реабилитирован лишь в конце 70-х. Не совсем понятно, почему автор включил его в данную группировку, тем более, что после Тяньаньмэньских событий он полностью отошел от дел, оставив пост в военном совете ЦК КПК, и, как утверждает М.Свэйн, никогда не считался достаточно влиятельной фигурой, подобной Ян Шанкуню, Ян Дэчжи или Чжан Айпину. (с. 32).

Второй по силе и влиянию группировкой, связанной с системой полевых армий является группировка ветеранов 3-й полевой армии. Ее лидером автор считает Чжан Айпина, который долгое время служил в качестве политкомиссара и полевого командира под началом Пэн Дэхуая, а затем Чэнь И и Жао Шуши. В 50-х годах он занимался развитием оборонной промышленности Китая, а в 80-х - был министром обороны страны, помогая Дэн Сяопину осуществлять модернизацию армии. Хотя в настоящее время он отошел от дел, он по-прежнему остается весьма влиятельной фигурой в НОАК. Интересно, что во время Тяньаньмэньских событий он решительно противился использованию войск против демонстрантов и подписал наряду с другими шестью высшими военными деятелями Китая (Е Фэй, Ян Дэчжи, Сун Шилунь, Сяо Кэ, Чэнь Цзайдао и Ли Цзюкуй) письмо, в котором предупреждал руководство об опасности введения военного положения. Он так и не выступил с заявлением в поддержку введения военного положения летом 1989 г., хотя сохранил хорошие отношения с Дэн Сяопином и по-прежнему поддерживает курс реформ.

Группировка ветеранов 5-й полевой армии возглавляется Ян Дэчжи и Бо Ибо. Ян Дэчжи, утверждает автор, основываясь на своих многочисленных интервью с китайскими военными среднего звена, имеет чрезвычайно высокую

репутацию в кругах профессиональных военных. Однако несмотря на это, ввиду отсутствия широких контактов с другими группировками, не пользуется большим влиянием среди престарелых лидеров.

По мнению автора, политические контакты группировки налаживает Бо Ибо, который связан и с Дэн Сяопином, и с Чэнь Юнем. Бо Ибо - лицо чисто гражданское, чей военный опыт ограничивается службой в качестве политкомиссара в войсках 5-й полевой армии до 1949 г. После этого он занимался в основном экономической и партийной работой вместе с такими видными деятелями как Ли Фучунь, Чэнь Юнь, Ли Сяньнянь. Возможно, у него и сохранились тесные связи с военными, но доказательств этого М.Свэйи не приводит. Не ясно также, какое влияние оказывают весьма консервативные взгляды Бо Ибо на позицию всей группировки.

Одной из значительных и набиравших силу накануне 14-го съезда партии группировок считалась группировка Ян Шанкуня и Ян Байбина. Ян Шанкунь к тому времени был председателем республики и благодаря длительной работе в 50-х - 60-х годах в Канцелярии ЦК КПК имел широкие связи не только среди гражданских, но и среди военных чинов. Что более важно - у него сложились довольно теплые отношения с Дэн Сяопином. В конце 70-х, будучи реабилитирован и занимая важные посты в Гуандуне, он решительно поддерживал реформы.

Ян Байбин, его сводный брат - ничем не примечательная фигура. И тем не менее, накануне 14-го съезда он занимал посты начальника Главного Политуправления НОАК и секретаря Военного Совета ЦК КПК: и всячески стремился упрочить свои позиции. Основываясь на своих интервью с китайскими военными и на мнениях других западных аналитиков, М.Свэйи заключает, что среди офицеров НОАК, особенно в среднем и низшем звене, оба брата не пользуются особыми симпатиями, в частности ввиду своей жесткой и непримиримой позиции во время Тяньяньмэньских событий. (с. 34). Между тем, именно среди солдат и низших командиров некоторых частей, а также части выпускников военных академий распространены продемократические настроения и критицизм в отношении партийного руководства. (161) Кроме того, в армии, по-видимому, существуют разногласия между политработниками и полевыми командирами, что сказывается и на неприязни военных к Ян Байбину, который стремился усилить и расширить политработу в войсках. Все это напоминает ситуацию, которая складывалась в Советской армии в конце 40-х - середине 50-х. Хотя есть и серьезные отличия. В беседе со мною М.Свэйи особо отметил этот момент и подчеркнул, что в данном случае контроль над армией и над командирами осуществляют не политработники. Для этого создана т.н. трехсторонняя система - политработники, партком и комиссия по проверке дисциплины, где ведущую роль играют парткомы. Кроме того, существующие разногласия не переходят в открытый конфликт. Недовольство военных Ян Байбином, как заметил автор в разговоре, все же скорее вызвано слишком уж неприкрытым стремлением последнего к власти.

Особняком в анализе автора стоят Чэнь Юнь и Пэн Чжэнь. Они не обладают серьезным влиянием среди военных, но тем не менее весьма авторитетны среди престарелых лидеров. Их взгляды довольно консервативны, часто противостоят политике реформ, одобряемой Дэном. Основное их кредо - сохранение социалистического строя и поддержание социального порядка в стране пусть даже и военной силой. Возможно именно поэтому они могли бы в будущей политической борьбе оказаться на стороне консервативно настроенных военных.

Две другие важные фигуры в китайском руководстве, которые заслуживают, по мнению автора, внимания, - Ли Дэшэн и Ван Чжэнь. В свое время Ли Дэшэн служил во 2-й полевой армии под началом Лю Бочэна и Дэн

Сяопина. Затем играл значительную роль во время "культурной революции". Он сотрудничал с Е Цзяньином в аресте "четверки" и долгое время был командующим Шэньянским военным округом. Однако в последнее время его влияние быстро и значительно падает, хотя его следует брать в расчет в возможной фракционной борьбе.

Ван Чжэнь, довольно влиятельная консервативная фигура, в прошлом был связан с 1-й полевой армией, служил в Синьцзяне, был министром сельского хозяйства, занимал различные высшие государственные посты, а накануне 14-го съезда был заместителем председателя Военного Совета ЦК КПК. Он являлся одним из наиболее непримиримых борцов против "буржуазной либерализации" и наряду с Чэнь Юнем, Бо Ибо и другими консервативными деятелями добивался отставки Чжао Чзыяна с поста генерального секретаря партии. Он настаивал на проведении широкой чистки рядов партии и резко критиковал реформы Горбачева. Поскольку у него сохранились контакты с армейскими чиновниками и генералами, автор считал необходимым включить его в свой анализ.

С вышеназванными группировками в центре системой неформальных отношений связаны и региональные военные округа. Особенно хорошо эти связи прослеживаются в командовании округами. Однако по мере снижения уровня командования и рангов офицеров эти связи значительно слабеют и уже не играют значительной роли. Нарождается новое поколение военных руководителей, не имеющих отношения к фракционной системе полевых армий.

И тем не менее в данной работе М.Свэйи прежде всего анализирует связи и влияние престарелых лидеров партии и армии. Такой подход продиктован в первую очередь отсутствием четких и узаконенных процедур в системе военного командования Китая, сохранением определенных традиций революционных армий, что и приводит, по мнению автора, к сосредоточению высшей власти в руках небольшой группы ветеранов революции, имеющих огромный опыт в военных, административных и партийных делах. Именно они пока еще выносят важнейшие стратегические решения. Именно они контролируют армию.

Но что происходит, если такой человек уходит со сцены? Возможны несколько вариантов развития событий. Из них самым маловероятным автор считает тот, когда армия ни в коей мере не будет принимать участия в процессе перехода власти из одних рук в другие, т.е. нормальный процесс в демократических странах.

Вторым, тоже маловероятным вариантом считается захват власти радикальными, реформаторски настроенными гражданскими и военными руководителями и создание более открытого и, может быть, некоммунистического режима. Одним из условий осуществления такого варианта было бы значительное ослабление центральной власти и известная регионализация страны.

Третий вариант - активное вмешательство военных, но уже с позиций консервативных, с целью воспрепятствовать социальным беспорядкам и установить авторитарный, стабильный режим, который притормозил бы процесс реформ.

Наконец, четвертый вариант - вмешательство военных в политическую борьбу, но не как единой силы, а как соперничающих фракций (может быть, даже региональных), поддерживающих того, или иного партийного лидера.

Вероятность каждого варианта в значительной степени зависит от порядка ухода престарелых руководителей, таких как Дэн Сяопин, Чэнь Юнь, Ян Шанкунь и др. По мнению автора, на ближайшую перспективу возможен

вариант мирного перехода власти с участием в той или иной степени военных, либо сочетание третьего и второго вариантов.

Нужно сказать, что выводы автора относительно будущего переходного периода в принципе совпадают с тем, к чему пришли и российские ученые, которые, правда, анализировали ситуацию с точки зрения политического и экономического развития, избегая деления политических сил в стране на фракции по принципу полевых армий. Такой принцип, возможно, применим в отношении событий 50-х - 70-х годов, но в период реформ он не работает. Его использование ведет к сильным натяжкам и искусственным конструкциям, что видно из работы М.Свэйна. Так например, Чэнь Юнь и Бо Ибо, видные партийные и государственные деятели, которые в период КНР занимались экономической и административной работой, искусственно привязываются к той или иной полевой армии. При этом однако ничего не говорится о влиянии их довольно консервативных идей на ту или иную группировку. В несколько меньшей степени это можно сказать и о Ван Чжэне и Пэн Чжэне. Другой пример недостатка анализа по принципу полевых армий - недавнее продвижение генерала Юй Юнбо. В работе он рассматривался как ближайший помощник и сторонник Ян Байбина, в прошлом имевший тесные связи с Ян Шанкунем. Однако после 14 съезда КПК, когда оба брата Ян потеряли свои позиции в высшем руководстве, Юй Юнбо, наоборот, вошел в Военный совет ЦК КПК и стал начальником Главного Политуправления армии. Целый ряд других генералов, которые якобы принадлежали к фракции братьев Ян также остались на своих постах или даже были повышены. Автор признает, что объяснить это, исходя из деления по вышеназванным фракциям и полевым армиям, довольно трудно.

Наконец, не следует забывать, что в 1985 г. была проведена реформа военных округов, в ходе которой старая система, связанная с полевыми армиями была разрушена.

Если можно еще говорить о существовании фракций по принципу деления на полевые армии среди престарелых руководителей, то это совсем уже не относится к более молодому поколению военных. Впрочем, М.Свэйн в беседе со мной признал, что старая фракционная система полевых армий изживает себя и в последующем нужно будет искать какой-то другой подход для анализа ситуации в армии, большее внимание уделяя, может быть, системе военных академий и т.п. Возможно в следующем, расширенном и обновленном варианте книги, которую М.Свэйн собирается выпустить в 1995 г. будет дан другой принцип анализа и уделено большее внимание молодому поколению китайских военных руководителей. Следует заметить, что и данный вариант содержит большой фактический материал относительно системы военного командования, военных округов, структуры НОАК. Поэтому она имеет ценность еще и как справочное пособие по китайской армии.

© 1995

Ю.Овчинников.

1. Lucian Pye. The Dynamics of Chinese Politics. Cambridge, 1981.
2. William Whitson. The Chinese High Command: A History of Communist Military Politics, 1927-1971. N.Y., 1973.

Памяти А.М.Котова

На 50-м году жизни в автомобильной катастрофе трагически погиб видный китаевед, доктор филологических наук Аркадий Михайлович Котов.

Талантливый уроженец Владимирской земли благодаря своим природным данным и большому трудолюбию достиг высоких результатов в изучении китайского языка.

Всю свою сознательную жизнь А.М.Котов занимался исследованиями в области китайской филологии. Человек широкой эрудиции и независимых суждений он внес существенный вклад в научное представление о китайском языке. В своей докторской диссертации "Стилистика китайского языка в сопоставительном аспекте" ему удалось на серьезной теоретической базе и данных исследований в КНР и Сингапуре сформулировать целостную концепцию типологически обусловленных различий в стилистических нормах китайского и русского языков, выдвинуть ряд оригинальных суждений, касающихся исследований китайского языка под углом зрения функциональной стилистики. Эти теоретические положения несомненно станут отправной точкой для новых поколений исследователей. Труды А.М.Котова отличаются научной добросовестностью, непредвзятостью, стремлением выявить глубинные причины языковых явлений, безукоризненный стиль изложения, выдержанный в лучших традициях русской филологической школы.

Много сил А.М.Котов отдал педагогической деятельности. Им подготовлены сотни китаеведов-переводчиков, написано много учебных пособий. Как опытный педагог и переводчик, он передавал свой богатый практический опыт своим многочисленным ученикам, прививал им стремление к научному новству, любовь к избранной специальности, к китайскому языку.

А.М.Котов был не только ученый и педагог, а добрый и отзывчивый человек. Какого бы дела он ни коснулся, всюду он проявлял свой многогранный талант, чуткое отношение к людям, требовательность к себе и окружающим, большую личную скромность.

Уход из жизни А.М.Котова невосполнимая потеря не только для его родных и близких, но и для китаеведения. Он не успел реализовать свой громадный научный и практический потенциал.

Многочисленные его ученики и друзья, товарищи по работе навсегда запомнят талантливого китаеведа-филолога, прекрасного семьянина, незаурядного человека Аркадия Михайловича Котова.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Сдано в набор 22.11.94 г. Подписано к печати 14.01.95 г. Формат бумаги 70x100 1/16.
Офсетная печать. Усл.печ.л. 14,3. Усл.кр.-отт. 19,6 тыс. Уч.-изд.л. 16,5 Бум. л. 5,5
Тираж 1349 экз. Зак. 2181

Оригинал-макет © 1994 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в Московской типографии №2 РАН, 121099 Москва Г-99, Шубинский пер., 6.

**СПИСОК РАБОТ,
подготовленных ИДВ РАН и опубликованных в
Информационном бюллетене ИДВ РАН в 1994 г.***

№ 5. Россия-Китай-Украина: пути экономической реформы в деревне.

Сборник статей. 10,0 п.л.

Предлагаемый сборник представляет собой материалы международной конференции на указанную тему ученых-экономистов КНР и стран СНГ, организованной ИДВ РАН и Институтом стран Восточной Европы и Центральной Азии АОН Китая в Москве в 1993 г. В статьях сборника читатель может найти ответы, которые дают китайские, российские и украинские авторы на многие сходные вопросы, возникающие в ходе проведения реформы в деревне.

№ 6. Охрана окружающей среды в КНР: экологическая ситуация, политика, право.

Монография. 7,1 п.л.

В монографии на оригинальном китайском материале впервые с трех основных позиций - масштабов деформации среды обитания, государственной экологической политики и положений природоохранного законодательства даны анализ развития проблемы охраны окружающей среды в КНР и оценка перспектив развития сложившейся ситуации.

№ 7. Новые акценты и тенденции во внешней политике Китая.

Сборник статей. 12,8 п.л.

В сборник включены статьи, охватывающие ряд наиболее актуальных аспектов и направлений внешней политики Китая на современном этапе.

№ 8. Перемены в КНДР: взгляд из Южной Кореи и России.

Сборник статей. 7,0 п.л.

В сборник включены доклады и сообщения ученых ИДВ РАН и южнокорейских исследователей - участников VI российско-корейской научной конференции, которая состоялась в 1994 г. в Москве по инициативе ИДВ РАН и Института китайско-советских исследований при Ханьянском университете (г.Сеул). Конференция была посвящена анализу современной социально-политической ситуации в КНДР, обстановке на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии, а также отдельным аспектам межкорейских отношений.

№ 9. Актуальные проблемы Северо-Восточной Азии (Япония, Корея, НИС).

Сборник статей. 10,7 п.л.

Настоящий сборник содержит материалы, в которых освещаются вопросы политики Японии, Кореи, положение в СВА, анализируются японские концепции обеспечения безопасности и внешней политики, экономические аспекты развития азиатско-тихоокеанского региона, опыт развития рыночной экономики в Японии, научно-технические связи Японии с Китаем, перспективы развития российско-японских отношений.

№ 10. Япония в процессе формирования новой модели безопасности в СВА.

Монография. 13,1 п.л.

В монографии рассматриваются подходы правящих кругов Японии к проблемам обеспечения безопасности в СВА через призму японского понимания соответствующих доктрин и концепций главных участников субрегионального и регионального процессов: США, КНР, Российской Федерации и Республики Корея.

* Продолжение. Начало см. в журнале "Проблемы Дальнего Востока" № 4 за 1994 г.